

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Май 2024 Том 23 № 2

Специальная тема номера:
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Приглашенный редактор
доктор исторических наук, профессор Т.В. Черникова

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 23 No. 2 MAY 2024

Special Theme of the Issue:
**THE RUSSIAN EMPIRE IN CONTEXT
OF ITS PERIOD AND GEOPOLITICAL ENVIRONMENT**

Guest Editor Dr. Habil. History, Professor Tatyana V. Chernikova

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.05.2024. Выход в свет 31.05.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,37. Тираж 500 экз. Заказ № 608. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Marina N. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arсланov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: М.Н. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

THE RUSSIAN EMPIRE IN CONTEXT OF ITS PERIOD AND GEOPOLITICAL ENVIRONMENT

Guest Editor of the column is Dr. Habil. History, Professor Tatyana V. Chernikova

- Chernikova T.V.** “Greek project” in Terms of Political Practice and Russian Imperial Ideology during the Reign of Catherine II 130
- Stepanova L.G.** From the Yeisk Fortification to the Yeisk Settlement: Transformation of the Settlement Structure and Features of Land Surveying on the Southern Borders of Russia in the Second Half of the XVIII – First Half of the XIX Century 143
- Mogilevskiy N.A.** Russia’s Imperial Bureaucracy and the Problem of Forming New Managerial Ethos on the Eve of the Great Reforms 155
- Rumyantsev P.P.** Viewpoints of Russian Gendarmerie Staff officers on the Structure of Local Management Apparatus in Siberia during Pre-Reform Period 167
- Vishnyakov Y.V.** Serbia in the Economic Strategy of the Russian Empire in Late XIX – Early XX Century 179

ARTICLES

- Belyaeva N.A., Sigalov K.E., Alexandrov P.G.** Czechoslovak Central Economic Commission in the Documents of the Russian State Historical Archive of the Russian Far East 191
- Zhadan A.V., Shabelnikova N.A.** Ensuring Legality and Service Discipline in the NKVD Bodies of the Far East during the Great Patriotic War 203
- Mironov B.N.** Everyday Anti-Semitism in the USSR 216

HISTORIOGRAPHY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- Kanukova Z.V., Tuaeveva B.V., Plieva Z.T.** Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from “Colonialism” to Russian Statehood 232
- Sabennikova I.V.** Genealogy in the System of Modern Knowledge: Theory and Methodology of Cognitive History of O.M. Medushevskaya 244

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Приглашенный редактор рубрики доктор исторических наук, профессор Т.В. Черникова

- Черникова Т.В.** «Греческий проект» в политической практике и имперской идеологии России в царствование Екатерины II 130
- Степанова Л.Г.** От Ейского укрепления до Ейской слободы: трансформация поселенческого уклада и особенности межевания на южных границах России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. 143
- Могилевский Н.А.** Российская имперская бюрократия и проблема формирования нового управленческого этоса в преддверии Великих реформ 155
- Румянцев П.П.** Взгляд жандармов на императорскую администрацию в Сибири дореформенной эпохи 167
- Вишняков Я.В.** Сербия в экономической стратегии Российской империи в конце XIX – начале XX в. 179

СТАТЬИ

- Беляева Н.А., Сигалов К.Е., Александров П.Г.** Чехословацкая центральная экономическая комиссия в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока 191
- Жадан А.В., Шабельникова Н.А.** Обеспечение законности и служебной дисциплины в органах НКВД Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 203
- Миронов Б.Н.** Бытовой антисемитизм в СССР 216

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т.** Россия и Центральный Кавказ в советском и современном научном дискурсе: от «колониализма» до российской государственности 232
- Сабенникова И.В.** Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской 244

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ И ГЕОПОЛИТИКИ
THE RUSSIAN EMPIRE IN CONTEXT OF ITS PERIOD AND GEOPOLITICAL ENVIRONMENT

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-130-142>
EDN: SYGQGY

Научная статья / Research article

**«Греческий проект» в политической практике
и имперской идеологии России в царствование Екатерины II**

Татьяна Васильевна Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия
✉ Tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Дана расширенная трактовка «Греческого проекта» как не только внешне-политического, но и внутривнутриполитического начинания государственной власти, имевшего специфическую идеологическую составляющую. Источниковой базой, помимо текста письма Екатерины II Иосифу II, послужили бумаги Г.А. Потемкина, А.В. Храповицкого, письма Алексея и Григория Орловых, переписка российской императрицы с Вольтером и другими идеологами европейского Просвещения, сочинения греков, в частности Евгения Вулгариса, различные документы внешней и внутренней политики, памятники российской культуры. Показано, что характерной чертой имперской идеологии царствования Екатерины II стал филэллинизм, который включал осознание прежде всего дворянской элитой наследия Античной Эллады как истока общеевропейской Цивилизации и сочувствие потомкам великих эллинов, единоверцам, попавшим под иноземное османское иго, с одной стороны, а с другой – власть и российское общество согласно позиционировали Российскую империю как законную преемницу Византии, которая может и должна вернуть греков-единоверцев в европейскую цивилизацию.

Ключевые слова: Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., присоединение Крыма, Дакия, российско-австрийские отношения, греки как российские подданные

Для цитирования: Черникова Т.В. «Греческий проект» в политической практике и имперской идеологии России в царствование Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 130–142. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-130-142>

**“Greek Project” in Terms of Political Practice
and Russian Imperial Ideology during the Reign of Catherine II**

Tatyana V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
✉ Tchernikova1961@mail.ru

Abstract: The author gives an expanded interpretation of the “Greek Project” as not only a foreign policy undertaking, but also as an internal political project used in order to buttress state authority with specific ideological components. The source base for the project, in addition to the letter of Catherine II to Joseph II, are the papers of G.A. Potemkin, A.V. Khrapovitsky, the letters of Alexei and Grigory Orlov, and correspondence of the Russian Empress with Voltaire and other ideologists of the European Enlightenment. In addition, the writings of Greeks, in particular Eugenios Voulgaris, along various

© Черникова Т.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

documents of foreign and domestic policy, and Russian cultural monuments are important to the project. It is shown that a characteristic feature of the imperial ideology of the reign of Catherine II was philhellenism, which included, above all, the noble elite's awareness of the heritage of ancient Hellas as the source of pan-European civilization. On one hand, this ideology also included sympathy for the descendants of the great Hellenes, co-religionists who fell under the foreign Ottoman yoke, and on the other hand, the authorities and Russian society unanimously positioned the Russian Empire as the legitimate successor of Byzantium, which could and should return fellow Greeks to European civilization.

Keywords: Kyuchuk-Kainardzhi peace of 1774, incorporation of Crimea, Dacia, Russian-Austrian relations, Greeks as Russian subjects

For citation: Chernikova, T.V. “‘Greek project’ in terms of political practice and Russian imperial ideology during the reign of Catherine II.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 130–142 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-130-142>

Введение

Актуальность. Обычно, когда говорят о «Греческом проекте», имеют в виду неосуществленный план создания на месте европейских владений Османской империи государств «Дакии» и «Греческой империи», который содержало письмо Екатерины II к императору Священной Римской империи Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г. Однако предложения императрицы возникли не на «пустой почве». Их невозможно объективно оценить, исходя только из внешнеполитического курса, без анализа внутренней политики и идеологии царствования Екатерины II.

Степень изученности проблемы. Внешнеполитическая составляющая «Греческого проекта» хорошо изучена в трудах О.П. Марковой, Г.А. Арша, А.Ф. Миллера, В.Н. Виноградова, Я.Ф. Тиктопуло, О.Е. Петруниной, О.Г. Елисейевой, П.В. Стегния, М.А. Петровой, в коллективной монографии «Век Екатерины II. Дела балканские» и работах других ученых. Все исследователи констатируют неосуществленность предложений царицы. Но по вопросам, почему они появились, в чем была их истинная подоплека и было ли возможно в принципе их осуществить, научная дискуссия продолжается. Большие перспективы представляет заявленный в книге А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...»¹ междисциплинарный подход исследования «Греческого проекта» как явления более крупного, нежели предложения письма 1782 г.

Целью исследования является выявление в «Греческом проекте» идей и настроений филэллинизма², которые правительство не без успеха внушало российским подданным, сопровождая это практическими действиями внутри России. В результате любовь к древнегреческому наследию и сочувствие к современникам грекам стало частью мировоззрения образованной дворянской элиты. Другой составляющей российского филэллинизма, особенно в народной среде, была симпатия к грекам как единоверцам, страдающим от ига иноверцев. Внешнеполитический аспект «Греческого проекта» будет рассмотрен кратко как внешний фон действий правительства внутри России, включая его идеологические усилия.

Источниковой базой для такого ракурса исследования помимо текста письма Екатерины II Иосифу II служат бумаги Г.А. Потемкина, А.В. Храповицкого, письма Алексея и Григория Орловых, переписка российской императрицы с Вольтером и

¹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII первой трети XIX века. М., [2001] 2004.

² Термин «филэллинизм» в науке используется в разных пониманиях, начиная с преклонения перед эллинской культурой негреков, которых еще сами древние греки называли «филэллинами». Филэллинизм трактуется и как часть культуры эпох Ренессанса и Просвещения. К примеру, в Германии XVIII в. немецкий филэллинизм связывается с влиянием сочинений Винкельмана 1750–1760-х гг. Из европейского и российского филэллинизма XVIII в. вырастает идеология «филэллинов» разных национальностей, участвующих в национально-освободительной борьбе греков в конце XVIII – первой трети XIX вв. Филэллинизмом называют также эстетическое направление в неоклассицизме конца XIX–XX вв. и др.

другими идеологами европейского Просвещения, сочинения греков, в частности, Евгения Вулгариса, различные документы внешней и внутренней политики, памятники российской культуры.

Большинство знаковых источников опубликовано³. Архивные документы, как показал опыт поиска историком О.И. Елисеевой автора архивного черновика письма Екатерины II, могут существенно уточнять детали, но вряд ли способны кардинально изменить уже сформулированные учеными оценки российских предложений от 10 (21) сентября 1782 г.

Подходы к оценке «Греческого проекта» в рамках письма Екатерины II Иосифу II

Ряд современников (в частности, Фридрих II и маркиз де Вирак⁴), а вслед за ними и часть зарубежных⁵ и отечественных историков оценили предложения Екатерины II как своего рода «головокружение от успехов». А.Ф. Миллер назвал их «химерой». Близкие оценки высказали А.М. Станиславская, Ю.Р. Клокман, И.С. Достян. Отчасти того же мнения придерживается В.Н. Виноградов⁶.

Я.Ф. Тиктопуло, напротив, считает, что проект оказался неосуществленным из-за простого стечения обстоятельств, среди которых немалую роль сыграла смерть Г.А. Потемкина⁷.

Еще в конце 1950-х гг. О.П. Маркова увидела в письме императрицы не план действий, а своего рода «операцию прикрытия» для присоединения Крыма⁸. Но эта гипотеза поставлена под сомнение О.И. Елисеевой⁹, которая установила по архивным источникам, что вначале А.А. Безбородко написал черновой проект о создании Дакии и Византии, а записка Г.А. Потемкина о необходимости присоединения Крыма появилась позже. П.В. Стегний поддержал выводы Елисеевой:

присоединения к России Крыма оформилась в кругу ближайших советников Екатерины только в ходе работы над черновиком послания австрийскому императору [и нет оснований] рассматривать Греческий проект как своеобразную «операцию отвлечения», цели которой ограничивались присоединением к России Крымского полуострова¹⁰.

³ Письмо Екатерины II Иосифу II от 10 сентября 1782 г. // Русский архив. 1880. Кн. I. С. 281–291; Письмо Иосифа II Екатерине II от 13 ноября 1782 г. // Русский архив. 1880. Кн. I. С. 296–300; Письма Екатерины II Г.А. Потемкину // ВИ. 1989. № 7–10, 12; Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического СПб., 1893; Вольтер и Екатерина II. Переписка. СПб., 1882; *Грот Я. К. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве иностранных дел* // Сб. РИО. 1880. Т. 27; Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 гг. М., 1997; Переписка Екатерины II с Иосифом II // Русский архив. 1880. Кн. I. С. 281–291; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. Т. 23: Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796). Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1891–1895. Вып. IV, VI–VIII; Памятные записки А.В. Храповицкого стац-секретаря Императрицы Екатерины II. М., [1862] 1990; Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.

⁴ Французский посол в России с июля 1780 по ноябрь 1783 г.

⁵ *Arneth A. Joseph II und Katharina von Russland. Ihre Briefwechsel.* Wien, 1869; *Madanaga de I. Russia in the Age of the Catherine the Great.* New Heaven and London, 1981.

Raeff M. *Catherine the Great.* 1972. London, 1972. 331 p.

⁶ См. в частности: *Виноградов В.Н.* 2010: Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 117–119.

⁷ *Тиктопуло Я.* *Мираж Царьграда* // Родина. 1991. № 11–12. С. 57–61.

⁸ *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: сб. ст. АН СССР / Ин-т истории СССР. М., 1986. С. 12.

⁹ *Елисеева О.И.* 1) Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000; 2) Григорий Потемкин. М., 2005; 3) *Екатерина Великая.* М., 2010.

¹⁰ *Стегний П.В.* Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 105.

Большинство зарубежных авторов склонны видеть в «Греческом проекте» традиционное для России стремление к внешней экспансии. При этом известный американский специалист по екатерининской эпохе Д.М. Гриффитс, а также французский писатель и историк А. Труайя констатировали, что экспансионизм и желание передела османских владений в свою пользу были присущи в XVIII–XIX вв. всем великим европейским державам¹¹.

Взгляд на «Греческий проект» в контексте национальной греческой истории присутствует в трудах О.Е. Петруниной¹². Историк выявила, что к последней трети XVIII в. у самих греков возникло два дискурса возрождения греческого государства – «традиционный византийско-православный», созвучный российским имперским планам, и «этноцентрический» о создании современного национального государства. Последний постепенно упрочивал позиции, а после становления Греции как суверенной страны стал господствующим. Он лег в основу национальной греческой идеологии, получившей название «Великой идеи»¹³.

«Окно возможностей» для Дакии и реализация «Крымского проекта»

По Кючук-Кайнарджийскому 1774 г. миру России получила право выступать защитником христианского населения Дунайских княжеств. В Яссах и Бухаресте появились российские консулы. Жители Дунайских провинций неоднократно обращались к послу России в Константинополе с просьбой защитить их от османов¹⁴. Поток переселенцев двинулся с Балкан в Россию.

Проект «Дакии» в сравнении с идеей возрождения «Греческой империи» выглядел более реалистичным. Дунайские княжества формально не входили в саму Османскую империю, являясь ее вассалами. Екатерина II рассчитывала объединить их под совместным русско-австрийским протекторатом и возвести на престол монарха-христианина, лояльного как России, так и Австрии. На практике идея «Дакии» реализовалась после проигранной Россией в 1853–1856 гг. Крымской войны, когда по итогам молдавско-валашского плебисцита 1858–1862 гг. и Парижской конференции 1858 г. образовалась Румыния. В Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. Румыния выступила союзницей России, и ее независимость была окончательно провозглашена 21 мая 1877 г.

Могло ли становление прообраза Румынии – Дакии случиться в конце XVIII в.? На наш взгляд, небольшое «окно возможности» существовало с 1774 до 1783 г., пока не был заключен Парижский (Версальский) договор, завершивший войну за независимость США. В этой войне на стороне США «завяз» давний соперник Габсбургов и единственный надежный союзник Турции в Европе – Франция. Англия, неформальная союзница России в Русско-Турецкой войне 1768–1774 гг., была скована этим конфликтом еще более. Она не смогла противодействовать даже Декларации о вооруженном нейтралитете, изданной Екатериной II 28 февраля (10 марта) 1780 г., хотя декларация именно ей вредила больше, чем союзникам США. Русские дипломаты из Лондона и Парижа сообщали, что обе страны не в состоянии оказать военную помощь Турции. Французские эмиссары даже предостерегали Порту от новой войны с Россией. На все это Екатерина II указывала Иосифу II,

¹¹ Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013; Труайя А. Екатерина Великая М., 1997.

¹² Петрунина О.Е. 1) Национальная идея в формировании греческого государства в конце XVIII – начале XX вв. Дис. ... д.и.н. М., 2012; 2) Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010.

¹³ Петрунина О.Е. Национальная идея... С. 525–526.

¹⁴ Коришнова Н.В. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Гречески проект» // Вестник Челябинского университета. 2003. Выпуск 1. Т. 10. С. 64.

соглашаясь с его предложением для нейтрализации Франции выделить ей из османского наследства Египет.

Противодействия Пруссии Екатерина II не ожидала из-за преклонного возраста Фридриха II. Между тем «Старый Фриц» следил за австро-русским сближением. 2 апреля 1782 г., то есть до отправки Екатериной II ее письма, он сообщал своему посланнику в Петербурге графу Герцу о курсирующих по Европе «противоречивых новостях», якобы о том,

что оба императорских двора уже согласовали между собой раздел завоеваний... Говорят, что не только Белград, но и часть Фракии, Молдавии и Валахии должны отойти венскому двору¹⁵.

Впрочем, Фридрих II был уверен, что Екатерина II не допустит такого унижения России и с проектом «случится то же, что и с большинством других, сформулированных императрицей»¹⁶.

Вопрос о Дакии зависел от способности Австрии искать с Россией консенсус. Иосиф II в письме от 13 ноября 1782 г. предложил «торг». Он уверял: у царицы «никогда не возникнет затруднений», если интересы России

будут совпадать и согласовываться с моими собственными интересами и удобствами... Присоединение к вашей империи Очакова с областями и некоторых владений на островах Архипелага не может встретить никаких затруднений, что же касается создания нового королевства Дакии, престол которого наследовался бы принцем христианской религии, и, наконец, возведения на престол греческой империи в Константинополе вашего внука Константина, то *это будет зависеть от исхода войны...*¹⁷

Иосиф II желал, чтобы свободно австрийские суда выходили из Дуная в Черное море и проходили через Босфор и Дарданеллы, а австрийские купцы беспошлинно торговали в гипотетических Дакии и Греческой империи. Иосиф II настаивал:

Австрийскую монархию могут устроить следующие рубежи: для прикрытия Галиции и Буковины часть Валахии, которую огибает Алута, от Никополиса включительно и вверх по Дунаю до Белграда, обе реки протяженностью три мили и следовательно города Виддин, Орсова и Белград для прикрытия Венгрии; от Белграда следует протянуть линию наиболее прямую и самую короткую соответственно местности к Адриатическому морю до острова Гольфо делла Дрина включительно; и, наконец, владения такие, как Венецианские Истрия и Далмация, представляют существенную возможность извлечь пользу из товаров моего государства; полуостров Морея, остров Кандия (Крит), Кипр и другие острова Архипелага смогут быть богатой компенсацией этим республикам...¹⁸

Как мы видим, в масштабах геополитических аппетитов Вены Фридрих II не ошибался. Урезание территории Дакии и лишение предполагаемого греческого императора и внука Екатерины II Константина Павловича Мореи (Пелопоннеса) в пользу Австрии, а также передача ей венецианских Истрии и Далмации не могли устроить Россию.

Правая рука Иосифа II канцлер В.А. Кауниц вообще был противником раздела Османской империи. Он желал, чтобы Россия выступила на стороне Австрии против Пруссии по «германскому вопросу». Но именно этим Екатерина II не соби-

¹⁵ Цитата по: *Стегний П.В.* Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. № 4. 2002. С. 102.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письмо Иосифа II Екатерине II от 13 ноября 1782 г. // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 296–300.

¹⁸ Письмо Иосифа II Екатерине II от 13 ноября 1782 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп 2 Д 2. Л. 63–68 об. Цит. по: *Корицунова Н.В.* Восточный вектор... С. 66.

ралась заниматься. Сторонник русско-прусского союза канцлер Н.И. Панин хотя стремительно и терял свое влияние, но был еще на службе.

Екатерина II, «помолчав» 4 месяца, 4 (14) января 1783 г. ответила на претензии Австрии несогласием. За это время изменилась ситуация в Крымском ханстве, о котором, кстати, в письме Иосифу II ни слова не было упомянуто, хотя с Крымом куда более, нежели с Дунайскими княжествами, были связаны интересы России. Включение ханства в состав России создавало новую более безопасную в сравнении с сухопутной границу с османами по морю. Это позволяло наконец перенести центр российского земледелия на южные плодородные земли. Появлялась перспектива для экспорта зерна, а главное – рабочие руки нечерноземья переключались на промышленно-торговую деятельность. Все это, даже без отмены крепостного права, создавало органические предпосылки для модернизации хозяйства.

Вряд ли, конечно, императрица и ее окружение понимали так перспективы вхождения Северного Причерноморья в Россию. Г.А. Потемкин своим «Крымском проекте» написал: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит». Но геополитические выгоды фаворит осознавал:

Крым положением своим разрывает наши границы... Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в прибавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах¹⁹.

Присоединение Крыма, по мысли Потемкина, вписывалось в «правила игры», которые практиковали другие великие европейские державы: Он писал:

Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки²⁰.

Свое письмо-меморандум Г.А. Потемкин вручил Екатерине II между 23 октября 1782 г., когда он прибыл из Херсона в Петербург, и 14 декабря, когда императрица вручила ему секретный рескрипт о присоединении Крыма.

Пока Иосиф II ждал реакции Екатерины II на свои запросы, русские войска в третий раз после 1774 г. вошли в пределы Крыма. С 1774 по 1782 г. «независимое» Крымское ханство находилось в постоянных внутренних смутах. Они отражали как системный кризис этого задержавшегося в Средневековье государства, так и продолжавшуюся борьбу за влияние на него Российской и Османской империй. Последний крымский хан Шагин-Гирей занял трон в 1777 г., опираясь на русскую помощь. Его попытки внести элементы европеизации в местную социально-экономическую жизнь вызвали недовольство жителей Крыма, особенно мусульманского духовенства. Хан ответил репрессиями. Жалобы на его «деспотизм» поступали и в Петербург, и в Константинополь. В мае 1782 г. крымскотатарское население свергло Шагин-Гирея. Ханом при поддержке Турции объявили его старшего брата Бахадыр-Гирея. Но Г.А. Потемкин вернул Бахчисарай Шагин-Гирею. К нояб-

¹⁹ № 635. Письмо Г.А. Потемкина (не позже 14 дек. 1782) // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). (Автограф. АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 591. Ч. 1. Л. 105–106 об). URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/pisma/ekaterina-ii-potemkin/potemkin-ekaterine-ii-do-14-dekabrya-1782.htm>

²⁰ Там же.

рю 1782 г. восстание было подавлено. (Бахадыр-Гирей Потемкин спас от мести брата, отправив в Херсон). Закончилась эта эпопея отречением Шагин-Гирей в пользу Екатерины II и изданием ею 8 (19) апреля 1783 г. манифеста о включении Крымского ханства в состав Российской империи.

Такой радикальный поворот оказался неожиданным для Лондона, Парижа, Берлина и Вены на фоне затяжной (с 1774 по 1783 гг.) игры Екатерине II в «нерешительность» в «Крымском вопросе». Средств повернуть события вспять ни Константинополь, ни другие столицы весной 1783 г. не имели.

Сделано все было вовремя. Шедшие в Версале с 30 ноября 1782 г. по 3 сентября 1783 г. переговоры, венчавшие войну против Англии США и их союзников (Франции, Испании, Нидерландов), завершились подписанием Парижского мира. После него Англия и Франция вновь обретали возможность влиять на ситуацию, которая складывалась вокруг слабеющей Османской империей, не давая России реализовать ее «Греческий проект» в рамках письма Екатерины II Иосифу II.

Филэллинизм как часть убеждений «властителей дум» XVIII в.

Культурная и политическая жизнь России, как и других стран Европы второй половины XVIII в., была немислима без осмысления философского и культурного наследия античной Эллады, без аллегорий и символов, уходящих в мифологию и историю древних греков, между тем их потомки маялись под властью «варваров»-османов. Это казалось просвещенной Европе несправедливым, учитывая вклад Античной Эллады в Цивилизацию.

После разгрома османов в 1683 г. под Веной у многих в Европе появилась вера в возможность разгрома Турции. Рупором таких настроений во Франции, самой «турколюбивой» европейской стране, стал Вольтер, с которым Екатерина II вела общественно значимую переписку.

Еще в преддверии Русско-Турецкой войны 1768–1774 гг. Вольтер с насмешкой писал царице о турках:

Если они только решатся воевать с вами, то с ними легко может случиться то, что некогда имел в виду Петр Великий: Константинополь их сделается столицей русской империи. Варвары вполне достойны быть наказанными героинею за свое слишком недостаточное почтение к дамам... Бесспорно, те, которые пренебрегают всеми изящными искусствами и держат женщин в заточении, заслуживают полнейшего изничтожения. Я жду всего от вашего гения и руководящей вами судьбы. У Мустафы не должно быть никаких шансов против Екатерины. Говорят, что этот Мустафа – совсем глупый человек, что он терпеть не может поэзии, никогда не был в театре и не знает ни слова по-французски: он будет побит, – честное слово. Как только ваше величество утвердится в Константинополе, я прошу позволения прибыть туда, чтобы лично склониться к стопам вашим и провести несколько дней при вашем дворе; ибо я весьма серьезно убежден в том, что если когда-либо суждено изгнать турок из Европы, то они, именно, будут изгнаны ни кем другим, как русскими²¹.

Подобные надежды высказывал и Ф.М. Гримм, который именовал Екатерину II «константинопольской императрицей». Царица с удовольствием развивала «константинопольскую тему». По случаю рождения 27 апреля 1779 г. своего второго внука в письме Ф.М. Гриму она шутила:

...меня спросили, кто будет крестным отцом? Я сказала: не знаю лучшего, только мой друг Абдул Гамид. Но так как никакой христианин не может быть крещен турком, то окажем ему честь, что назовем новорожденного Константином²².

²¹ Вольтер и Екатерина II. Переписка. СПб., 1882. С. 22–23.

²² Переписка Екатерины II с Ф.М. Гриммом. Письмо от 01.05 1779 // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 23. С. 136.

Греческая легенда гласила: первого и последнего императора-властителя Константинополя, звали Константином и восстановит Ромейскую империю Константин²³. Великий князь Константин получил кормилицу-гречанку, слугу грека Дмитрия Курута и первых друзей по играм из детей знатных греков, находившихся на русской службе. Русские поэты активно поддержали «византийский зачин». К примеру, Ф.С. Голицын написал:

Се Константин восстал!
Ликуйте мудры греки:
Возобновятся вам прошедши сладки веки.
Афины мощною воздвигнет он рукой²⁴.

В честь рождения Константина Павловича были выпущены сразу две медали: одна – с изображением Константинопольской Софии и Черного моря, а другая – с надписью: «Назад в Византию». Г.А. Потемкин устроил карнавал с песнопениями и стихами на греческом языке. В 1787 г. Екатерина II и Иосиф II, путешествуя по Новороссии, въедут в Херсон через арку с греческой надписью «Путь в Константинополь».

Театральность и обращения к греческой мифологии удачно освящали перенос главного направления российской военной активности с берегов Балтики в Северное Причерноморье, а заодно позволяли российскому дворянину (офицеру, дипломату или придворному) чувствовать себя борцом за «Цивилизацию» против «Варварства».

Тем временем Вольтер, Гримм и Гете вполне серьезно размышляли о необходимости возрождения в «русском» Константинополе греческой Академии Искусств и Олимпийских игр.

Такой настрой «властителей дум» не мог не повлиять на Екатерину II, которая всегда утверждала: «Вольтер – мой учитель... Его произведения развили мой ум и мою голову; я его ученица». Трудрами уже самой императрицы популярность Вольтера в русском обществе была колоссальная. Статс-секретарь императрицы Г. Теплов отмечал, что не только люди «благородные», но и мещане «вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения» (статс-секретарь императрицы Г. Теплов); «начали французить купцы и холопы», вторил ему современник В.А. Левшин²⁵.

Поэт и дипломат XIX в. Ф.И. Тютчев, маститый историк конца XIX – начала XX в. В.О. Ключевский и современный литературовед А.Л. Зорин высказали одну и ту же мысль о «соавторстве» Вольтера и других просветителей в создании русского «Греческого проекта».

Другими «соавторами» явились сами греки, чьи призывы о помощи волновали просвещенную Россию. Пожалуй, самым известным в России греческим идеологом-сторонником русского покровительства в XVIII в. был Евгений Вулгарис (Ελευθέριος Βούλγαρης, 1715–1806)²⁶. В Константинопольском патриархате он занимал высокие должности, но с 1763 г. жил в Германии. С его легкой руки Европа знакомится с написанным первоначально на итальянском языке сочинением греко-албанского участника

²³ Петрунина О.Е. Пророчества о восстановлении Византийской империи в Греции XIX – начала XX века // Петрунин Ю.Ю. Призрак Царьграда. М., 2006. С. 175–194.

²⁴ Цит. по: Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С. 70.

²⁵ Левшин В.А. Русские сказки. М., 1780. Ч. 1. С. 2.

²⁶ Вулгарис происходил из аристократической семьи эллинизированных потомков болгарского рода. Он родился на о. Корфу, принадлежащем Венеции, получил имя Элефтерий (свободный). Учился в университете в Падуе. В 1739 г. он принял сан, служил в греческой церкви в Венеции, с 1742 по 1763 г. находился в греческих владениях Турции, будучи ректором Янинской гимназии, ректором и главным наставником школ при Афонской Ватопедском монастыре, а потом ректором Великой школы греческой нации в Константинополе (Стамбуле). В 1763 г. приехал в Пруссию в надежде побудить европейских христиан к решительной помощи грекам в их борьбе за освобождение.

русской Архипелагской экспедиции Антона Гика «Желание греков к Европе христианской». После подавления османами Морейского восстания 1770 г., инициированного эmissарами А. Орлова, греки, пишет Гик, погружены в «страх мучительных истязаний» и опасаются, как бы их не оставила Россия, заключив мир с Блистательной Портой²⁷. В 1771 г. Вулгарис издаст эту записку в Петербурге на новогреческом языке. А.Н. Радищев начнет переводить ее текст, но не закончит, так как в августе 1771 г. труд Гика появиться в русском переводе в «Прибавлении № 65 С-Петербургских ведомостей» с названием «Вопль греческого народа к европейским христианам».

Сам Евгений Вулгарис в 1771 г. принял русское подданство. Еще будучи на Западе Европы, он перевел на новогреческий язык «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии. С 1771 по 1773 г. Евгений служил личным библиотекарем императрицы, получая солидное жалование в 1500 рублей. В 1771 г. он составил для Екатерины II две записки о состоянии Турции. В 1772 г. написал обширное «Размышление о нынешнем критическом состоянии Оттоманской державы». Оно вышло анонимно сначала на французском и новогреческом языке, а чуть позже на русском.

В 1774 г. западноевропейская греческая диаспора отправила императрице адрес, призывая не останавливаться на Кючук-Кайнарджийском мире. А Екатерина II, готовясь к новым столкновениям с османами, населяла отвоеванные у них земли православными выходцами с Балкан, преимущественно греками и сербами. Для них была создана новая епархия Славянская и Херсонская, которую в 1771–1779 гг. возглавлял Евгений Вулгарис. Позже он с позволения императрицы переключился на научное и литературное творчество, став действительным членом Российской Академии наук. Переводил на новогреческий Вергилия, Гомера, Вольтера, писал для греков патриотические воззвания, ходатайствовал о субсидиях греческой церкви.

Дворянская элита времен Екатерины II подобно ревнителям доктрины «Москва – Третий Рим» приучила себя видеть Российскую империю как преемницу Византии и естественного покровителя греков и прочих православных. Престарелый немец и российский фельдмаршал Миних, возвращенный из сибирской ссылки Петром III, а после его свержения приставленный Екатериной II к строительству русских портов на Балтике, еще в 1760-х гг. (!) говорил императрице:

Я желаю, чтобы, когда великий князь [Павел Петрович] достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою, так же как называли химерою строение балтийского порта в Рогервике. Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из виду своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар из Европы и на их место восстановить христианскую греческую империю. Я могу, всемилодивейшая государыня, предложить план этого обширного и важного предприятия. Я несколько лет над этим планом трудился в моем изгнании; к несчастью – он, уже написанный, пропал вместе с моею новою системою фортификации. Надобно несколько времени, чтоб его снова обдумать и начертить»²⁸.

Молодое поколение русских офицеров разделяло мнение старого Миниха. Алексей Орлов писал брату Григорию, главному тогда фавориту Екатерины II:

...если ехать, так уж ехать до Константинополя, и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжелого²⁹.

²⁷ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 201–202.

²⁸ Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних // История России в жизнеописании ее главнейших деятелей. М., 2017. С. 868.

²⁹ Туктопуло Я. Мираж Царьграда. С. 58.

А Григорий в мае 1770 г. предлагал императрице высадить русский десант у Варны и «рвануть» к Константинополю³⁰. Даже разочарование от того, что входе Архипелагской экспедиции обнаружилось, что современные греки не очень похожи на древних эллинов, не поубавило мечты русских дворян о Константинополе. Если верить А.В. Храповицкому, Екатерина II в 1792 г. говорила:

Суворов и Мордвинов спят и видят, чтобы пройти в Царьград. Турки тотчас убегут; там останется до 30 тыс. греков – вот и наследство великому князю Константину Павловичу³¹.

Религиозная составляющая и новые идеи

Вольтер выстраивал идейный конструкт «русской Византии» как вытеснения «османского варварства» европейской Цивилизацией. При этом никакого чувства религиозной общности с греками он не испытывал. Екатерина II, хоть и была «ученицей Вольтера», но понимала важность в России апелляции к православию. Обращение к Иосифу II она открыла фразой

если, с помощью Божьей, удастся освободить Европу от врага имени христианского, в.и.в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления...³²

Потемкин в записке о Крыме в 1782 г. не забыл упомянуть о Херсонесе, откуда пришло к русским христианство:

Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления³³.

Ученик М.В. Ломоносова В. Петров и его поэтический оппонент В. Майков были единомышленны в мечте возратить православный крест на купол Константинопольской Софии³⁴. В. Петрову принадлежат следующие строки:

На храм Софийский се нисходит
Дух Божий в образе огня.
Прими, несчастна Византия,
Тот свет от Россов, кой Россия
Прияла прежде от тебя.

В. Майков в свою очередь также написал:

Подателей Вселенной света
Екатерина просветит,
Изгонит чтущих Магомета
И паки греков утвердит.
Науки падши там восстанут,
Невежды гордые увянут,
Как листья в осенни дни,
Не будет Греции примера;
Одна с Россиею в ней вера,
Законы будут с ней одни.

³⁰ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой. «Мы ни за кем хвостом не тащимся» // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 147.

³¹ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 279.

³² Письмо Екатерины II Иосифу II // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 281.

³³ № 635. Письмо Г.А. Потемкина (не позже 14 дек. 1782) // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). (Автограф. АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 591. Ч. 1. Л. 106 об). URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/pisma/ekaterina-ii-potemkin/potemkin-ekaterine-ii-do-14-dekabrya-1782.htm>

³⁴ Зорин А.Л. Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 5–29.

Ну, а пока крест не вернулся на Св. Софию, в Царском Селе решили построить свой Константиновград с храмом в духе Константинопольской Софии. Первый его проект Камерона предполагал грандиозные объемы, достойные идеи возрождения Византии. Заложен храм был в присутствии императрицы в год написания ею письма Иосифу II. Построенный в 1787 г. собор оказался меньше изначального проекта, что не помешало ему стать истоком целой серии аналогичных пятикупольных соборов, воспроизводящих особенность Софии Константинопольской – главный купол с 16 арочными окнами, опирающийся без барабана через паруса на четыре пилон. Храм освятили как Вознесенский, но именовали Софийским.

До конца XVIII в. в разных концах России появились и другие «византийские памятники» – собор Св. Иосифа в Могилеве, Петровский путевой дворец и церковь Мартина Исповедника в Москве, собор Дмитрия Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове Великом, храм Борисоглебского монастыря в Торжке, собор Богородицкого монастыря в Казани. Тема Софии должна была звучать и в грандиозном соборе в Екатеринославе, заложенным 9 мая 1787 г. при участии Екатерины II, императора Иосифа II и наместника Новороссии Г.А. Потемкина. Проекты собора предложили французский архитектор Клод Геруа, а также российские зодчие А.Д. Захаров и И.Е. Старов. После смерти Потемкина (1791) строительство заглохло. Только в 1830–1835 гг. был реализован «византийский» проект Захарова, но в уменьшенном виде.

Греки как российские подданные

В результате Архипелагской экспедиции (тяжелого похода эскадр Спиридова, Эльфинсона и Арфа при главнокомандовании А.Г. Орлова из Балтики в Средиземноморье в 1769–1774 гг.) население более 20 греческих присягнуло Екатерине II. Судя по письму Г.А. Спиридова А.Г. Орлову, греки отдавали на содержание русского флота «добровольно десятую часть всех их продуктов или за оные деньгами»³⁵. На русской службе состояли отряды греческих повстанцев, вывезенных из Морее, и отряды албанцев численностью до 3 тыс. ополченцев. В итальянском Ливорно и на о. Наксос Россия учредила гимназии для православных греков.

Уже в ходе Архипелагской экспедиции, а также после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. греки-беженцы стали прибывать в Россию и оседать в Кинбурне в устье Днепро-Бугского лимана, в российских Еникали и Керчи и в Приазовье. После присоединения Крыма греческие иммигранты вместе с русскими и украинскими переселенцами расселились по всей Тавриде. По статистическому изданию МВД России 1865 г., которое опиралось на информацию Сумарокова, служившего судьей в Тавриде в начале XIX в., в Турцию из бывшего ханства с позволения российских властей убыло до 300 тыс. в основном крымских татар, но также частью крымских греков и армян³⁶. Манифесты Екатерины II звали в Россию иностранцев. Немецкие переселенцы облюбовали Поволжье, а греки, сербы, албанцы, болгары оседали в Тавриде и Новороссии. Всех наделяли льготами, но льготы греков были наибольшими.

В Новороссии и Крыму появились чисто греческие военные части – греческий Балаклавский полк (год создания 1779) и Одесский греческий пехотный батальон (год создания 1795)³⁷. Г.А. Потемкин не жалел похвал для доблести греков.

³⁵ Зорин А.Л. Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 5–29.

³⁶ Казымова Л.А. Завоевание Крыма: главная цель Османской и Российской империи в XVIII веке // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 234.

³⁷ Александрова О.Н. Евгений Булгарис и «Греческий проект» Екатерины II // Культура народов Причерноморья. 2004. № 55. Т. 1. С.126.

На усмешку императрицы касательно храбрости гречанок он в 1787 г. выставил для встречи Екатерины II и Иосифа II у Балаклавы женскую роту из 100 «амазонок», жен офицеров-греков Балаклавского полка. От государыни рота получила в подарок 10 тыс. руб., а капитан амазонок Елена Сарданова еще и бриллиантовый перстень в 1800 руб.³⁸

В России в 1770-е гг. стали выходить газеты и книги на греческом языке. В Петербурге в 1775 г. при Артиллерийско-инженерном корпусе, руководимом М.И. Мордвиновым, на казенный счет создали греческую гимназию на 200 учеников в возрасте от 12 до 16 лет. В 1782 г. гимназию отделили от Корпуса и ее покровителем стал Г.А. Потемкин, директорами были назначены полковник П.С. Волховский, а с 1789 г. – статский советник А.И. Мусин-Пушкин, при котором открыли морское отделение. В 1789 г. два десятка гимназистов отправили в Херсон, где тоже решили основать греческое училище. В 1792 г. при реформе всех кадетских корпусов столичную греческую гимназию преобразовали в Корпус чужеземных единоверцев. Гимназия и Корпус до расформирования его Павлом I выпустили 700 человек, из которых 200 были морскими офицерами. Все выпускники поступили на русскую службу. Нетрудно понять, что изначальной целью всех названных училищ было воспитание военно-политической элиты для пророссийской «Греческой империи».

На дипломатической службе греки активно использовались в консульствах, открытых Россией в 1770-х – 1790-х гг. на Кипре и островах Эгейского моря, в греческих городах Салониках, Смирне, Патрахе, Артесе, Санторине, на малоазийском побережье, а также в венецианских владениях – на Корфе и др.

Многие греки уже в царствование Александра I достигли генеральских чинов (А.К. Ипсиланти, Э.Г. Папандопуло, И. Горголис). Другие прославились на российской дипломатической службе (К.К. Родофиникин, А.К. Псаро, Г.Д. Моцениго). Уроженец о. Корфу Иоанн Каподистрия в 1816–1822 гг. был министром иностранных дел России, а в официальную отставку он был отправлен лишь в 1827 г., когда на последних этапах греческой войны за независимость Третье Национальное собрание (греч. Εθνoσυνέλευση της Τροιζήνας) в Трезене предложило ему возглавить греческое правительство.

Выводы

Как мы видели, российский государственный филэллизм являлся характерной чертой российской имперской идеологии, связанной с осознанием властью и российской политической элитой места России в противостоянии «Цивилизации» и «Варварства», как это тогда трактовали в духе идей Просвещения. Заметную роль играл также религиозный православный фактор. На таком мировоззрении была построена этно-государственная политика в отношении греков и других «османских» православных, составной частью которой стала попытка договориться с Австрией о создании на месте османских владений на Балканах двух буферных государств Дакии и Греческой империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.01.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 07.02.2024

³⁸ Дуси Г. Записка об амазонской роте // Москвитянин. 1844. № 1. С. 268.

References

- Aleksandrova, O.N. “Evgenii Bulgaris i «Grecheskii proekt» Ekateriny II [Evgeniy Bulgaris and the ‘Greek project’ of Catherine II].” *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* 1, no. 55 (2004): 126–129 (in Russian).
- Kazymova, L.A. “Conquest of Crimea: the Main Goal of the Ottoman and Russian Empires in the 18th Century.” *Young Scientist*, no. 48 (2018): 234–239 (in Russian).
- Korshunova, N. “Vostochnyi vektor geopolitiki Ekateriny II: ‘Grecheski proekt’ [Eastern Vector of Geopolitics of Catherine II].” *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 1 (2003): 62–68 (in Russian).
- Markova, O.P. “O proiskhozhdenii tak nazyvaemogo grecheskogo proekta (80-e gody XVIII v.) [On the Origin of the So-Called Greek Project (80s of the XVIII c.).]” In *Problemy metodologii i istorichnikovedeniia istorii vneshnei politiki Rossii*, 5–46. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).
- Petrulina, O.E. “Natsional'naiia ideia v formirovanii grecheskogo gosudarstva v kontse 18 – nachale 20 vekov [The national idea in the formation of the Greek state in the late 18th – early 20th centuries].” PhD diss, Moscow State University, 2012 (in Russian).
- Petrulina, O.V. “The Views of Greeks on the Fortunes of the Ottoman Empire, 18 – Early 20 Cent.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, no. 1 (2009): 44–54 (in Russian).
- Stegniy, P.V. “Eshche raz o grecheskom proekte Ekateriny II. Novye dokumenty iz AVPRI MID Rossii [Once again about the Greek project of Catherine II. New documents from the AVPRI of the Russian Foreign Ministry].” *Modern and Contemporary History*, no. 4 (2002): 101–119 (in Russian).
- Tiktopulo, Ya. “Mirazh Tsar'grada. O sud'be grecheskogo proekta Ekateriny II [Mirage of Constantinople. About the fate of the Greek project Catherine II].” *Rodina*, no. 11–12 (1991): 57–60 (in Russian).
- Vinogradov, V.N. “Diplomatiia Ekateriny Velikoi [Diplomacy of Catherine the Great].” *Modern and Contemporary History*, no. 4 (2001): 124–148 (in Russian).
- Vinogradov, V.N. “Diplomatiia Ekateriny Velikoi. ‘My ni za kem hvostom ne tashchimsia’ [Diplomacy of Catherine the Great. “We are not following anyone's tail].” *Modern and Contemporary History*, no. 3 (2001): 131–150 (in Russian).
- Vinogradov, V.N. *Vek Ekateriny II. Dela balkanskie* [The Age of Catherine II. Balkan Affairs]. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Zorin, A.L. “Kormia dvuglavogo orla Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiya v poslednei treti XVIII pervoi treti XIX veka [Feeding the double-headed eagle Russian literature and state ideology in the last third of the XVIII century and the first third of the XIX century].” Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, [2001] 2004 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Васильевна Черникова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 79; Tchernikova1961@mail.ru; SPIN-код: 7471-5543

Tatyana Vasilievna Chernikova, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of World and Russian History, MGIMO University; 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; Tchernikova1961@mail.ru; SPIN-code: 7471-5543

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-143-154>
EDN: SYPISW

Научная статья / Research article

От Ейского укрепления до Ейской слободы: трансформация поселенческого уклада и особенности межевания на южных границах России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Лилия Геннадьевна Степанова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

✉ liliya_stepanova@list.ru

Аннотация: Анализируется видоизменение поселенческого уклада Ейского укрепления, относящегося к одному из первых российских поселений на Азовском побережье. Основание Ейского укрепления связано с борьбой России с Османской империей за выход к южным морям. В дальнейшем Ейское укрепление (Ейский городок) являлось важным опорным пунктом при установлении административных границ между Землей Черноморского казачьего войска, Землей Войска Донского, Екатеринославской губернией и Кавказским наместничеством. Цель исследования заключается в выявлении особенностей трансформации поселенческого уклада и межевания на южных территориях России в процессе заселения и освоения новых территорий. Сделан вывод, что эволюция поселения от военного укрепления к селу демонстрирует модель сосуществования различных исторических типов поселений на казачьих территориях в конце XVIII – первой половине XIX в. После Генерального межевания в начале XIX в. по сравнению с соседними поселениями Ростовского уезда Екатеринославской губернии, Черноморского казачьего войска и Войска Донского Ейское укрепление оказалось в менее выгодном положении. Оно лишилось многих земельных угодий и выхода к рыбным ловлям. Однако дальнейшая история Ейского укрепления в первой половине XIX в. продемонстрировала его устойчивое развитие. В нем сохранился не только основной вид хозяйственной деятельности жителей – рыболовство, но и благодаря хозяйственному освоению новых южных территорий возродилась торговая деятельность.

Ключевые слова: Российская империя, южный фронт, Александр Суворов, Захарий Чепега, Генеральное межевание

Для цитирования: Степанова Л.Г. От Ейского укрепления до Ейской слободы: трансформация поселенческого уклада и особенности межевания на южных границах России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 143–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-143-154>

From the Yeisk Fortification to the Yeisk Settlement: Transformation of the Settlement Structure and Features of Land Surveying on the Southern Borders of Russia in the Second Half of the XVIII – First Half of the XIX Century

Liliya G. Stepanova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

✉ liliya_stepanova@list.ru

Abstract: The modification of the settlement structure of the Yeisk fortification, which belongs to one of the first Russian settlements on the Azov coast, is analyzed. The foundation of the Yeisk fortification is associated with the struggle of Russia with the Ottoman Empire for access to the southern

seas. Subsequently, the Yeisk fortification (Eisk town) was an important stronghold in establishing administrative boundaries between the Land of the Black Sea Cossack Army, the Land of the Don Army, the Yekaterinoslav Governorate and the Caucasian Viceroyalty. The purpose of the study is to identify the features of the transformation of the settlement structure and land surveying in the southern territories of Russia in the process of settlement and development of new territories. It is concluded that the evolution of the settlement from a military fortification to a village demonstrates a model of coexistence of various historical types of settlements in Cossack territories at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. After the General Land Survey at the beginning of the XIX century. Compared to neighboring settlements in the territories of the Rostov district of the Ekaterinoslav province, the Black Sea Cossack Army and the Don Army, the Yeisk fortification found itself in a less advantageous position. It lost many lands and access to fishing. However, the further history of the Yeisk fortification demonstrated its sustainable development. Fishing re-mained the leading economic activity of the settlement's residents. Thanks to the economic development of new southern territories, trading activity was revived in the Yeisk fortification.

Keywords: Russian Empire, southern frontier, Alexander Suvorov, Zakhary Chepega, General Survey

For citation: Stepanova, L.G. “From the Yeisk Fortification to the Yeisk Settlement: Transformation of the Settlement Structure and Features of Land Surveying on the Southern Borders of Russia in the Second Half of the XVIII – First Half of the XIX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 143–154 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-143-154>

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения истории формирования границ Российской империи и сложившегося поселенческого уклада на приграничных территориях. Кючук-Кайнарджийский мир, заключенный в 1774 г. после русско-турецкой войны, закрепил выход России к Черному морю. Оттоманская Порта была вынуждена отдать России часть побережья Черного и Азовского морей. Огромные земельные пространства на южных рубежах России нуждались в заселении, хозяйственном освоении и межевании, позволявшим установить границы между земельными владениями. Заселение новых южных российских территорий в конце XVIII – первой половине XIX в. обеспечило надежное прикрытие государственных границ. Однако их хозяйственное освоение проходило с трудностями, которые во многом объяснялись не только незнакомыми природно-климатическими условиями, но и нерешенными вопросами землепользования и землевладения.

По условиям Кючук-Кайнарджийского мира южной границей России стала река Ея. В июле 1774 г. в устье реки Большая Ея при впадении ее в Азовское море было заложено Ейское укрепление. После вхождения Тамани, Крыма и всей Кубанской стороны в состав Российской империи Ейское укрепление стало одним из первых российских поселений на Азовском побережье. На протяжении первой половины XIX в. поселение прошло путь преобразования от военного укрепления на южной границе Российской империи до слободы¹ и крупного села Ростовского уезда Екатеринославской губернии.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии среди работ, посвященных истории заселения и освоения южных приграничных территорий России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. и формированию на них поселенческого уклада, важными остаются исследования дореволюционных историков², написанные на архивных материалах, многие из которых не дошли до

¹ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии (1880). Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып. 2. С. 207–209.

² *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска». Екатеринодар, 1910. Т. 1; *Попко И.Л.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858; *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 265–576.

наших дней. В советское время были проведены фундаментальные исследования В.М. Кабузана³ и Е.И. Дружининой⁴, посвященные заселению и освоению территории Северного Причерноморья. Однако в них не использовались материалы Генерального межевания. Некоторые аспекты заселения, связанные с формированием этнического состава населения южных территорий, представлены в трудах В.Я. Бойко⁵ и Д.З. Фельдмана⁶. Вопросы, связанные с основанием первых поселений на южных приграничных территориях Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. и их дальнейшим развитием рассматривали в своих работах некоторые современные исследователи⁷. Однако в целом в современной историографии этим вопросам уделяется незначительное внимание. До нынешнего времени малоизученным остается вопрос образования в этом регионе поселенческой структуры.

Целью исследования является выявление особенностей трансформации поселенческого уклада и межевания на южных территориях России в процессе заселения и освоения новых территорий.

В статье проводится комплексный анализ имеющихся материалов об основании и истории Ейского укрепления как военной крепости на южных рубежах России и его дальнейшего преобразования в крупное село Ростовского уезда Екатеринославской губернии, а затем и Ростовского отдела Области Войска Донского. На примере отдельного поселения, игравшего важную роль в различных событиях российской истории, прослеживается видоизменение поселенческого уклада и деятельности его жителей.

Источниковая база. В качестве источников исследования впервые привлекаются неопубликованные документы фонда материалов Генерального и Специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Екатеринославской губернии (Ф. 1308) Российского государственного архива древних актов и чертежи фонда Главного военно-технического управления (Ф. 349) Российского государственного военно-исторического архива. Существенная роль в исследовании отведена документам фондов Канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска (Ф. 249) и Ведомства земледелия Кубанского краевого правительства (Ф. Р-13) Государственного архива Краснодарского края. Из опубликованных источников используются законодательные акты, сборники статистических материалов и документы по истории Кубанского казачьего войска.

Ейское укрепление как форпост России на Азовском море

Ейский лиман занимал на Азовском побережье стратегически важное положение. Он представлял собой устье реки Ея, отгороженное от Азовского моря песчаными косами. В условиях противостояния Российской и Османской империй эта территория оказалась на перепутье военных и торговых дорог. Неосвоенные бескрайние просторы и природные ресурсы привлекали как запорожских, так и донских казаков. Шла постепенная колонизация, в основе которой лежали народные

³ Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976.

⁴ Дружинина Е.И. 1) Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. Москва, 1959; 2) Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1960 гг. М., 1961.

⁵ Бойко В.Я. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.). Этностатистический очерк. Черкассы, 2007.

⁶ Фельдман Д.З. Экономические примечания к планам Генерального межевания как источники по истории еврейской земельной колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 422–428.

⁷ Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 12–2; Матвеев О.В. Из дореволюционного прошлого станицы Новолабинской // Кубанский сборник. Краснодар, 2015. С. 165–175.

принципы «казакования» и организации промысловых артелей охотников и рыболовов по аналогии с воинскими казачьими сообществами⁸. Ко второй половине XVIII в. донские и запорожские казаки хорошо освоили Приазовье, но постоянных поселений на нем не имели⁹.

В исторической памяти переправу через реку Ея в XVIII в. называли Черным бродом. Это было самое узкое место реки Ея между крутыми берегами, через которое угонялись захваченные татарами и ногайцами пленники¹⁰. На высоком берегу Ея была основана ставка претендента на престол крымского хана калги-султана Шагин Гирея, поддерживаемого Российской империей. При выборе места немало важным оказалось наличие земляных валов от старого военного укрепления. В исторической литературе с 1775 г. это место упоминается как Шагин-Гирейский городок или Шагин-Гиреевский базар¹¹. Здесь земляное укрепление соседствовало с базаром (ярмаркой), на котором велась торговля с ногайцами. Местность предоставляла возможность заниматься не только торговлей, но и скотоводством, рыболовством, земледелием. В 1778 г. в городке возводятся мечеть и армянская григорианская церковь. В 1779 г. появляется первая «походная» православная церковь из полотна, а к 1790 г. строится церковь из дерна¹².

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира к России отошли земли южнее крепости Азов, тянувшиеся до реки Ея. На восточном берегу Ейского лимана в июле 1774 г. недалеко от Шагин-Гиреевского базара было построено военное укрепление, в котором располагалась татарская пограничная комиссия¹³. Руководил его строительством пристав при ногайских ордах подполковник И.Ф. Лешкевич. Новое укрепление являлось земляным редутом, предназначенным для круговой обороны, и стояло отдельно от поселения. Оно было задумано как неправильный четырехугольник с цитаделью, укрепленный четырьмя бастионами и окруженный земляными валами с пушками, привезенные с Азова¹⁴. В ноябре 1776 г. из Ейского укрепления был отправлен для помощи Шагин-Гирею в его притязаниях на ханский престол отряд бригадира И.Ф. Бринка численностью 7000 человек кавалерии и 5000 пехоты¹⁵.

Построенный И.Ф. Лешкевичем редут именовался Ейским городком. Прибывший сюда в январе 1778 г. генерал-поручик А.В. Суворов, назначенный командиром Кубанского корпуса, посчитал его расположение неудачным. Высокий берег Ея не защищал редут от обстрела с вражеских судов. Рядом с военным редутом располагалось оживленное торговое место, которое тоже нуждалось в обороне. По сути единого укрепления не было, гарнизон был разделен на две части¹⁶.

⁸ Рыблова М.А. Артельное начало в организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Дона и Нижней Волги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 5. С. 114–115. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

⁹ Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 28.

¹⁰ Маслов А.В. Три века истории Кубани. XVIII–XX. Вопросы, ответы, комментарии. Краснодар, 2000. С. 48.

¹¹ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии (1880). Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып. 2: Нынешние уезды: Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на Дону, Александровский и Мариупольский. Екатеринослав, 1880. С. 207.

¹² Литвиненко В. Кагальницкие поселения. *Relga*. Научно-культурологический журнал. 2001. № 4 (58). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=808&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³ Ратушняк В.Н., Ратушняк Т.В. История Кубани в датах, событиях, фактах. Краснодар, 2022. С. 20.

¹⁴ Историческая справка о пребывании А.В. Суворова в Ейском укреплении. Л. 1. URL: <https://eusp-bibl.ru/istoriya-sela-ejskoe-ukreplenie/2886-istoricheskaya-spravka-o-prebuvanii-a-v-suvorova-v-ejskom-ukrepleni> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁵ Ратушняк В.Н., Ратушняк Т.В. История Кубани... С. 21.

¹⁶ Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778–1793. Краснодар, 1992. С. 18.

Ейский городок к этому времени представлял собой полевое укрепление в форме правильного четырехугольника (40×40 саж.) с двумя бастионами на противоположных углах, обнесенное со всех сторон земляными валами. Через северные ворота городка можно выехать к Азову, через южные ворота дорога вела в Копыл. К югу от Ейского городка располагался Шагин-Гиреевский базар. Он представлял собой большой ретраншемент длиной 130 саж. и шириной 101 саж., но был построен без всякого соблюдения правил инженерного дела, с кривыми стенами и не сходящимися углами. В северо-восточном углу находился бастион с двумя трофейными большими пушками. На сохранившемся плане Шагин-Гирейского городка изображены разнообразные строения, имевшиеся на его территории, в том числе многочисленные лавки мелких торговцев и русских купцов, деревянные покои калги-султана, татарские землянки из дерна, шалаши казаков, землянки для султанских слуг¹⁷. В этой местности типичные землянки возводились из дерна, стояли на столбовых брусках и покрывались сверху землей. Они имели двери на железных крючьях и петлях и оконницы¹⁸.

В Шагин-Гирейском городке покоев самого хана к этому времени не было. Деревянный дворец был перенесен в урочище Чебаклея, находящееся у основания Ейской косы, где под руководством генерал-майора И.Ф. Бринка по распоряжению генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева в 1777–1779 гг. велось строительство крепости, получившей название Ханский городок¹⁹. В 1795 г. уже ветхий ханский дворец был разобран на строительство церкви при Ейской косе²⁰.

Благодаря строительству военных укреплений по течению реки Кубань и новому расположению войск русская граница по реке Ея стала более защищенной²¹. На самой реке Ея А.В. Суворов возводит военные редуты и полевые военные укрепления, прикрывающие броды. Полковнику И.Ф. Лешкевичу поручается перестроить старое укрепление, объединив территорию Ейского городка и Шагин-Гиреевского базара. На утвержденном А.В. Суворовым плане нового Ейского укрепления размещается цитадель с примыкающей к ней укрепленной паланкой²². Она имеет форму квадрата и укреплена четырьмя бастионами и земляными валами. Внутри находятся землянки для солдат и склады-магазины. Цитадель и городок объединяет вновь сделанное полевое земляное укрепление. За его стенами находится дом полковника И.Ф. Лешкевича, новые землянки, церковь, колодцы с водой, ветряные и земляные мельницы.

В октябре 1782 г. назначенный уже во второй раз командующим Кубанским корпусом А.В. Суворов вместе со своим полевым штабом перемещается в Ейское укрепление. 28 июня 1783 г. на площади около Ейского укрепления несколько тысяч представителей ногайских орд присягают на Коране на верность России²³. Русское правительство намеривалось переселить ногайцев из кубанских степей в Заповжье и уральские степи. В августе 1783 г. отказавшиеся переселиться ногайцы поднимают восстание. А.В. Суворов вместе с основными частями Кубанского корпуса в начале августа покидает Ейское укрепление, оставив в нем гарнизон под ко-

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 349. Оп. 12. Д. 6501. Л. 1.

¹⁸ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 201. Л. 8 об.

¹⁹ Дорошенко А. Родина с именем Ейск. История города и района. Ростов-на-Дону, 2018. С. 53–54.

²⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 316. Л. 6.

²¹ Феофилактова Т.М. Кубань во второй половине XVIII в. Краснодар, 1992. С. 22.

²² Историческая справка о пребывании А.В. Суворова в Ейском укреплении. Л. 2. URL: <https://eusp-bibl.ru/istoriya-sela-ejskoe-ukreplenie/2886-istoricheskaya-spravka-o-prebyvanii-a-v-suvorova-v-ejskom-ukrepleni> (дата обращения: 10.05.2023).

²³ Феофилактова Т.М. Кубань во второй половине XVIII в. С. 27.

мандованием И.Ф. Лешкевича²⁴. В ходе этих событий Ейское укрепление дважды выдерживает осаду, доказав свою неприступность.

Во время заселения территории Кубани черноморскими казаками Ейское укрепление остается важным стратегическим пунктом. В жалованной 30 июня 1792 г. Высочайшей грамоте Черноморскому казачьему войску, созданному из казаков Запорожской Сечи в 1787 г.²⁵, Екатерина II определила в вечное его владение остров Фанагория со всей землей, простиравшейся на правой стороне реки Кубани от ее устья до Усть-Лабинского редута. Естественными границами этой земли должны были выступать река Кубань и Азовское море до Ейского городка²⁶. Сюда из Слободзеи сухопутным маршрутом прибыл отряд казаков под предводительством кошевого атамана Захария Чепеги. Это был самый тяжелый путь среди всех партий казаков-переселенцев, который проходил через Херсонскую, Таврическую губернии и земли Войска Донского. Отряд черноморцев шел 52 дня вместе с войсковым обозом, пехотой и конницей²⁷. 23 октября 1792 г. казаки дошли до реки Ея и вышли к Ейскому городку. Здесь они получили помощь из провиантского магазина и сено для лошадей²⁸.

Непогода и усталость от долгой дороги заставили черноморских казаков задержаться на Ейской косе. Их лагерь сначала располагался у Карантинного редута²⁹. Однако вскоре переместился в урочище Чебакля, где казаки перезимовали в построенных землянках, а затем отправились дальше в глубь дарованной Екатериной II территории к реке Кубань для несения кордонной службы и освоения новых земель.

Ейский городок на границе войсковых земель черноморских и донских казаков

После присоединения Крыма, Тамани и Правобережной Кубани к России возникла необходимость в установлении границ между отдельными административными территориями. Ейский городок выступал как самая северная точка границы войсковой земли черноморских казаков. С противоположной стороны располагались земли Войска Донского и Ростовского уезда Екатеринославской губернии.

Границы Земли Войска Донского Екатерина II утвердила в 1786 г. на карте, представленной ей Г.А. Потемкиным. В 1793 г. была подписана Жалованная грамота Войску Донскому об утверждении границ землям, обозначенным на межевой карте³⁰. В 1793–1795 гг. проводились работы по установлению границ между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией. Однако границы войсковой земли долгое время еще были неустойчивыми. Камнем преткновения между донскими казаками и жителями Ростовского уезда Екатеринославской губернии стали прибрежные территории Азовского моря с богатыми угодьями, особенно рыбными ловлями³¹.

²⁴ Историческая справка о пребывании А.В. Суворова в Ейском укреплении. Л. 3. URL: <https://eusp-bibl.ru/istoriya-sela-ejskoe-ukrepleni/2886-istoricheskaya-spravka-o-prebyvanii-a-v-suvorova-v-ejskom-ukrepleni> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л. 1.

²⁶ Жалованная грамота войску Черноморскому. 30 июня 1792 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 23. № 17055. С. 342–343.

²⁷ История Кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 30

²⁸ Дмитриенко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Санкт-Петербург, 1896. Т. 2. С. 357.

²⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 201. Л. 2–3.

³⁰ Жалованная грамота войску Донскому. Об утверждении границ землям, оному войску принадлежащим, по Высочайше утвержденной межевой карте. 24 мая 1793 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 23. № 17126. С. 430.

³¹ РГАДА. Ф. 1308. Оп. 2. Д. 631.

Разграничение земли от Ейского городка к устью Лабы – левого притока реки Кубань со смежными территориями было поручено провести генерал-губернатору Кавказской губернии и губернаторам Екатеринославской и Таврической губерний через губернских землемеров с депутатами от Донского и Черноморского войск. Карту с установленными границами требовалось представить в Сенат³².

В административном отношении заселяемая черноморскими казаками земля была отнесена к Таврической области. В апреле 1793 г. правитель Таврической области С.С. Жегулин для создания карты Черномории и закладки новых поселений откомандировал на Таманский полуостров землемерную команду во главе с областным землемером В.П. Колчигиным³³. При установлении границы между Землей Черноморского казачьего войска, Землей войска Донского и Екатеринославским наместничеством Ейский городок стал опорным пунктом организации межевых работ и важной точкой отсчета межи. В мае 1793 г. в Ейский городок прибывают Екатеринославский землемер П. Чуйков и депутаты от донских казаков, а в июне 1793 г. – Таврический землемер В.П. Колчигин и депутаты от черноморских казаков³⁴. От каждой из сторон выделяются волы и плуги для проведения межевания, лошади для перевозки инструментов, заготавливаются столбы для установки на меже³⁵.

К концу августа 1793 г. была установлена граница между Землей Черноморского казачьего войска и Екатеринославским наместничеством³⁶. Она пролегла вверх по течению реки Ея от ее устья до территории наместничества. Однако при проведении размежевания выяснилось, что на земли, расположенные на правом берегу Еи при впадении в нее левого притока реки Сосыки, претендуют донские казаки и их прошение находится в стадии рассмотрения³⁷.

В процессе установления границы с Кавказским наместничеством между депутатами возник спор относительно пограничных земель. Кавказский генерал-губернатор И.В. Гудович неоднократно обращался к Таврическому губернатору с жалобами на расселение черноморских казаков на непредназначенных для них землях, относящихся к Кавказскому наместничеству, в том числе на части территории Прикубанья до устья Лабы, где казаки основывали свои хутора, пасли скот, косили сено, выращивали хлеб³⁸. На месте впадения реки Лабы в реку Кубань планировалось возвести Усть-Лабинскую крепость, которая должна была занять важное место в системе укреплений Кавказской линии, созданной для отражения нападения горцев³⁹. В январе 1794 г. Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор П.А. Зубов также выразил недовольство тем, что черноморские казаки выносили границу своих земель к самому устью реки, стесняя крепость в земле и лесе, и повелел впредь при разграничении межи отступить от крепости на восемнадцать верст⁴⁰.

В то же время черноморцы считали, что выделенной земли для основания со- рока куренных селений недостаточно и из Канцелярии войскового атамана Черно-

³² О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями, между Кубанью и Азовским морем лежащими. 30 июня 1792 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 23. № 17056. С. 343–344.

³³ Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на Земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 67–77.

³⁴ Дмитриенко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 3. С. 609, 634, 643, 653–654.

³⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 78–78 об.

³⁶ Дмитриенко И.И. Сборник исторических материалов... С. 677.

³⁷ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 49.

³⁸ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 146–146 об.

³⁹ История Кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 40.

⁴⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 154–154 об.

морского войска в марте 1794 г. Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору П.А. Зубову был отправлен рапорт, в котором говорилось о недостатке степных просторов для прокормления войска и его лошадей:

...от моря в степь верст за сто весьма мало хлебопахотной и сенокосной земли, а большая часть солонцеватой и болотистой с соленой водой и к употреблению всякому животному негодной, охота тут и рыба и соль по части и есть, но для хлебопашества и скотоводства еще нужна войску и степь⁴¹.

Черноморские казаки предлагали провести границу с Кавказским наместничеством прямой линией от реки Кубань на вершину Куго-Еи – крупнейшего притока реки Ея. Таким образом Земля Черноморского казачьего войска могла расширяться от Ейского городка в восточном направлении. И эта просьба черноморцев была удовлетворена. Граница Земли Черноморского войска пролегла от Ейского городка не к устью Лабы, а в сторону Куго-Еи по реке Ея вверх по ее течению⁴².

В начале мая 1795 г. Таврический областной землемер В.П. Колчигин прибыл из Ейского городка вместе с депутатами к Усть-Лабинской крепости для разграничения Земли Черноморского войска с Кавказским наместничеством⁴³. Ранее в Ейское укрепление были направлены рабочие люди от Екатеринодарского, Бейсугского, Григорьевского и Ейского окружных правлений, которые должны были помочь проложить межу от Кубани до вершины Куго-Еи⁴⁴. В присутствии депутатов от Кавказского наместничества граница была установлена вплоть до Земли Войска Донского. В.П. Колчигин отправил об этом донесение атаману Войска Донского А.И. Илловайскому, в котором высказал просьбу прислать депутатов от войска для установления границы по реке Куго-Ея. Границы Кавказского наместничества с Землей Войска Донского также устанавливались в 1795 г.⁴⁵ Но, как выяснилось, еще в 1794 г. генерал-поручиком Н.М. Бердяевым в присутствии депутатов от Кавказского наместничества и войска Донского граница через речку Кугу-Ею и до ее устья уже была утверждена⁴⁶.

Окончательные работы по разграничению Земли Черноморского казачьего войска с Кавказским наместничеством проводились летом 1795 г. После размежевания с соседними административными территориями были определены более точные места для расселения сорока куреней черноморских казаков на территории, обозначенной административной границей, которая пролегла от Ейского городка вверх по реке Еи до Куги-Еи, затем к Усть-Лабинской крепости и к устью Кубани вплоть до Черного моря⁴⁷.

Ейское укрепление в материалах Генерального межевания

В результате переселения казаков для несения кордонной службы на южных границах России Ейское укрепление утратило значение военного форпоста. После установления границы между административными территориями оно оказалось в составе Екатеринославской губернии и считалось самым дальним поселением в задонской части Ростовского уезда. При нем состояла и старая Ейская крепость с об-

⁴¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 5 об. – 6.

⁴² Федина И.М. Поселенческая повседневность черноморских казаков. Краснодар, 2023. С. 25.

⁴³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 11.

⁴⁴ Там же. Л. 39, 41.

⁴⁵ Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 год. Справочник. Ставрополь, 2008. С. 31.

⁴⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 4 об. – 5.

⁴⁷ Там же. Д. 276 а. Л. 3.

валившимся земляным валом, к этому времени ставшая совсем ветхой⁴⁸. Жители Ейского укрепления были причислены к мещанскому сословию⁴⁹.

В 1802 г. на землях Ростовского уезда Екатеринославской губернии, прилегающих к Ейскому укреплению, проводились межевые работы в ходе Генерального межевания. В полевой записке ростовского землемера коллежского регистратора Чистякова содержатся сведения о населении этого поселения и смежных землях:

В оном городе в поселении состоит семьдесят девять дворов, в них по последним поданным к пятой ревизии сказкам мужеска полу восемьсот семьдесят одна, женска двести четырнадцать душ. С оной выгонной землею земли: первая село Катериновка, вторая за речкой Ейской Черноморское войско, третья Ейский лиман, четвертая пустошь Ейская, на которой ныне поселена деревня Водяная...⁵⁰

К 4 сентября 1802 г. в Ейское укрепление землемер вызвал поверенных из сопредельных земель. От Черноморского казачьего войска для этих целей был командирован подпоручик Максим Белый с двумя казаками, представлявшими Ейское земское начальство. Войсковое правительство поручило ему присутствовать при размежевании со смежными землями, принадлежавшими Черноморскому казачьему войску, и еженедельно рапортовать о проводившихся работах. Перед отправкой к месту назначения кошевой атаман Чепега напомнил подпоручику Белому, что граница Земли Черноморского войска с Новороссийской (ранее Екатеринославской) губернией проложена по течению реки Ея⁵¹.

Межевание земли Ейского укрепления началось в начале сентября 1802 г. от межевого столба, поставленного еще в 1784 г. при обмежевании пустоши Ейской, и вырытой при нем межевой ямы. Межевание пустоши Ейской, на которой новым владельцем генерал-майором Н.Я. Трегубовым в 1801 г. была поселена деревня Водяная, проводилось в начале августа 1802 г.⁵² Пустошь Ейская располагалась на берегу Азовского моря и Ейского лимана и по обе стороны оврага Водяного. Земля ее причислялась к плодородному чернозему⁵³. Далее выгонная земля Ейского укрепления соседствовала с землями казенного села Катериновка. Межа с ними сначала была проложена по способной к пашне степи, а затем по санным покосам и болотистым местам⁵⁴.

Естественной границей с Землей Черноморского казачьего войска выступала река Ея. Земля черноморцев простиралась на левом берегу реки Еи, выгонная земля Ейского укрепления находилась на ее правом берегу. На границе между Землей Черноморского казачьего войска и выгонной землей Ейского укрепления был поставлен межевой столб и вырыта межевая яма. Но, поскольку местность оказалась болотистой, межевую яму доверху наполнили камнями и прикрыли дерном, соорудив небольшой земляной курган высотой в два аршина⁵⁵.

Описание выгонной земли и самого Ейского укрепления представлено в «Сказке к экономическим примечаниям», подписанной поверенным от мещан Никитой Смирягиным. Основание Ейской крепости он связывал с 1764 г. и подчеркивал, что она никогда не была разоряема и не страдала от последствий наводнения. В начале XIX в. в Ейском укреплении находилась одноэтажная церковь во имя жи-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 491. Л. 2 2.

⁴⁹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Екатеринослав, 1884. С. 67.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 491. Л. 3 об.

⁵¹ Там же. Л. 10.

⁵² Там же. Д. 485. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 20 об.

⁵⁴ Там же. Д. 491. Л. 10 об.

⁵⁵ Там же. Л. 17.

во начальной Троицы, построенная из земляного кирпича, располагались деревянные и частью из земляного кирпича казармы для офицеров и военнослужащих, деревянный провиантский сарай, земляной пороховой погреб. Жилые дома горожан в основном были построены из земляного кирпича и камыша.

К этому времени в Ейском укреплении имелась только одна только лавка, в которой мещане торговали сукном, ситцем, холстиной, шелковыми и бумажными платками, салом, дегтем и другими товарами, привозившимися из Ростова и Нахичевани. Никаких ярмарок и базаров здесь не устраивалось. В укреплении также стояла ветряная мельница об одной поставе с толчею, которой пользовались жители, приносящая в год до двухсот рублей дохода⁵⁶.

Выгонная земля Ейского укрепления простиралась по правому речки Еи с двух сторон большой дороги, ведущей в Екатеринодар. Грунт земли был солонцеватый, болотистый, некоторая часть относилась к серопесчаному с глиной. Земля по своему плодородию считалась «не весьма способной». Лучшие урожаи на ней приносили рожь, пшеница и овес. Вода в речке и Ейском лимане признавалась непригодной для питья. Жители в основном пользовались водой их вырытых колодцев.

В жаркое летнее время река Ея на мелководье достигала в пол аршина в глубину и десять сажень в ширину. Весной в реке и лимане жители ловили судаков, лещей, сазанов, щук, окуней, тарань, плотву и другую мелкую рыбу, некоторую часть из которой продавали.

Мещане некоторые промышленляют хлебопашеством, а по большей части ездят по паспортам в разных извозах, а некоторые проживают по рыбным около Азовского моря заводам⁵⁷.

В Азовском море и Ейском лимане водилось большое количество рыбы, в том числе белуги, осетры, севрюги, стерляди, сазаны, сомы, судаки, лещи, щуки, рыбец, чехонь, сельди, окуни, тарань и разная мелкая рыба. Рыбные заводы, на которых работали по найму жители Ейского укрепления, располагались на соседних дачах – владениях помещиков Ростовского уезда и землях донских казаков⁵⁸.

Выводы

История Ейского укрепления служит примером трансформации поселенческого уклада в процессе заселения и освоения новых территорий на южных границах России. На протяжении своей истории поселение носило разные названия: Шагин-Гирейский городок, Шагин-Гиреевский базар, Ейский городок, Ейский редут, Ейское укрепление, слобода Ейское укрепление, село Ейское укрепление. Возникнув во второй половине XVIII в. как военный форпост на южных границах России, с течением времени Ейское укрепление утратило свое оборонительное значение, однако на долгие годы оно оставалось важным географическим маркером, служившим ориентиром для уточнения границ между административными территориями и отдельными земельными владениями.

После разграничения земель Ейское укрепление вошло в состав Ростовского уезда Екатеринославской губернии. Для казачьей поселенческой структуры подобное поселение являлось инокультурным явлением. Его развитие шло собственным путем. Находясь на периферии Екатеринославской губернии, оно утратило торговое значение. В результате Генерального межевания, призванного навести порядок в землепользовании и землевладении, поселение не получило большого количества земли, осталось без богатых рыбных угодий. Отмежеванная к поселению земля по

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 491. Л. 22–22 об.

⁵⁷ Там же. Л. 23.

⁵⁸ Там же. Д. 485. Л. 20.

сравнению с соседними территориями была мало плодородной для хлебопашества. Тем не менее, дальнейшая история Ейского укрепления показала его устойчивое развитие. Занятие рыболовством осталось одним из ведущих в хозяйственной деятельности жителей села на протяжении всего дореволюционного периода. Благодаря хозяйственному освоению новых южных территорий в первой половине XIX в. и прокладке дорог в Черноморию в Ейском укреплении возродилась торговая деятельность. Подобная эволюция поселенческого уклада от военного укрепления к селу являлась закономерной и эффективной формой сосуществования на казачьих территориях различных исторических типов поселений.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.08.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.03.2024

References

- Boiko, V.Ya. *Zaselenie Iuzhnoi Ukrainy. Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniya kraja: russkie i ukraintsy (konets XVIII – nachalo XXI v.). Etnostatisticheskii ocherk* [Settlement of Southern Ukraine. Formation of the ethnic composition of the region's population: Russians and Ukrainians (late XVIII – early XXI centuries). Ethnostatistical essay]. Cherkassy: Vertical Publ., 2007 (in Russian).
- Doroshenko, A. *Rodina s imenem Eisk. Istoriya goroda i raiona* [Homeland with the name Yeysk. History of the city and region]. Rostov-na-Donu: Doroshenko Publ., 2018 (in Russian).
- Druzhinina, E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea region in 1775–1800]. Moscow: Nauka Publ., Publ., 1959 (in Russian).
- Druzhinina, E.I. *Yuzhnaya Ukraina v period krizisa feodalizma. 1825–1960 gg.* [Southern Ukraine during the crisis of feudalism. 1825–1960]. Moscow: Nauka Publ., 1961 (in Russian).
- Fedina, I.M. *Poselencheskaia povsednevnost' chernomorskikh kazakov* [Settlement everyday life of the Black Sea Cossacks]. Krasnodar: Kuban University Publ., 2023 (in Russian).
- Fel'dman, D.Z. *Ekonomicheskie primechaniia k planam General'nogo mezhevaniia kak istochniki po istorii evreiskoi zemledel'cheskoi kolonizatsii Severnogo Prichernomor'ia v nachale XIX v.* [Economic Notes to the General Land Survey Plans as Sources on the History of Jewish Agricultural Colonization of the Northern Black Sea Region at the Beginning of the 19th Century].” In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. 2015. no. 4 (2015): 422–428 (in Russian).
- Feofilaktova, T.M. *Kuban' vo vtoroi polovine XVIII v.* [Kuban in the second half of the XVIII century]. Krasnodar: Kuban University Publ., 1992 (in Russian).
- Frolov, B.E. “Osnovanie pervykh kurennykh selenii v Chernomorii [Foundation of the first smoking villages in Chernomorie].” In *Vestnik arkhivista Kubani*, no. 7 (2006): 12–2 (in Russian).
- Istoriya Kubanskogo kazachestva* [History of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Tradition Publ., 2013 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. *Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.)* [Settlement of Novorossiia (Ekaterinoslav and Kherson provinces) in the XVIII – first half of the XIX century (1719–1858)]. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Korolenko, P.P. “Pereselenie kazakov za Kuban'. Russkaya kolonizatsiia na Zapadnom Kavkaze Zapadnom Kavkaze [The resettlement of the Cossacks beyond the Kuban. Russian colonization in the Western Caucasus Western Caucasus].” In *Kubanskii sbornik*, no.16 (1911): 265–576 (in Russian).
- Litvinenko, V. “Kagal'nitskie poseleniia [Kagalnitsky settlements].” In *Relga. Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*. no. 4 (2001): <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=808&level1=main&level2=articles> (in Russian).
- Maslov, A.V. *Tri veka istorii Kubani. XVIII–XX. Voprosy, otvety, kommentarii* [Three centuries of Kuban history. XVIII–XX. Questions, answers, comments]. Krasnodar: Education prospects Publ., 2000 (in Russian).
- Matveev, O.V. “Iz dorevoliutsionnogo proshlogo stanitsy Novolabinskoi [From the pre-revolutionary past of the village of Novolabinskaya].” In *Kubanskii sbornik* (2015): 165–175 (in Russian).
- Popko, I.L. *Chernomorskie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu* [Black Sea Cossacks in their civilian and military life]. St. Petersburg: P.A. Kulish Publ., 1858 (in Russian).

- Pronshtein, A.P. *Zemlia Donskaia v XVIII veke* [Don Land in the XVIII century]. Rostov-na-Donu: Rostov University Publ., 1961 (in Russian).
- Ratushnyak, V.N., and Ratushnyak, T.V. *Istoriia Kubani v datakh, sobytiiaxh, faktakh* [The history of the Kuban in dates, events, facts]. Krasnodar: Tradition Publ., 2022 (in Russian).
- Ryblova, M.A. “Artel'noe nachalo v organizatsii rybolovnogo i okhotnich'ego promyslov u russkogo naseleniia Dona i Nizhnei Volgi [Artel beginning in the organization of fishing and hunting among the Russian population of the Don and the Lower Volga].” In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 5 (2022): 114–115, doi 10.15688/jvolsu4.2022.5.8 (in Russian).
- Shcherbina, F.A. *Istoriia Kubanskogo kazach'ego voiska* [History of the Kuban Cossack army]. Yekaterinodar: Kubanskoe oblastnoe pravlenie Publ., 1910, vol. 1 (in Russian).
- Solov'ev, V.A. *Suvorov na Kubani. 1778–1793* [Suvorov in the Kuban. 1778–1793]. Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992 (in Russian).
- Stepanova, L.G. “Deyatel'nost' zemlemerov na Zemle Chernomorskogo kazach'ego voiska v kontse XVIII v. [The activity of land surveyors on the land of the Black Sea Cossack army at the end of the XVIII century].” In *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 6 (2019): 67–77 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Лилия Геннадьевна Степанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; liliya_stepanova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>; SPIN-код: 2312-6960

Liliya Gennadievna Stepanova, Dr. Habil in History, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University; 149, Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russia; liliya_stepanova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>; SPIN-code: 2312-6960

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-155-166>
EDN: TCJSAX

Научная статья / Research article

Российская имперская бюрократия и проблема формирования нового управленческого этоса в преддверии Великих реформ

Николай Алексеевич Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

Аннотация: Рассматривается проблема формирования новых основ управленческого этоса в Российской империи в первые годы правления Александра II. В качестве одного из примеров анализируется Записка юрисконсульта Морского министерства В.Е. Врангеля и отзывы на нее высокопоставленных сановников. Цель исследования состоит в определении основ новых этических норм, которые власть намеревалась транслировать в отношении чиновников. Показан важный аспект проблемы реформирования административного аппарата – изменение нравственного облика высших чиновников, большая часть которых никогда не причислялась ни современниками, ни исследователями к так называемой просвещенной бюрократии. Раскрыты причины, заставившие власть пойти на этот шаг, а также выявлены новые этические нормы, заложившие базу для формирования новых этических принципов. Автор пришел к выводу, что появление Записки свидетельствовало о продолжении и ускорении важного процесса профессионализации бюрократии, изменении нравственных ориентиров чиновников, вполне соответствовавшее самому духу времени. Хотя самой Записке официально ход так и не был дан, поднятые ею проблемы и намеченные изменения послужили важной базой для выработки нового управленческого этоса в дальнейшем.

Ключевые слова: административные реформы, управленческий этос, рациональная бюрократия, Морской сборник, система подготовки чиновников

Для цитирования: Могилевский Н.А. Российская имперская бюрократия и проблема формирования нового управленческого этоса в преддверии Великих реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 155–166. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-155-166>

Russia's Imperial Bureaucracy and the Problem of Forming New Managerial Ethos on the Eve of the Great Reforms

Nikolay A. Mogilevskiy

Moscow State Institute of international relations (MGIMO), Moscow, Russia

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

Abstract: The author examines the problem of forming new foundations of the managerial ethos in the Russian Empire in the first years of the reign of Alexander II. As an example, there is analyzed the Note of legal adviser of the Naval Ministry V.E. Wrangel, as well as the opinions of high-ranking officials on it. The purpose of the research is to establish the foundations of new ethical standards that the authorities intended to apply to officials. The article shows an important aspect of the problem of reforming the administrative apparatus – the change in the moral character of senior officials, most of

© Могилевский Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

whom were never classified by either contemporaries or researchers as the so-called enlightened bureaucracy. There are also identified new ethical standards that laid the basis for the formation of new ethical principles. The author comes to the conclusion that the appearance of the Note indicated the continuation and acceleration of the important process of professionalization of the bureaucracy, a change in the moral guidelines of officials, which was fully consistent with the very spirit of the times. Although the Note itself was never officially enforced, the problems it raised, and the changes planned served as an important basis for the development of new managerial ethos in the future.

Keywords: administrative reforms, managerial ethos, rational bureaucracy, Morskoy sbornik, system of training officials

For citation: Mogilevskiy, N.A. "Russia's Imperial Bureaucracy and the Problem of Forming New Managerial Ethos on the Eve of the Great Reforms." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 155–166 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-155-166>

Введение

Актуальность. Актуальность статьи определяется ее источниковедческим и историографическим значением. В российской научной литературе не вполне полно освещена проблема морально-этических принципов русской бюрократии, в особенности, ее верхушки. Между тем именно этическая составляющая мировоззрения русского чиновничества, бывшая в сфере внимания правительства и в предыдущие эпохи (при Александре I и при Николае I), в начале правления Александра II вышла на первый план (наряду с проектами крестьянской реформы и реформы системы административного управления).

Степень изученности проблемы. К проблеме изучения «просвещенной» (или «либеральной») бюрократии обращались как отечественные ученые¹, так и зарубежные². За последние десять лет можно выделить работы следующих российских специалистов: Е.Н. Морозовой³, И.В. Ружицкой⁴, Н.М. Селиверстовой⁵. Их работы создали прекрасную базу для дальнейших исследований, которые представляются необходимыми, поскольку, несмотря на названные работы, по-прежнему наблюда-

¹ Шевырев А.П. Либеральная бюрократия Морского министерства в 1850–1860-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 3. С. 52–64; Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–44; Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель: между авторитаризмом и рациональной бюрократией. Административные реформ в России: история и современность. М., 2006. С. 139–176.

² Raeff M. The Russian autocracy and its officials // Harvard Slavic studies. Vol. IV. Harvard university press. Cambridge, Massachusetts. 1957. P.77–91; Starr F.S. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton, New Jersey, 1972; Yaney G.L. The Systematization of Russian government. Social evolution in the domestic administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana – Chicago – London, 1973; Raeff M. The Bureaucratic phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // The American Historical Review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 399–411; Russian Officialdom: The bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by W. Pintner and D. Rowney. Chapel Hill, North Carolina, 1980; Lincoln W.B. In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. Decalb, Ill, 1982.

³ Морозова Е.Н. Пути формирования нового поколения либеральной бюрократии (конец 1830-х – 1840-е годы) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 433–440.

⁴ Ружицкая И.В. 1) «Просвещенные» бюрократы первой половины XIX в. – новый тип российского чиновника: опыт характеристики // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 168–172; 2) «Просвещенная» бюрократия и «конституционные начинания» в России (1800–1860-е гг.) // Карамзинские чтения, Санкт-Петербург, 11 мая 2022 года. М., 2022. Вып. 4. С. 136–142.

⁵ Селиверстова Н.М. Дворянин или чиновник? Проблемы самоопределения представителей просвещенной бюрократии эпохи реформ 60–70 гг. XIX в. // История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, Москва, 19 декабря 2020 г. / сост. Л.Д. Шаповалова. М., 2021. С. 189–194.

ется лагуна в исследовании становления служебного этиоса бюрократии второй половины 1850-х гг.

Целью исследования является определение основ нового этического «стандарта» для высших чиновников в эпоху подготовки Великих реформ (1855–1861).

Источниковой базой послужили архивные материалы – прежде всего записка юрисконсульта Морского министерства В.Е. Врангеля «Разные соображения в руководство при вступлении в управление отдельным ведомством» и отзывы на нее высокопоставленных сановников, а также источники личного происхождения (мемуары и дневники). Ряд документов вводится в научный оборот впервые.

Новые веяния в начале правления Александра II

В первые недели и месяцы после воцарения Александра II ощущение близости перемен было буквально разлито в воздухе⁶. В обществе от власти ждали не только давно назревших реформ, прежде всего крестьянскую, но изменений в «тональности» общения между правительственными чиновниками и теми, кем они управляли. Эти ожидания, что характерно, были свойственны не только постепенно «оттаившему» общественному мнению, но и самим служащим. Заглянем в дневник курляндского губернатора (а в будущем министра внутренних дел) П.А. Валуева. В записи от 20 октября 1855 г., рассуждая о необходимых стране преобразованиях, Валуев писал:

Но гораздо важнее применение некоторых общих начал. Таковы: 1. Начало христианской истины в делах веры. 2. Начало правды в формах управления вообще, вместо нынешней бездушной формалистики. 3. Начало нравственного достоинства в действиях высших правительственных властей, сопряженное с началом уважения к человеческой личности⁷.

Другой видный деятель эпохи, цензор А.В. Никитенко, примерно в те же числа (запись датирована 16-м октября) запишет в собственном дневнике:

В обществе начинает прорываться стремление к лучшему порядку вещей. Но этим еще не следует обольщаться. Все, что до сих пор являлось у нас хорошего или дурного, – все являлось не по свободному, самобытному движению общественного духа, а по указанию и по воле высшей власти, которая всем распоряжалась и одна вела, куда хотела. <...> Многие у нас теперь даже начинают толковать о законности и гласности, о замене бюрократии в администрации более правильным отпращиванием дел. Лишь бы все это не испарилось в словах!⁸

Те, кто приезжал в столицу, становились свидетелями лихорадочной деятельности, всеобщей оживленности и приподнятости духа. Будущий военный министр Д.А. Милютин в письме князю Барятинскому в октябре 1857 г. с некоторой иронией делился наблюдениями:

Здесь вообще я нашел поразительное явление: стремление к преобразованиям, к изобретению чего-то нового обуюли всех и каждого; хотят, чтобы все прежнее ломали тут же, прежде, чем обдумано новое⁹.

Само собой, новые времена, наставшие в середине 1850-х гг., нуждались и в новых исполнителях. Высший слой николаевской бюрократии в новых условиях был совершенно непригодным для ответа на вызовы времени. На это указывали многие современники. Например, Ю.Ф. Кубе, чиновник по особым поручениям при

⁶ Шевырев А.П. Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59.

⁷ Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860, 1866–1884. Саратов, 2015. С. 22.

⁸ Никитенко А.В. Дневник: в 3 томах. Том 2. М., 1955. С. 422.

⁹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 487.

лифляндском, курляндском и эстляндском генерал-губернаторе А.А. Суворове-Рымникском, в записке «О необходимости реорганизации государственного аппарата России» писал:

Другую преграду составляют апатическое равнодушие к общественным делам большей части высших чиновников, самолюбие и тщеславие, заменяющее у них патриотические чувства, их искусство отклонять от себя по возможности всякую новую работу, всякий труд, выходящий из круга обыкновенных машинальных их занятий, всякий вопрос, который нельзя решить «по прежним примерам»¹⁰.

Разделял негодование Кубе и М.А. Корф, входивший при Николае I в высшие слои российской бюрократии:

Наконец, вообще при многочисленных личных преимуществах – чиновничья карьера сделалась любимой мечтой всей России, и коронная служба, в продолжении долгих лет, притягивала, вместе с лучшими, живейшими силами населения, множество людей, нисколько не призванных к ней ни по своим способностям, ни по своему образованию¹¹.

Разумеется, нововведения требовали других исполнителей:

Новое направление правительственной деятельности привлекло к общему делу массу людей развитых и просвещенных, ставивших интересы общественные и государственные выше личных, эгоистических. Те личности, которые в прежнее время были под опалой как опасные либералы, теперь сделались полезными деятелями¹².

Именно этим чиновникам нового толка, бывшим в николаевскую эпоху на вторых ролях, оказалось суждено стать основными архитекторами и двигателями реформ, прежде всего крестьянской¹³. Им было очевидно, что прежде, чем приступить к масштабным преобразованиям, необходимо в корне изменить принципы работы бюрократического механизма, добиться (насколько это вообще было возможно в России середины 1850-х гг.) качественного обновления чиновничества. Стране были совершенно необходимы чиновники, разделяющие современные нравственные установки, то есть имеющие ясные и твердые представления о таких понятиях, как долг, польза обществу, служение делу, а не лицам и т.п. Иными словами, чиновники с новым этосом¹⁴.

Проблема «управленческого этоса», безусловно, появилась не в рассматриваемый период. Власть уже со времен Екатерины II предъявляла бюрократам определенные морально-этические требования. В Уставах о службе гражданской (действовал с 1782 г.), помимо прочего, от чиновника требовались такие качества, как «усердие к общему добру», «честность, бескорыстие и воздержание от взяток» и т. д.¹⁵

Требования закона и реальные нравственный облик подавляющего числа чиновников конца XVIII и первой половины XIX в. зачастую расходились кардинально. Но уже с эпохи Александра I в России стали появляться «нового типа». По мнению И.В. Ружицкой, отличительной чертой этих чиновников является то, что основу их мировоззрения составили идеи французского Просвещения: высшая цель государственной жизни – народное благосостояние, основа которого – гражданская

¹⁰ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Д. 85. Л. 3 об. – 4.

¹¹ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2863. Л. 21.

¹² Милютин Д.А. Воспоминания... С. 40.

¹³ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 314.

¹⁴ Уортман Р. Властители и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 343–394.

¹⁵ Свод законов Российской империи. Том третий. Уставы о службе гражданской. СПб., 1857. С. 1187.

свобода¹⁶. Уже в царствование Николая I, когда, по мнению ряда специалистов, в России вовсю идет процесс формирования «рациональной бюрократии» веберовского типа¹⁷ (вопрос о применимости веберовской модели к Российском империи первой половины XIX в. весьма дискуссионный¹⁸, но некоторые современные историки считают эту модель вполне подходящей для русской бюрократии¹⁹), «сформировался целый слой подобных чиновников, как на министерском уровне, так и ниже»²⁰. Именно теперь, в период подготовки реформ, наступил их «звездный час».

В поисках нового служебного этоса: записка В.Е. Врангеля и отзывы на нее

Процесс формирования новых этических норм в бюрократической среде начался, само собой, со столичных министерств. В авангарде оказалось наиболее прогрессивное из них – Морское, – возглавляемое братом царя, великим князем Константином²¹. Его личная заслуга в этом деле признавалась и многими современниками²², и последующими исследователями²³. Опираясь на группу просвещенных чиновников, составивших его ближний круг (А.В. Головнин, Д.А. Оболенский и др.²⁴), великий князь сумел перестроить работу министерства на новых началах: были упразднены многие бюрократические формальности; в отчетах по министерству было повелено, «чтобы начальство в отчетах своих не лгало, уверяя, что все находится в чудесном виде, как это обыкновенно делается»²⁵; наконец, была совершенно пересмотрена концепция ведомственного журнала «Морской сборник»²⁶. В приказе по Морскому министерству от 19 декабря 1855 г. прямо заявлялось, что великий князь желал бы видеть в Морском сборнике «ряд нравственных, философских рассуждений, напечатанных весьма смело и сильно, доступным для каждого языком, с целью, с одной стороны – опорочить недостатки, которые мы принуждены сознать между морскими офицерами и чиновниками, и которые должны быть заклеяны общественным мнением, а с другой стороны – указать и растолковать, как следует понимать некоторые предметы и отношения»²⁷. Такой подход, а также привлечение к сотрудничеству в ведомственном журнале лучших тогдашних писателей и публицистов (А.В. Головнин обращался за рекомендациями на этот счет к М.П. Погодину и С.П. Шевыреву²⁸) сделало Морской сборник одним из самых популяр-

¹⁶ Ружицкая И.В. «Просвещенные» бюрократы... С. 170.

¹⁷ Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe: état et société en Russie Impériale. Essai d'interprétation. P., 1982. P. 161; Shanin T. The roots of Otherness: Russia's turn of Century. Russia as a Developing Society. New Haven, 1985. P. 35–36; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 149; Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель... С. 139.

¹⁸ Вебер М. О России. Избранное. М., 2007. С. 65–66.

¹⁹ Ружицкая И.В. «Просвещенные» бюрократы... С. 170.

²⁰ Там же. С. 172.

²¹ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 38.

²² Никитенко А.В. Дневник... С. 426; «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869. Сборник документов. М., 2006. С. 457; ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. ч. 2. Д. 2863. Л. 22 об.

²³ Карпачев М.Д., Коротких М.Г. Нарастание «кризиса верхов» в России второй половины XIX столетия // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1988. С. 11–12; Воронин В.Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России (60–70-е гг. XIX в.): дис. ... д.и.н. М., 2009.

²⁴ Шевырев А.П. Либеральная бюрократия Морского министерства в 1850 – 1860-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 3. С. 52–64.

²⁵ Никитенко А.В. Дневник... С. 426.

²⁶ Огородников С.Ф. 50-летие журнала «Морской сборник» (1848–1898). СПб., 1898; Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 229–258.

²⁷ Карпачев М.Д., Коротких М.Г. Нарастание «кризиса верхов»... С. 11.

²⁸ Там же. С. 12.

ных журналов среди читающей публики. Печатаемые в нем материалы отныне представляли интерес не только для профессионалов, но и для широких общественных слоев, поскольку касались всех острых проблем, стоявших в тот момент перед страной.

Неудивительно, учитывая вышесказанное, что именно по поручению Константина Николаевича юрисконсульт Морского министерства В.Е. Врангель в начале февраля 1856 г. подготовил записку «Разные соображения в руководство при вступлении в управление отдельным ведомством»²⁹. Записка формально составлялась для младшего брата великого князя, Михаила Николаевича, который только вступил в должность генерал-фельдцейхмейстера³⁰ и должен был управлять Артиллерийским отделением, в связи с чем просил брата «сообщить ему по делам управления соображения, которые внушают мне (Константину Николаевичу. – *Н.М.*) трехлетние занятия мои по Морскому ведомству». Однако истинное значение этой Записки представляется куда большим: ее анализ позволяет предположить, что она рассматривалась как своеобразный свод новых этических норм, предназначенный для высшего слоя бюрократии. В ином случае вряд ли управляющий Морским министерством попросил бы комментировать рядовой документ практически весь тогдашний политический истеблишмент – от министра юстиции В.Н. Панина и бывшего кавказского наместника М.С. Воронцова до будущего военного министра Д.А. Милютин (тогда состоявшего членом Комиссии для улучшения по военной части). В дальнейшем, по-видимому, руководители министерств и ведомств должны были руководствоваться идеями, изложенными в Записке, в своей повседневной служебной деятельности. Так постепенно с самого верха бюрократической пирамиды новаторские идеи и практики управления должны бы были распространиться по всем уровням российского чиновничьего мира.

Обратимся прежде к анализу Записки³¹. Ее автор полагал, что учреждение управлений и их функционирование возможны лишь с соблюдением известных условий: 1) Действия в пределах, установленных законом и учреждениями; 2) Своевременность и возможная быстрота всех распоряжений; 3) Постоянная забота об избавлении казны от излишних и не оправданных действительной необходимостью расходов³². Средствами для достижения этих целей В.Е. Врангель полагал следующее: 1) Существующие постановления; 2) Личный состав управления; 3) Материальное имущество управления и суммы ему ежегодно отпускаемые; 4) Исполнение лежащих на управлении обязанностей – то есть порядок производства дел³³.

Далее, комментируя пункты 1 и 2, перечисленные им среди средств для более эффективного управления, В.Е. Врангель, по сути, предлагал полностью заменить прежний, армейский, стиль управления (с принципом «исполнять, а не рассуждать») на уважительное и внимательное отношение к сотрудникам. Делать это предлагалось прежде всего во имя повышения эффективности управления. Чтобы

²⁹ *Могилевский Н.А.* Восстановить «самобытный дух управления»: проекты административных реформ в преддверии Великих реформ // *Вестник Московского Университета. Серия 8. История.* 2021. № 6. С. 36–60.

³⁰ Главный начальник артиллерии в русской армии.

³¹ Записка Врангеля впервые была рассмотрена, правда, несколько односторонне, в статье воронежских исследователей М.Д. Карпачева и М.Г. Коротких. Авторы пересказывают ее содержание двумя фразами, а ответы сановников, которым вел. кн. Константин Николаевич велел передать Записку на отзыв и вовсе названы авторами «бесцветными суждениями» и представлены каждое одной фразой. Подробно воронежские специалисты останавливаются лишь на отзыве на Записку Д.А. Милютин. См.: *Карпачев М.Д., Коротких М.Г.* Нарастание «кризиса верхов»... С. 12–13. Обращается к отзыву Д.А. Милютин и В.Г. Чернуха, также не приводя более других подробностей. См.: *Чернуха В.Г.* Эпоха «великих реформ»... С. 109.

³² ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 607. Л. 3.

³³ Там же.

добиться этой цели, автор Записки считал, что начальнику следует уделять больше внимания подчиненным, знать в общих чертах прежнюю службу каждого подчиненного, какого они образования, и собирать о них сведения разными путями,

но ни которому из полученных показаний не придавать безусловной веры. То есть не верить вполне ни похвалам, ни осуждению, а иметь в памяти эти отзывы только как материал³⁴.

С той же целью – лучше узнать сотрудников – Врангель рекомендовал внедрять практику личных докладов. Причем начальнику не следовало допускать, чтобы подчиненный «хвалил действия и распоряжения начальства и собственные свои». Вердикт по делу руководитель должен выносить не иначе, как «выслушав предварительно обстоятельства дела и мнения подчиненных»³⁵. После николаевской эпохи предложения Врангеля звучали удивительно, но новые времена требовали новых подходов. И Записка Врангеля им отвечала в полной мере.

Отзывы на Записку других высших чиновников явственно показали, что и они прекрасно поняли, что времена меняются. Одним из первых прокомментировал ее (по просьбе великого князя Константина) князь М.С. Воронцов, знаменитый герой 1812 года и наместник Кавказа при Николае I³⁶. Соглашаясь с идеей В.Е. Врангеля о необходимости личных докладов, он развил ее, доказывая, что при докладе подчиненный должен пользоваться «совершенной свободой излагать свои мнения и мнения эти даже противопоставлять мнениям начальника с целью привести дело к более ясному и справедливому решению». Но все же, считал Воронцов, лучше, если такой «доклад-спор» происходит с глазу на глаз³⁷.

Еще более пространный отзыв дал министр юстиции В.Н. Панин. Текст, вышедший из-под его пера, казалось, совершенно не сочетался с образом человека, который в глазах многих современников был живым воплощением николаевской системы³⁸. Сухой, педантичный, лощеный аристократ, горделивый и сдержанный, нередко лично распекавший подчиненных за описки в документах, Панин в отзыве на Записку В.Е. Врангеля представал совершенно другим:

Чем выше образованность начальника, тем более подчиненные ожидают от него справедливости и внимания. У нас всякое ласковое слово ценится высоко лицами всех сословий и чинов, и поэтому не трудно при необходимой для пользы службы строгости приобрести доверие и привязанность подчиненных³⁹.

По мнению Панина, идеальный руководитель новой формации должен был знать все тонкости письмоводства («начальнику нужно знать канцелярский порядок и полезно уметь составлять всеподданейшие доклады и другие важные бумаги»), но не злоупотреблять этим («ему не следовало бы входить во все подробности делопроизводства иначе как поверкою от времени до времени точности представляемых ему докладов»)⁴⁰. Резко критиковал министр юстиции систему назначения на высокие посты людей, не всегда способных, но зато опытных в «бумажных делах»:

³⁴ ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 607. Л. 4 об.

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ Показательно, что Воронцов прославился в годы своего управления Кавказом удивительной доступностью и демократизмом. После его смерти солдаты говорили: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер».

³⁷ ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 607. Л. 38 об.

³⁸ *Победоносцев К.П.* Граф В.Н. Панин. Министр юстиции // *Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева.* М., 1976. С. 3–144; *Семенов Н.П.* Граф Виктор Никитич Панин. Характеристический очерк по рассказам, моим запискам и воспоминаниям // *Русский архив.* 1887. № 12. С. 537–566; *Уортман Р.* Властители и судии... С. 294–337.

³⁹ ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 607. Л. 60 об.

⁴⁰ Там же. Л. 61.

Умение управлять людьми, изыскания источников познаний не в одних книгах, но между опытными людьми различного звания и знания положения и нужды государства суть качества, более нужные в начальниках отдельного управления – и в особенности губернии или области, – чем долговременная опытность в делопроизводстве⁴¹.

Главное, резюмировал граф, чтобы начальник с молодых лет выказывал «трудолюбие и не чужд был формам делопроизводства» – тогда из него выйдет толк, а недостающие знания и навыки он получит уже прямо на начальственном посту⁴².

Предложения В.Е. Врангеля прокомментировал и член Государственного Совета по Департаменту государственной экономии Н.И. Бахтин. В «Дополнении к записке, заключающей в себе соображения об управлении отдельным ведомством» он также пространно рассуждает о том, каким должен быть начальник «новой генерации». Прежде всего такой начальник должен помнить, что в государственной службе нет ничего выше закона, хотя

многие из начальствующих лиц думают, что если намерения их чисты и цель полезна для службы, то все средства хороши, лишь бы вели к предположенной цели⁴³.

Правовой нигилизм, присущий российской бюрократии, ведет к разрушительным последствиям для всего государственного механизма, убеждал Бахтин. Это и немудрено, продолжал он, если начальники в законе «видят часто одно только препятствие к скорейшему и вернейшему достижению» цели. Кратчайший путь, в обход «правовых чащоб» лишь на первый взгляд кажется скорейшим и самым верным – в реальности он приводит к печальным последствиям: одна уловка тянет за собой другую, так плетется целая нить незаконных действий. Чтобы ее разорвать,

главный начальник не должен допускать по своему ведомству действий, основанных на таких понятиях, особенно в делах, касающихся частных лиц или публики. Законность есть единственная справедливость, возможная начальнику, поставленному над другими от правительства⁴⁴.

Правда, «необходимость законности, к несчастью, редко признается нашими администраторами», и поэтому, настаивал Бахтин,

на этот предмет должно быть обращено постоянное внимание главного начальника, и собственный его пример должен быть руководством для всех ему подчиненных лиц. Если же закон нехорош, то следует оный переменить, а не нарушать⁴⁵.

Во многом именно от начальника зависит определение подчиненного на подходящую именно ему должность. Заметив в нем склонности к какому-либо делу, руководитель может, уверял Бахтин, заранее мысленно его к этому делу определить и «потом провести через ряд должностей, которые приготовили бы его к будущему назначению»⁴⁶. Однако если заместитель делает всю работу за руководителя, то

скорее надобно удалить начальника и дать ему другое место по его способностям; а подчиненного, если только он не подвергается корыстным видам, иметь на заметке как человека способного для употребления в высшей должности⁴⁷.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 607. Л. 62–62 об.

⁴² Там же. Л. 62 об.

⁴³ Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 605. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Л. 2 об.

⁴⁵ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁴⁶ Там же. Л. 7 об.

⁴⁷ Там же. Л. 9.

Отдельно Бахтин останавливается и на проблеме подготовки к занятию начальственных должностей. Как известно, в первой половине XIX столетия в России не существовало никаких специальных систем подготовки чиновников к гражданской службе (в отличие от армейской службы). Лучшей школой считался практический опыт, полученный в разных ведомствах, причем чиновника могли часто переводить из одного министерства в другое совершенно неожиданно и без предупреждения⁴⁸. Прекрасно знавший эту практику Бахтин подвергал ее сокрушительной критике:

Никакое воспитание не может приготовить вполне хорошего администратора. Ему нужны опытность и знания, которые приобретаются только в службе. Но разные части управления требуют и разных знаний и опытности. По очень понятному побуждению, каждый из служащих избирает себе род службы и переходит из одного в другой, соображаясь обыкновенно со случайными знакомствами и связями, сначала своих родителей, родственников и покровителей, а потом приобретаемыми им самим в течение жизни. Таким образом, очень способные люди делаются часто бесполезными для службы, потому именно, что никакой части администрации они собственно, так сказать, не усвоили⁴⁹.

Нехватка квалифицированных, честных и, главное, исповедующих новые этические принципы чиновников стояла в конце 1850-х гг. очень остро. Ею были озабочены многие. Например, знаменитый публицист П.В. Долгоруков в записке «О внутреннем положении России» отмечал, что зачастую бывает сложно заместить ту или иную должность, так как нет достойных кандидатов. Решение виделось ему следующим:

Необходимо выбрать несколько лиц нового поколения и, смотря по их способностям, указать им будущую служебную деятельность с тем, чтобы они готовились к ней в продолжении 10 и более лет, и доставлять случай знакомиться со всеми частями их будущего управления; на каждое место нужно иметь несколько таких кандидатов⁵⁰.

Ему вторил и цензор А.В. Никитенко. Он привел статистические сведения, сообщенные ему А.Г. Тройницким⁵¹, которые последний извлек из «официального источника». Согласно ему, из 80 000 чиновников империи ежегодно открывается вакантных мест 3000. В продолжение двух или трех лет с 1857 года из всех университетов, лицеев и школы правоведения выпускалось ежегодно 400 человек, кроме медиков. Вывод из этого Никитенко сделал следующий: «как невелико у нас число образованных людей для занятия мест в государственной службе. Я был поражен»⁵². Постоянно сталкивались с этой проблемой и губернаторы, которым катастрофически не хватало людей для службы в губернском правлении, полиции и чиновниками особых поручений⁵³.

Выводы

Записка В.Е. Врангеля и отзывы на нее крупнейших сановников служат прекрасным примером того, как менялся «дух времени». Конечно, можно вслед за В.Г. Чернухой заявить, что «никакой практической пользы этот документ не имел, записке и вовсе

⁴⁸ *Armstrong J.A.* Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 38. № 1. P. 34.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 605. Л. 7–7 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 647. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

⁵¹ Тройницкий А.Г. – член Статистического отделения при Совете министра внутренних дел, товарищ министра внутренних дел в 1861–1867 гг.

⁵² *Никитенко А.В.* Дневник... С. 243.

⁵³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 73. Л. 34; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 50. Л. 27 об.

не было дано хода»⁵⁴. Однако мне представляется, что важность и ценность Записки не в ее имплементации (по сути, несостоявшейся), а в намеченных в ней тенденциях, в том векторе, который был ею задан. Ведь именно в ней были внятно и четко сформулированы принципы, которые обобщенно можно считать основой «управленческого этоса» нового поколения служащих. Его выработка была совершенно необходима в конце 1850-х., когда страна стояла на пороге грандиозных перемен во всех сферах жизни.

Тот факт, что Записка Врангеля вращалась в кругах высших администраторов, также весьма симптоматичен и научно объясним. В жестко централизованной системе, каковой была российская администрация после николаевского правления, все перемены и новшества могли начинаться только сверху. Кроме того, появление новых нравственных принципов для высших чиновников именно в преддверии реформ, когда Россия готовилась перешагнуть со стадии аграрного общества на стадию индустриального (со всеми оговорками), хорошо объяснимо с точки зрения социологии:

В обществах, только осуществляющих переход от аграрной экономики к индустриальной, администраторы вынуждены вести себя наполовину как политики, принимая собственные политические решения, главным образом на основе собственной системы нравственных ценностей⁵⁵.

Верховная власть в конце 1850-х начала обращать все больше внимания на этическую составляющую управления. Помимо уже приведенных выше примеров хочется упомянуть еще один, возможно, самый характерный и яркий. В «Сведениях о лицах, находящихся в <...> губернии, которые по занимаемым или должностям или по званиям имеют влияние на окружающих», подававшихся дважды в год всеми жандармскими штаб-офицерами на имя управляющего III Отделением, особое внимание уделялось именно тому, как губернаторы (и другие высшие лица губернии) ведут себя по отношению к подчиненным и просителям – то есть этической составляющей⁵⁶. На хорошем счету были и те губернаторы, которые в своей деятельности в полной мере отвечали новым нравственным нормам⁵⁷.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.12.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.03.2024

References

- Armstrong, J.A. “Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia, and Russia.” *International Review of Administrative Sciences* 38, no. 1 (1972): 21–40.
- Bagdasaryan, V.E. “Nikolaevskaia upravlencheskaia model’: mezhdru avtoritarizmom i ratsional’noi biurokratiei [Nikolaev management model: between authoritarianism and rational bureaucracy].” In *Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost’* [Administrative reform in Russia: history and modernity], 139–176. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).
- Chernukha, V.G. “Epokha ‘velikikh reform’ – shag na puti ot politseiskogo k pravovomu gosudarstvu [The era of “great reforms” is a step on the way from the police to the rule of law].” In *Vlast, obshchestvo i reformy v Rossii (XVI – nachalo XX v.): Materialy nauchno-teoreticheskoi konfe-*

⁵⁴ Чернуха В.Г. Эпоха «великих реформ»... С. 109.

⁵⁵ Riggs F. *Administration in Developing Countries: the theory of Prismatic Society*. Boston, 1964. P. 336.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19 (1-я экспедиция). Д. 247. Ч. 45. Л. 24; Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 204–236.

⁵⁷ Могилевский Н.А. Господа губернаторы. М., 2022. С. 419–424, 511–515.

- rentsii 8–10 dekabria 2003 goda* [Power, society and reforms in Russia (XVI – early XX century): Proceedings of the scientific and theoretical conference December 8–10, 2003], 105–120. St. Petersburg: SpbSU Publ., 2004 (in Russian).
- Karpachyov, M.D., and Korotkih, M.G. “Narastanie «krizisa verkhov» v Rossii vtoroi poloviny XIX stoletiya [The growing “crisis of the elite” in Russia in the second half of the twentieth century].” In *Burzhuaznye reformy v Rossii vtoroi poloviny XIX veka. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Bourgeois reforms in Russia in the second half of the twentieth century. Interuniversity collection of scientific works], 6–15. Voronezh: Voronezh University Publ., 1988 (in Russian).
- Lincoln, W.B. *In the vanguard of Reform. Russia’s Enlightened bureaucrats, 1825–1861*. Illinois: Northern Illinois University Press, 1982.
- Matkhanova, N.P. “Gubernatorskie otchety i zhandarmskie doneseniya kak istochnik po istorii rossijskogo provincialnogo chinovnichestva serediny XIX veka [Governor’s reports and gendarmerie reports as a source on the history of Russian provincial bureaucracy in the mid-twentieth century].” In *Istochniki po russkoi istorii i literature. Srednevekov’e i Novoe vremia* [Sources on Russian history and literature. Middle Ages and Modern Times], 204–236. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Melnikov, P.I. “Vospominanie o grafe S.S. Lanskom [Memories of Count S.S. Lanscoy].” *Russkii arhiv*, no. 2 (1879): 251–254 (in Russian)
- Milyutin, D.A. *Vospominaniia. 1860–1862* [Memories. 1860–1862]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Sotsial’naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX centuries)]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Mogilevskiy, N.A. “Restoring the ‘self-destructive spirit of management’: a project of administrative reforms on the eve of the Great Reforms.” *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 6 (2021): 36–60 (in Russian).
- Mogilevskiy, N.A. *Gospoda gubernatory* [Gentlemen governors]. Moscow: Prometey Publ., 2022 (in Russian).
- Morozova, E.N. “Ways to form a new generation of liberal bureaucracy (late 1830s–1840s).” *Izvestiya of Saratov University. History. International relations* 17, no. 4 (2017): 433–440 (in Russian).
- Nikitenko, A.V. *Dnevnik* [Diary]. Moscow: Fiction publishing house Publ., 1955 (in Russian).
- Pisarkova, L.F. “Ot Petra I do Nikolaya I: politika pravitelstva v oblasti formirovaniya byurokratii [From Peter I to Nicholas I: government policy in the field of formation of bureaucracy].” *Otechestvennaya istoriya*, no. 4 (1996): 29–44 (in Russian).
- Pobedonostsev, K.P. “Graf V.N. Panin. Ministr yusticii [Count V.N. Panin. Minister of Justice].” In *Golosa iz Rossii. Sborniki A.I. Gercena i N.P. Ogaryeva* [Voices from Russia. Collections of A.I. Herzen and N.P. Ogareva], 3–144. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Raeff, M. “The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905.” *The American Historical Review* 84, no. 2 (1979): 399–411.
- Raeff, M. “The Russian autocracy and its officials.” *Harvard Slavic studies* 4 (1957): 77–91.
- Raeff, M. *Comprendre l’ancien régime russe: état et société en Russie Impériale. Essai d’interprétation*. Paris: Du Seuil, 1982 (in French).
- Raskin, D.I. “The system of institutions of the Russian imperial statehood of the late XVIII – early XX centuries.” Doctor diss., SpBGU, 2006 (in Russian).
- Riggs, F. *Administration in Developing Countries: the theory of Prismatic Society*. Houghton Mifflin Company. Boston: Houghton Mifflin, 1964.
- Ruzhiczkaia, I.V. “‘Prosveshchennaia’ biurokratiia i ‘konstitutsionnye nachinaniia’ v Rossii (1800–1860-e gg.) [“Enlightened” bureaucracy and ‘constitutional initiatives’ in Russia (1800–1860s)].” In *Karamzinskie chteniia, Sankt-Peterburg, 11 maya 2022 goda* [Karamzin readings, St. Petersburg, May 11, 2022], 136–142. Moscow: Institute of Russian History RAS Publ., 2022 (in Russian).
- Ruzhiczkaia, I.V. “‘Prosveshchennye’ byurokraty pervoi poloviny XIX v. – novyi tip rossijskogo chinovnika: opyt kharakteristiki [‘Enlightened’ bureaucracy of the first half of the XIX c. – a new type of Russian official: characterization experience].” In *Rossiiskaia gosudarstvennost’: opyt 1150-letney istorii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 4–5 dekabria 2012 g.)* [Russian statehood: the experience of 1150 years of history: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, December 4–5, 2012)], 168–172. Moscow: Institute of Russian History RAS Publ., 2013 (in Russian).
- Seliverstova, N.M. “Dvorianin ili chinovnik? Problemy samoopredeleniia predstavitelei prosveshchennoi biurokratii epokhi reform 60–70 gg XIX v. [Nobleman or official? Problems of self-

- determination of representatives of the enlightened bureaucracy of the reform era of 60–70 XIX century].” In *Istoriia rossiiskoi gosudarstvennosti: Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchyonnoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia professora N.P. Eroshkina, Moskva, 19 dekabria 2020 g.* [History of Russian statehood: reports of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor N.P. Eroshkina, Moscow, December 19, 2020], 189–194. Moscow: RGGU Publ., 2021 (in Russian).
- Semenov, N.P. “Graf Viktor Nikitich Panin. Harakteristicheskiy ocherk po rasskazam, moim zapiskam i vospominaniyam [Count Viktor Nikitich Panin. Characteristic essay on stories, my notes and memories].” *Russkiy arhiv*, no. 12 (1887): 537–566 (in Russian).
- Shanin, T. *The roots of Otherness: Russia's turn of Century. Russia as a Developing Society*. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Shevyrev, A.P. “Liberalnaia biurokratiia Morskogo ministerstva v 1850 – 1860-e gg. [Liberal bureaucracy of the Naval Ministry in the 1850s – 1860s.].” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (1986): 52–64 (in Russian).
- Shevyrev, A.P. “The Thaw of 1855–1857: from the time of Nicholas to the era of the Great Reforms.” *Russian History*, no. 4 (2022): 46–59 (in Russian).
- Starr, F.S. *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1972.
- Uortman, R. *Vlastiteli i sudii: razvitiye pravovogo soznaniia v imperatorskoi Rossii* [Rulers and Judges: Development of Legal Consciousness in Imperial Russia]. Moscow: New Literary Review Publ., 2004 (in Russian).
- Veber, M. *O Rossii. Izbrannoe* [About Russia. Favorites]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Yaney, G.L. *The Systematization of Russian Government. Social evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1973.
- Zakharova, L.G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii 1856–1861* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia 1856–1861]. Moscow: MSU Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Николай Алексеевич Могилевский, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>; SPIN-код: 5614-8581

Nikolay Alekseevich Mogilevskiy, PhD in History, Ass. Professor of the Department of World and Russian History, MGIMO University; 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>; SPIN-code: 5614-8581

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-167-178>
EDN: TLWLJB

Научная статья / Research article

Взгляд жандармских штаб-офицеров на аппарат управления в Сибири в дореформенный период

Петр Петрович Румянцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
 petroom@mail.ru

Аннотация: Исследуется взгляд жандармских офицеров на чиновничий аппарат в Сибири в 30-е – 50-е гг. XIX в. Определен круг чиновников, о ком сообщали в своих донесениях жандармы, установлены источники получения жандармами информации о чиновничьем аппарате, выявлена трансформация взглядов жандармских офицеров на администрацию в Сибири. Основными источниками для проведения исследования послужили законодательные акты государственной власти, приказы по Корпусу жандармов, годовые отчеты, рапорты, различные донесения жандармов, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, часть из которых впервые вводится в научный оборот. В процессе работы был использован историко-системный метод, позволивший исследовать предмет и объект исследования как совокупность взаимосвязанных элементов. В результате проведенного исследования автор пришел к выводам, что жандармские офицеры, считавшие Сибирь неотъемлемой частью Российской империи, в своих донесениях сообщали о чиновниках всех рангов, выделяли целый ряд особенностей функционирования сибирской администрации (в их числе отсутствие действующего надзора за деятельностью чиновников, страха за совершение служебных преступлений, чрезмерная коррумпированность чиновничьего аппарата, распространение фаворитизма и пр.). Со временем в жандармских донесениях снижается острота критики в адрес сибирского чиновничества, а сами жандармы постепенно сливаются с чиновничьей средой, в то время как жандармское ведомство превращается в главный инструмент политического сыска органов государственной власти.

Ключевые слова: штаб-офицеры, жандармский надзор, национальные окраины, чиновничий аппарат, злоупотребления

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена на базе Института российской истории РАН в рамках научного проекта «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемого за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>. Автор выражает благодарность двум анонимным рецензентам за их замечания, которые очень помогли улучшить рукопись.

Для цитирования: Румянцев П.П. Взгляд жандармских штаб-офицеров на аппарат управления в Сибири в дореформенный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 167–178. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-167-178>

Viewpoints of Russian Gendarmerie Staff Officers on the Structure of Local Management Apparatus in Siberia during Pre-Reform Period

Petr P. Rumyantsev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

 petroom@mail.ru

Abstract: The author examines the view of gendarmerie officers on the apparatus of officials in Siberia in the 30s – 50s of the XIX century. Through the course of their study, the author formed a list of officials in order to determine about whom gendarmes reported in their reports, sources were also

identified of where gendarmes the received information about officials, and the transformation of the views of gendarmerie officers on the imperial administration in Siberia was revealed through source material. The main sources for the research were legislative acts of the imperial government, orders on the Gendarmes Corps, annual reports, reports, various reports of gendarmes stored in the State Archive of the Russian Federation. Some of these sources were introduced into scientific circulation for the first time. Though the course of research, a historical and systematic method was used, a method which allowed them to explore both the subject and the object of research as a set of interrelated elements. As a result of the research conducted, the author came to the following conclusion: that gendarmerie officers innately considered Siberia an integral part of the Russian Empire. In their reports, gendarmerie officials reported on virtually all other officials, despite their official position. In their reports, they also highlighted a number of features of the Siberian administration: the lack of effective supervision of their activities, that local officials were not afraid to commit any official crimes, excessive corruption of the bureaucracy, the spread of favoritism, etc. However, over time, the severity of criticism of the Siberian bureaucracy decreased in gendarmerie reports, as the gendarmes themselves gradually entered officialdom. Eventually, the gendarmerie department in turn became the main tool of political investigation of the state government.

Keywords: staff officers, gendarmerie supervision, national suburbs, bureaucracy, abuses

Acknowledgements and Funding: The article was prepared at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences within the framework of the research project «Gendarme officers' perceptions of Russia in the pre-reform era», carried out under the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>. The author would like to thank two anonymous reviewers for their comments, which greatly helped improve the manuscript.

For citation: Rumyantsev, P.P. “Viewpoints of Russian Gendarmerie Staff officers on the Structure of Local Management Apparatus in Siberia during Pre-Reform Period.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 167–178 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-167-178>

Введение

Актуальность. Сибирь являлась самым большим по территории регионом Российской империи и одновременно самым удаленным от центра, что вело к целому ряду особенностей в системе управления. Требовался строгий надзор за местной властью для пресечения с ее стороны различного рода злоупотреблений. Жандармские офицеры, официально не входившие в систему местной администрации и потому никак от нее не зависившие, как никто лучше подходили для осуществления надзора за местной властью. Сохранившаяся жандармская документация является важным источником, позволяющим рассмотреть многие аспекты, связанные с деятельностью чиновничества в Сибири.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии сформировалась точка зрения, что III отделение императорской канцелярии и его исполнительный орган Корпус жандармов использовались государственной властью в качестве инструмента надзора за чиновничьим аппаратом, а также для выявления случаев злоупотреблений и коррупции с его стороны¹. Фактически с момента создания жандармского ведомства его сотрудники стали для государственной власти основными поставщиками информации о состоянии местного чиновничества, умонастроений различных сословий². Современным отечественным исследователем

¹ Романов В.В. Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов – функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2012. № 2. С. 17–23; Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 132–143; Абакумов О.Ю. Жандармы в борьбе со взяточниками // *Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество*. Саратов, 2015. С. 174–179; Бибииков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 3. № 2. С. 79–108.

² Бикташева А.Н. Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. № 4. С. 114.

Г.Н. Бибиковым установлен характер жандармского надзора за региональной исполнительной властью, выявлены механизмы влияния жандармов на кадровую политику системы власти на местах³. Вместе с тем необходимо отметить, что в историографии крайне мало исследований, посвященных изучению истории взаимоотношения жандармов с местной властью на отдаленных и национальных окраинах. Это относится и к Сибири. Как правило, отечественные исследователи обращали внимание на деятельность жандармских офицеров в Сибири в первой половине XIX в. в связи с изучением истории становления и трансформации системы управления сибирского региона⁴. Новосибирский исследователь Н.П. Матханова, изучая положение высшей администрации Восточной Сибири, относит жандармов к группе, состоявшей из должностных лиц, формально не входивших в официальные структуры местных администраций, но оказывавших большое влияние на власть в силу своего официального и неофициального положения⁵. Омский исследователь А.В. Ремнев рассматривал взаимоотношение жандармского ведомства с сибирской администрацией в 20-е – 40-е гг. XIX в. в рамках регионально-управленческого подхода к изучению имперской политики на окраинах Российской империи и сделал, на наш взгляд, ряд важных выводов о причинах и обстоятельствах появления жандармского надзора в Сибири, о характере взаимоотношения жандармов с представителями местной власти⁶.

Цель исследования – установить особенности взглядов жандармских офицеров на сибирскую региональную власть в дореформенную эпоху, выявив общее и особенное в характеристике чиновничества Сибири по сравнению с другими регионами империи.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные и архивные (главным образом делопроизводственные) источники из фонда III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 109) Государственного архива Российской Федерации, включая отчеты, рапорты, донесения жандармских штаб-офицеров.

Первые жандармские миссии в Сибири

Появление жандармов за Уралом связано с отправкой в Сибирь ссыльных декабристов. В 1829 г. для проверки размещения и деятельности сосланных декабристов в Сибирь была отправлена секретная жандармская миссия, которую возглавил начальник 2-го отделения 5-го жандармского округа полковник А.П. Маслов. Исполнение столь ответственного задания следовало осуществлять тайным образом, объясняя цель своей поездки любопытством, частными делами, необходимостью произвести смотр местных жандармских команд и пр. Только начальникам сибирских губерний Маслов мог раскрыть истинную цель своей поездки и от них же мог ожидать содействия⁷.

В ходе своей поездки Маслов посетил все сибирские губернии, отправив своему начальству сведения не только о положении отбывавших там наказание госу-

³ Бибиков Г.Н. 1) III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 12–23; 2) Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830–1840-е гг. // Российская история. 2021. № 2. С. 86–104; 3) Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023.

⁴ Дамешек Л.М. Избранное. Иркутск, 2018. Т. 3. С. 210.

⁵ Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 119–121.

⁶ Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск. 2015. С. 180–202.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 29. Л. 8–8 об.

дарственных преступниках, но и о состоянии дел в системе местного управления, что вовсе было не случайным. По мнению ряда исследователей, интерес к данному вопросу был вызван необходимостью проверки функционирования системы местного управления после проведенной в 1822 г. в Сибири по проекту М.М. Сперанского административной реформы, в ходе которой, огромный регион оказался разделенным на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское с административным центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске, – а для ограничения чиновничьего произвола при генерал-губернаторах создавались специальные советы⁸.

Вернувшись из поездки, которая длилась более полугода, Маслов представил шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу серию записок, где в подробном виде изложил увиденное им, в том числе привел информацию о чиновниках во всех сибирских губерниях, а также дал характеристику чиновничьему аппарату в целом. Маслов был невысокого мнения относительно функционирования созданных в ходе реформы Сперанского учреждений, а также входивших в их состав лиц⁹.

Руководство Корпуса жандармов высоко оценило проделанную Масловым работу и доставленные им сведения, часть из которых была разослана в различные министерства и должностным лицам, а сам Маслов вскоре после своего возвращения из Сибири получил повышение по службе – должность начальника 5-го жандармского округа. Получив важные сведения, жандармское начальство в 1831 г. снаряжает в Сибирь еще одну жандармскую миссию в составе полковника Ф.И. Кельчевского и капитана И.С. Алексева. Необходимость этой экспедиции была вызвана еще и тем, что в Сибирь к тому времени стали отправлять участников восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском¹⁰.

Жандармские офицеры предоставили своему начальству не только сведения о находившихся в Сибири государственных преступниках, но также, как и Маслов, отправили информацию о местном чиновничьем аппарате. Характеристика одних и тех же чиновников в донесениях жандармских сотрудников могла не совпадать. Так, к примеру, в одном из донесений полковник Маслов сообщал, что начальник Якутской области статский советник Н.И. Мягков «много сделал полезного для края, выслав многих неблагонадежных чиновников, запретил строго без билетов разъезжать русским промышленникам, священникам и казакам по улусам во время сбора ясака, в особенности строго обращено внимание к прекращению продажи частными людьми горячих напитков. От сих распоряжений в пользу жителей и к прекращению злоупотреблений возникли многие несправедливые жалобы на г. Мягкова, от которых он нашел вынужденным проситься в отставку». При этом Маслов приводил и другую сторону деятельности Мягкова, связанную со злоупотреблениями со стороны этого управленца –

употребляет по своим делам преданного себе чиновника Уваровского, который в богатом зверьях Якутском крае извлекает большие пользы для своего начальника¹¹.

В донесениях, написанных два года спустя после поездки Маслова, капитан Алексей не приводил информации о положительных поступках Мягкова, а сосредоточил внимание исключительно на злоупотреблениях со стороны этого чиновника

⁸ Дамешек Л.М., Кодан С.В., Шавров А.В. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 121–122.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 29. Л. 46–47.

¹⁰ Там же. Оп. 3а. Д. 1234. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 56 об. – 57.

ка. Алексеев свидетельствовал, что Мягков своими действиями стеснял «вообще все сословия», а особенно вместе со своими приближенными обирал якутов, за счет чего нажил себе огромное состояние. В качестве еще одного обвинения в неблагонамеренном поведении якутского начальника жандармский чин указывал на дружественные отношения последнего с отбывавшими наказание в этом крае декабристами Краснокутским, Чернышевым, Бестужевым, Андреевым и др.¹²

Различия оценок можно объяснить следующим образом. Полковник Маслов недолго пробыл в Якутской области и не имел возможности собрать подробные сведения о действиях ее начальника, в то время как пребывание в Якутии капитана Алексеева, если судить по его донесениям, было гораздо продолжительнее, что позволило на месте собрать более подробные сведения о злоупотреблениях Мягкова. Также излишнюю эмоциональность Алексеева можно объяснить его молодостью и меньшим опытом службы по сравнению с полковником Масловым, из чего напрашивается вывод, что ретивость Алексеева была вызвана скорее желанием отличиться в глазах начальства для получения поощрений и продвижения по службе. К тому же перед глазами Алексеева был пример Маслова, который по результатам своей поездки в Сибирь, как уже сообщалось, получил должность начальника жандармского округа.

Необходимо отметить, что жандармские офицеры не ограничивались приведением информации о неблаговидных поступках чиновников, но также предоставляли свое видение борьбы с этой ситуацией для направления деятельности чиновничества во благо сибирского региона и государства в целом. Так, Маслов указывал на карьерные устремления сибирских чиновников, которые прибывали туда из европейской части страны, и, прослужив в Сибири положенные по закону три года, дослужившись до высоких чинов и заработав большое состояние за счет повышенного жалованья, как правило, уезжали в европейскую часть страны, а им на смену прибывали новые партии чиновников. По мнению Маслова, это вело к нерадению со стороны чиновничества, к плохому исполнению служебных обязанностей, и для исправления этой ситуации он предлагал увеличить необходимый срок службы чиновников в Сибири¹³.

Жандармский капитан Алексеев в своих предложениях по улучшению деятельности чиновничьего аппарата пошел еще дальше. В одном из донесений шефу жандармов Бенкендорфу он делился выводами, что сибирские чиновники не боятся за совершенные ими должностные преступления понести наказание, так как надеются от него откупиться. По мнению Алексеева, сибирские чиновники испытывали страх только перед тем, что могут попасть под суд прежде, чем нагрябят значительное количество денег, а также перед отправкой в крепостные арестантские роты, откуда откупиться было невозможно. Поэтому жандармский чин предлагал коррумпированных сибирских чиновников подвергать именно этому наказанию¹⁴.

Учреждение постоянного жандармского надзора в Сибири

В начале 30-х гг. XIX в. возникла необходимость учреждения постоянного жандармского надзора в сибирском регионе. Присутствие чинов Корпуса жандармов позволяло решать определенное количество задач, в том числе вести более пристальное наблюдение за деятельностью местного чиновничьего аппарата, что сулило немалые выгоды для центральной власти. Летом 1833 г. был учрежден жан-

¹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 293. Л. 1–5, 11–14.

¹³ Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 76 об. – 77.

¹⁴ Там же. Оп. За. Д. 1317. Л. 1–2.

дармский округ, ставший седьмым по времени создания в жандармско-окружной системе и получивший этот же порядковый номер (с декабря 1837 г. округ будет именоваться 8-м по причине учреждения нового жандармского округа на Кавказе). В состав округа вошли исконно сибирские территории – Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Омская область, а также Оренбургская и Пермская губернии. Исполнять обязанности окружного начальника был назначен полковник Маслов¹⁵.

Активная деятельность на посту начальника жандармского округа позволила Маслову достаточно быстро разобраться в положении дел в сибирском регионе. В своем годовом отчете за 1835 г. о состоянии входивших в состав округа губерний он указывал, что по всей Сибири среди чиновников существуют две противоборствующие партии. В состав первой из них входят «природные сибиряки», в то время как вторая партия состоит из лиц, прибывших на службу в Сибирь из других мест России. Перевес в силе наблюдается за первой партией, что, по мнению жандармского окружного начальника, лишает сибирский край способных к службе людей, а прибывшие лица, видя недоброжелательное отношение в свой адрес со стороны сибирской партии, живут ожиданием окончания необходимого трехлетнего срока службы и спешат оставить Сибирь, не принеся своей деятельностью никакой пользы. При этом Маслов указывал, что среди прибывших на службу в Сибирь лиц есть те, кто остается в регионе,

оближаются с уроженцами Сибири, постигнув цель здешней службы, остаются, делают связи и находят свои выгоды; следственно, достойные удаляются, а остаются только те, которые видят собственно свою в том выгоду¹⁶.

Необходимо отметить, что у жандармских чинов отсутствовала возможность знакомства с чиновничьей документацией, которая могла бы свидетельствовать о каких-либо нарушениях, также жандармы не обладали исполнительной властью, дававшей право на следственные мероприятия. Сообщения жандармов о чиновниках базировались во многом на слухах, домыслах, предположениях. Жандармские сотрудники старались проверять достоверность подобных сведений, однако в своих донесениях они не указывали источники получения информации и начальству корпуса приходилось им верить на слово, что в случае недостоверности могло обернуться серьезными последствиями.

На одной только критике сибирского чиновничества жандармские офицеры не останавливались. Постоянное наблюдение за местным обществом позволило им предлагать меры, которые, по их мнению, могли способствовать улучшению системы регионального управления и искоренению отрицательных явлений в служебной деятельности чиновничества. Так, полковник Маслов в отчете за 1835 г. для разрушения родственных связей между чиновниками и представителями местного общества предлагал перемещать некоторых чиновников на службу в европейскую часть страны, что, по его мнению, будет нетрудно выполнить, так как эти чиновники не имеют недвижимого имущества, а только приобретенные на службе капиталы. Со слов Маслова, такое перемещение будет способствовать прекращению чиновничьих интриг, которым не место на службе¹⁷.

Второй по времени начальник жандармского округа в Сибири генерал-майор Н.Я. Фалькенберг в одной из своих записок (январь 1843 г.) предлагал следующие

¹⁵ Приказ по Корпусу жандармов № 62 от 16 июля 1833 г. СПб., 1833.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 17. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 6–7.

меры повышения качества службы сибирского чиновничества: желающего поступить на службу в Сибирь следовало подвергать экзамену общего присутствия по последнему месту службы, которое,

удостоверившись в его способностях, выдает ему в том аттестат, означая на какую именно должность он быть может определен»; отправляющимся на службу в Сибирь чиновникам в обер-офицерских званиях предоставлять годовое жалование, двойные прогоны и следующий по службе чин с тем, чтобы приехавшие прослужили в Сибири не менее 5 лет, а те лица, которые дослужатся до чина коллежского асессора (8-й чин в Табели о рангах, дающий на тот момент право на потомственное дворянство), обязать служить в Сибири не менее 8 лет; за 30-летнюю службу в Сибири, как приехавшим сюда, так и местным уроженцам, выдавать в пенсион получаемое ими на службе все их содержание. По мнению жандармского генерала, без этих нововведений, без предоставления чиновникам особенных преимуществ за сибирскую службу, а также если не остановить притеснения со стороны начальства служащим – сибирским уроженцам «решительно все порядочные чиновники оставят Сибирь»¹⁸.

Непростые отношения сложились у первых жандармских офицеров в Сибири с представителями высшей исполнительной власти в регионе – губернаторами и генерал-губернаторами. В своих донесениях жандармы часто критиковали местных губернаторов за нерадение к служебным обязанностям, за несоответствие занимаемой должности, за распространение фаворитизма, который, по их мнению, пагубно отражается на всей системе управления. Н.Я. Фалькенберг в своем отчете за 1843 г. делил высших чиновников сибирского региона на три категории. Первые из них, по мнению жандармского генерала, не вникают в настоящее положение вверенного их управлению края, они думают только о том, как бы скорее уехать на свою родину; вторая группа озабочена только улучшением любыми способами своего материального положения и третья группа лиц использует получаемое значительное содержание от казны с целью поправить им расстроенное имение, оплатить долги¹⁹.

В донесениях из Сибири жандармские офицеры неоднократно акцентировали внимание на наличии лиц, которые, по их мнению, занимая при местных высших должностных лицах положение фаворитов, крайне дурно влияли на других чиновников и в целом на всю систему управления. Одной из таких фигур являлся чиновник особых поручений при западносибирском генерал-губернаторе Н.Ф. Кованько. Ревизовавший сибирские губернии жандармский полковник Кельчевский в феврале 1833 г. сообщал шефу жандармов Бенкендорфу, что Кованько, чиновник обыкновенного ума и способностей, пользуется полным доверием генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова, используя свое положение в корыстных целях, наживая нечестным образом богатство, и именно от Кованько зависит назначение или перемещение практически любого чиновника в крае²⁰. В донесениях первого начальника Сибирского жандармского округа полковника Маслова фигуре Кованько, его проступкам и влиянию уделено большое внимание. В конце концов Маслову удалось настоять на необходимости удаления этого чиновника с занимаемой должности, после чего последний отправился в столицу. Следствием такой позиции Маслова стало резкое ухудшение отношений с генерал-губернатором Вельяминовым, который считал Кованько своим самым верным помощником, а все обвинения в его адрес списывал на зависть недоброжелателей.

В Восточной Сибири, как следует из жандармских донесений, также был свой любимчик у местного генерал-губернатора В.Я. Руперта – К.Я. Дараган, прибывший на службу в Сибирь в 1837 г. За достаточно короткий срок он быстро

¹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 18. Д. 44. Л. 16–19.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Оп. 8. Д. 24. Л. 1–1 об.

освоился на новом месте и вскоре стал доверенным лицом Руперта вплоть до его отставки в 1847 г. Жандармские чины, в первую очередь начальник жандармского округа генерал-майор Фалькенберг, неоднократно указывали на многочисленные источники нечестного обогащения Дарагана, а его самого жандармский генерал называл «отъявленным по всеобщей молве взяточником»²¹. Однако, как и в случае с Кованько, начальник Дарагана генерал-губернатор Руперт решительным образом отметал все обвинения в адрес своего подчиненного, утверждая, что он блестяще выполняет все поставленные перед ним задачи²².

Жандармские чины в качестве негативного фактора, влиявшего на взаимоотношения среди сибирского чиновничества, выделяли фактическое полновластие местных губернаторов и генерал-губернаторов, которые исключительно по своему усмотрению перемещали и удаляли своих подчиненных, тем самым, по словам генерал-майора Фалькенберга, поступали с ними как с рабами, заставляя покинуть службу в Сибири. Этот же жандармский чин делал заключение, что для улучшения системы управления сибирского региона необходимы

честные и благонадежные чиновники, которые, отправляясь в него на службу, были бы обеспечены в своей жизни, посвященной трудами, неудобствам, отдаленности, климату и прочим невыгодам, хорошим содержанием и с тем вместе ограждены от своеволий начальников. <...> если цель в изложенном будет достигнута, тогда Сибирь в несколько раз против теперешнего будет доставлять государству выгоды²³.

Вместе с тем жандармские сотрудники приводили примеры положительной, с их точки зрения, деятельности отдельных сибирских чиновников. Так, полковник Маслов в отчете за 1835 г. называл исполнявшего обязанности начальника Омской области полковника И.Д. Талызина достойным штаб-офицером, который смог за короткий срок прекратить все существовавшие между местными чиновниками интриги и «внушить им должное понимание» своих служебных обязанностей²⁴. В том же отчете Маслов фактически воспевал заслуги еще одного чиновника – бывшего начальника Енисейской губернии действительного статского советника И.Г. Ковалева:

Заботливость его и благосостояние жителей навсегда останется в памяти; все сословия вообще сожалеют о своем добром начальнике, и ни в одной из сибирских губерний служащие чиновники столько не отличаются похвальным усердием к службе, как в Енисейской²⁵.

Полугодовые донесения жандармов

Одним из источников, позволяющим исследовать мнение жандармских сотрудников о региональном чиновничестве, являются специальные донесения, отправлявшиеся начальству Корпуса жандармов раз в полгода, так называемые полугодовые донесения²⁶. Согласно секретному циркуляру шефа жандармов от 8 февраля 1832 г. губернским жандармским штаб-офицерам предписывалось для получения беспристрастных сведений о деятельности местных чиновников, помещиков и пред-

²¹ *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 81, 82.

²² Там же. Оп. 16. Д. 98. Л. 33–37.

²³ Там же. Оп. 13. Д. 249л. Д. Л. 111 об., 127 об.

²⁴ Там же. Оп. 11. Д. 17. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 10–11.

²⁶ Подробнее см.: *Бибиков Г.Н.* Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // *Новое прошлое*. 2021. № 1. С. 34–57.

ставителей разных сословий обратить на них бдительное внимание, особенно выявить степень их влияния на «окружающих и даже на чиновников высшего звания».

За первые годы существования жандармского округа в Сибири сохранилось небольшое количество полугодовых отчетов жандармских штаб-офицеров. Находившейся в Тобольской губернии жандармский подполковник И.Л. Черкасов в донесении за вторую половину 1835 г. сообщал, что состояние Тобольской губернии со времени представления предыдущего донесения несколько не улучшилось. Далее жандармский чин довольно витиевато высказывал свое мнение о состоянии местной власти:

Высшая степень власти в Западной Сибири несравненно менее ограниченная, нежели в российских губерниях, в руках слабых, потеряв приличную самостоятельность и силу, направляется людьми, овладевшими слепой и незаслуженной доверенностью своего начальника к целям, не удовлетворяющим предназначению Правительства, которое уполномочило его по отдаленности края с другим истинно-полезным намерением, определив границу правам каждого лица, составляющего общую администрацию, чтобы дать надежный перевес законной власти и безусловное первенство, без которого он делается чем-то второстепенным, ограниченным и, наконец, запутываясь собственным бессилием, вовсе упадает на последнюю степень ослабления своих сил и прав. Потому-то определено ей по высокому соображению Правительства иметь самостоятельное значение, чтобы не разрушить своего могущества, поставленного на твердом основании самоуверенности, долговременном опыте и неукоризненной правоте для истинного бескорыстия и беспристрастия вполне возможных²⁷.

В конце донесения жандармский офицер давал негативную оценку действиям местного губернатора действительного статского советника И.Г. Ковалева, отмечая, что его распоряжения не выполняются подчиненными, которые не видят в нем для себя авторитета.

Первоначально не был установлен круг лиц, о которых губернским штаб-офицерам следовало собирать сведения. Только в ноябре 1856 г. вышло распоряжение шефа жандармов князя В.А. Долгорукова, где приводился перечень таких лиц: глава губернии, вице-губернатор, местный комендант, председатели губернских палат, губернский прокурор, полицмейстер, начальники местных воинских команд, почтмейстер, директора гимназий, штаб-офицеры путей сообщения, инспектор врачебной управы, губернский и уездный предводители дворянства, попечители училищ и совестные судьи. Помимо указанных лиц следовало сообщать сведения обо всех «замечательных лицах», оказывавших влияние на местное общество, «хотя бы лицо это была и женщина». Однако в первую очередь жандармское начальство интересовали начальники губерний, поэтому жандармским чинам предписывалось обязательно сообщать о действиях губернаторов, оказываемом ими влиянии на местное общество и «общем мнении» населения к ним²⁸.

Необходимо отметить, что к моменту появления вышеупомянутого распоряжения Долгорукова наметилась тенденция к формализации полугодовых донесений в виде использования одних и тех же фраз и формулировок при характеристике лиц, а также представления краткой информации о различных персоналиях. Так, например, тобольский жандармский штаб-офицер полковник К.Я. фон Колен в своем донесении за второе полугодие 1856 г. на пяти страницах в виде таблицы представил информацию о 32 лицах губернии, которые, по его мнению, заслуживали внимания правительства. Каждому он дал краткую характеристику, редко превышающую 10–15 слов, как, например, «глуп, нетрезвой жизни, сварливого характера и корыстолюбив» (советник Тобольской казенной палаты коллежский асессор

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 186. Л. 36–44.

²⁸ Там же. Оп. 7. Д. 494. Л. 28–29, 32.

М.Ф. Епанчинников) или же «посредственного ума и таких же понятий о своей обязанности, трудолюбив и не совсем честен» (начальник отделения Общего губернского управления коллежский секретарь В.А. Андронников). Вместе с тем встречались и положительные оценки чиновников: «Хорошего образования, строгой жизни, дело разумеет очень хорошо и честный человек» (товарищ председателя Тобольского губернского суда коллежский ассессор А.Н. Лещев). Сведения о самом главном человеке в губернии, гражданском губернаторе действительном статском советнике В.А. Арцимовиче уместились и вовсе в десяток слов: «Высокого образования, благонамерен, справедлив, трудолюбив и высшей степени честный человек». В следующем своем донесении фон Колен слово в слово повторил ранее данные характеристики Арцимовичу, Лещеву и Епанчинникову, а вместе с ними и многим другим лицам из предыдущего донесения²⁹.

Выводы

Жандармские офицеры смотрели на Сибирь и на местную администрацию как на неотъемлемую часть империи. В своих донесениях жандармы сообщали фактически обо всех чиновниках вне зависимости от их рангов и занимаемых должностей, о ком имелаась информация, по мнению жандармов, свидетельствующая об их служебной, нравственной неблагонадежности. Со временем своей деятельности в Сибири жандармские офицеры старались предоставлять сведения на чиновников, основанные не на слухах, а уже на проверенной самими жандармами информации.

В качестве особенностей функционирования чиновничьего аппарата в Сибири они выделяли следующие: недостаточность надзора за их деятельностью, что влекло к отсутствию у чиновников страха быть разоблаченным за совершение какого-либо проступка и понести соответствующее вине наказание; стремление успешной карьеры у чиновников зачастую уступало желанию быстрого обогащения за счет как высокого служебного жалования, так и проявлению коррупции с их стороны; отсюда следовало нерадение к своим прямым служебным обязанностям; обрастание чиновников родственными связями с представителями местного общества, что оборачивалось негативными последствиями для служебной деятельности; фаворитизм, определяющий, по мнению жандармов, во многом кадровую политику местного чиновничества; фактически ничем неограниченная власть представителей высшей администрации в регионе в лице генерал-губернаторов, вольных поступать по своему усмотрению с любым местным чиновником.

За несколько десятилетий функционирования постоянного жандармского надзора в Сибири можно проследить изменение во взглядах жандармов на сибирскую администрацию. Если поначалу жандармские донесения были наполнены большим количеством критической информации в адрес местных чиновников, которые сопровождалась предложениями о снятии их с должности либо перемещении, то со временем критики со стороны жандармов становилось все меньше. Эту тенденцию можно объяснить тем, что попытка со стороны жандармов влиять на кадровый вопрос сибирского чиновничества неизбежно втягивала их в чиновничьи интриги. Данная ситуация достаточно быстро привела к тому, что сотрудники жандармского ведомства, ранее занимавшие независимое положение от местной власти, постепенно были неформально интегрированы в среду местного чиновничества, и многие недостатки бюрократической системы стали присущи и им. Иначе говоря, жандармы перестали в своей деятельности во главу угла ставить задачи по выявлению

²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. 247 ч. Д. 48. Л. 1, 3, 14, 15.

и пресечению нарушений со стороны местного чиновничества. С 60-х гг. XIX в. их деятельность переключается на осуществление политического сыска в связи с подъемом освободительного движения по всей империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 17.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2024

References

- Abakumov, O.Yu. “Zhandarmy v bor’be so vzyatochnikami [Gendarmes against Bribe Takers].” In Cheplyayev, V.L., Fomin, O.N. ed. *Protivodeystvie korruptsii: gosudarstvennaia politika i grazhdanskoe obshchestvo* [Anti-Corruption: State Policy and Civil Society], 174–179. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniia imeni P.A. Stolypina, 2015 (in Russian).
- Bibikov, G.N. “III Otdelenie i nadzor za gubernskoi administratsiei: sluchai gubernatora I. D. Talyzina [Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery and the Control over Provincial Administration: The Case of Governor I. D. Talysin].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiya*, no. 50 (2017): 12–23 (in Russian).
- Bibikov, G.N. “Gendarmerie staff officer and provincial administration: K.Ya. Flige in the 1830s – 1840s.” *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2021): 86–104 (in Russian).
- Bibikov, G.N. “Semi-annual reports of provincial gendarmerie staff officers as a source on the history of local government of the Russian Empire in the 1830s.” *Novoe proshloe*, no. 1 (2021): 34–57 (in Russian).
- Bibikov, G.N. “The Third Section’s Oversight of the Private Life of Provincial Officials (1820–1830s).” *Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics* 3, no. 2 (2019): 79–108 (in Russian).
- Bibikov, G.N. “Zhandarmskii nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniia Rossiiskoi imperii (1826–1856 gg.) [Gendarmerie supervision in the system of public administration of the Russian Empire (1826–1856)].” Moscow: Kvadruga Publ., 2023 (in Russian).
- Biktasheva, A.N. “Gendarmes and modernization of local rule in Russia (research experience and prospects).” *Quaestio Rossica*, no. 2 (2015): 132–143 (in Russian).
- Biktasheva, A.N. “Kadrovyy kontrol’ politicheskoi politicii nad regional’nym chinovnichestvom: praktiki Kazanskoi gubernii 1826–1861 gg. [Secret Police Control over Regional Bureaucracy: The Practices of Kazan Province, 1826–1861].” *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 14, no. 4 (2014): 110–114 (in Russian).
- Dameshek, L.M. *Sibirskaiia okraina Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Siberian outskirts of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Vol. 3 of *Izbrannoe* [Selected works]. Irkutsk: Impression Publ., 2018 (in Russian).
- Dameshek, L.M., S.V. Kodan, and A.V. Shavrov. “Materialy zhandarmskih revizii 1828 – 1832 gg. kak istochnik izucheniia deiatel’nosti sibirskogo apparata upravleniia [Materials of the gendarmerie revisions of 1828–1832s as a source for studying the activities of the Siberian administrative apparatus].” In Pokrovskij, N.N. ed. *Istochniki po istorii obshhestvennoi mysli i kultury epokhi pozdnego feodalizma* [Sources on the history of social thought and culture of the era of late feudalism], 118–126. Novosibirsk: Science, Siberian Branch Publ., 1988 (in Russian).
- Matanova, N.P. *General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav’ev-Amurskii, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998 (in Russian).
- Matanova, N.P. *Vysshaia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.: problemy sotsial’noi stratifikatsii* [The Supreme Administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: problems of social stratification]. Novosibirsk: Siberskii khronograf Publ., 2002 (in Russian).
- Remnev, A.V. *Sibir’ v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov* [Siberia in the Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Omsk State University Publ., 2015 (in Russian).

Romanov, V.V. “Nadzor za sostoianiem i deiatel'nost'iu instituta gubernatorov – funktsiia politicheskoi politsii Rossiiskoi imperii v 1826–1860 gg. [Supervision of the state and activity of the Institute of Governors – the function of the political police of the Russian Empire in 1826–1860s].” *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'*, no. 2 (2012): 17–23 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Петр Петрович Румянцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634050, Россия, Томск, пр-т Ленина, 36; petroom@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0061-0381>; SPIN-код: 4297-5927

Petr Petrovich Rumyantsev, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department, National Research Tomsk State University; 36, Prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia; petroom@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0061-0381>; SPIN-code: 4297-5927

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190>
EDN: TOCGGQ

Научная статья / Research article

Сербия в экономической стратегии Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Ярослав Валерианович Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД, Москва, России

✉ vishnyakov@yandex.ru

Аннотация: Определяется роль экономического фактора как составной части широкого российско-австрийского соперничества на Балканах, а также его роли в реализации глобальной политической стратегии петербургских правящих кругов. Источниковая база основана на материалах Архива внешней политики Российской империи. В статье анализируются планы Российской империи по экономическому проникновению на рынки Сербии в конце XIX – начале XX в. как часть глобальной политической стратегии петербургских правящих кругов по укреплению своего влияния в регионе. Особое место в статье уделено деятельности русского дунайского пароходства, поскольку его развитие конце XIX – начале XX в. позволяло Российской империи закрепиться на нефтяных рынках не только балканских стран, но и Австро-Венгрии и Германии. Его стратегическая роль существенно возросла после переворота 1903 года, когда в Сербию стал проникать крупный русский капитал, связанный с заинтересованностью Белграда в военных поставках из Российской империи. Автор приходит к выводу, что российская дипломатия не всегда правильно использовала свои возможности для укрепления своего влияния в стране. Товарам из Российской империи так и не удалось получить абсолютного преобладания на сербском рынке. Однако получение монополии на продажу в Сербии керосина, несмотря на общую убыточность деятельности русского дунайского пароходства, обеспечила Петербургу важное стратегическое присутствие в балканском регионе, явившись серьезным аргументом в политическом противостоянии с Австро-Венгерской империей, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: российско-сербские отношения, Черноморско-Дунайское пароходство, Милан Обренович, М.А. Поджио, Н. Пашич, внешняя торговля Российской империи

Для цитирования: Вишняков Я.В. Сербия в экономической стратегии Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 179–190. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190>

Serbia in the Economic Strategy of the Russian Empire in Late XIX – Early XX Century

Yaroslav V. Vishnyakov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

✉ vishnyakov@yandex.ru

Abstract: The author identifies the role of the economic factor as an integral part of the broad Russian-Austrian rivalry in the Balkans, as well as its role in the implementation of the global political strategy of St. Petersburg ruling circles. The source base is the materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The article analyzes the plans of the Russian Empire for economic penetration into the Serbian markets in the late XIX – early XX century, as part of the global political strategy of St. Petersburg ruling circles to strengthen their influence in the region. Particular attention is paid to

© Вишняков Я.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the activities of the Russian Danube Shipping Company, since its development at the end of the XIX – beginning of the XX century allowed the Russian Empire to gain a foothold in the oil markets not only of the Balkan countries, but also of Austria-Hungary and Germany. Its strategic role increased significantly after the coup of 1903, when big Russian capital began to penetrate into Serbia; it was connected with Belgrade's interest in military supplies from the Russian Empire. The author comes to the conclusions that Russian diplomacy did not always correctly use its capabilities to strengthen its influence in the country. The Russian Empire products failed to gain absolute dominance on the Serbian market. However, obtaining a monopoly on the sale of kerosene in Serbia, despite the general unprofitability of the Russian Danube Shipping Company, provided St. Petersburg with important strategic presence in the Balkan region, being a serious argument in the political confrontation with the Austro-Hungarian Empire, which was especially evident during the First World War.

Keywords: Russian-Serbian relations, Black Sea-Danube Shipping Company, Milan Obrenovic, M.A. Poggio, N. Pasic, foreign trade of the Russian Empire

For citation: Vishnyakov, Y.V. “Serbia in the Economic Strategy of the Russian Empire in Late XIX – Early XX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 179–190. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190>

Введение

Актуальность. В контексте современных геополитических реалий изучение истории русско-сербских экономических отношений приобретает особый смысл, поскольку сама Сербия осталась фактически единственной европейской страной, которая не присоединилась к беспрецедентным антироссийским санкциям.

Степень проработанности проблемы. Изучение русско-сербских отношений как составной части широкого соперничества великих держав за политическое влияние на Балканах, анализ стратегических интересов Российской империи в регионе, а также общих причин превращения Балкан в «пороховой погреб Европы» является предметом серьезного изучения как российских, так и зарубежных исследователей¹. Однако исследование роли экономического фактора и его роль в реализации глобальной политической стратегии правящих кругов Петербурга в этом регионе еще не получило должного освещения в российской историографии, что открывает исследователям новый пласт русско-сербских отношений начала XX в., еще требующий детального изучения².

Цель исследования – определить роль экономического фактора в истории русско-сербских отношений конца XIX – начала XX в., ставшего одним из важных противовесов австрийской политике в борьбе за влияние не только в Сербии, но и во всем балканском регионе.

Источниковая база исследования состоит из материалов, хранящихся в «Славянский стол» (Ф. 146) Архива внешней политики Российской империи. В основу статьи положены как донесения российских дипломатических представителей в Белграде, так и документы, касающиеся деятельности Черноморско-дунайского пароходства.

¹ В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003; *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2016; *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996; *Писарев Ю.А.* 1) Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; 2) Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Шемакин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988; *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 2004; *Jelavich Barbara.* 1) A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia, 1964; 2) The Habsburgs empire in European affairs, 1814–1918. Chicago, 1969.

² *Галкина Ю.М.* Русское Дунайское пароходство как инструмент внешней политики Российской империи в 1903–1913 гг. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сербия Балканика.* Т. 3. № 9. Екатеринбург, 2016. С. 84–93.

Дунайское судоходство и экономическая стратегия Российской империи

Обращать серьезное внимание на развитие дунайского судоходства российские правящие круги стали в связи с увеличением фирмой «Бр. Нобель» нефтедобычи в бакинском регионе, что повлекло за собой увеличение экспорта нефтепродуктов (особенно керосина) через черноморский порт Батуми. Таким образом планы по развитию русско-сербских экономических отношений, помимо политических соображений, были тесно увязаны с общими вопросами экономической стратегии Российской империи, поскольку развитие грузового сообщения между Батуми, Одессой, Измаилом и далее вверх по Дунаю позволяло закрепиться на нефтяных рынках не только балканских стран, но и куда более значимых для ее экономики Двуетидной монархии и Германии.

В 1881 г. вступило в силу «Положение о срочном товаро-пассажирском паромном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени», а князь Ю.Е. Гагарин-Стурдза (1846–1905) принял на себя обязательство совершать эти рейсы посредством одного принадлежавшего ему парохода «Ольга». Российское правительство, придавая этому делу государственное значение, признало целесообразным назначить паромному сообществу субсидию в размере 58 270 рублей в год. Преобразованное в 1886 г. в Акционерное общество черноморско-дунайского паромства, это предприятие просуществовало вплоть до 1 сентября 1903 г., когда его акции были выкуплены казной. В июне 1887 г. в сербских водах Дуная впервые показался пароход «Сокол», а в планы паромства входило «продолжить рейсы своих пароходов, ходящих ныне до Видина, до Кладово и по пути заходить в Радуевац». «Восторженная встреча, оказанная в Радуевце нашему пароходу, наглядно свидетельствует, насколько сербам желательно установление прочных торговых сношений с Россией»³, – отмечал в специально составленном в 1884 г. для российского МИДа отчете о ввозной и вывозной торговле Сербии 1-й секретарь российской миссии в Белграде М.А. Поджио. Однако новообразованному русскому паромству было сложно выдержать конкуренцию с австрийскими компаниями, имевшими значительно большее число пароходов и достаточно развитую инфраструктуру. М.А. Поджио продолжал:

Почти все пароходы по Дунаю и Саве сосредотачиваются в руках австрийских компаний. С открытием в конце 1884 г. железнодорожного сообщения между Пештом и Белградом, иностранные негабаритные товары, будут доставляемы в Сербию с большей быстротой, так как с того времени устранится излишняя перегрузка на суда, плавающие по Дунаю⁴.

Помимо этого фактора, установлению регулярного паромного сообщения между Одессой и Белградом через нижнее течение Дуная мешали пороги у Оршовы и так называемые Железные ворота, позволявшие проводить через них глубоководные суда лишь во время половодья – весной и осенью.

Русско-сербские экономические отношения как инструмент балканской политики Петербурга

К началу 80-х гг. XIX в. товарооборот Сербии и России фактически отсутствовал. М.А. Поджио отмечал:

Россия никак не принимает участия в торговле с Сербией. Положим, что от времени до времени в Сербии появляются из южных губерний России татары, торгующие мехами и мелкие торговцы, преимущественно из крестьян Тульской губернии, с успехом торгующие в Болгарии, Сербии и Боснии дешевыми образами и картинками, а также разными мелочами⁵.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же Л. 13.

Слова российского дипломата подтверждаются красноречивыми цифрами. Так, например, по данным на 1884 и 1885 г. экспорт товаров из Сербии в Россию отсутствовал вообще, а ввоз российских товаров в страну составлял более чем скромные суммы в 493 362 франка (далее – фр.) в 1884 г и 796 071 фр. в 1885 г.⁶ Из этих сумм большую часть составляли привозимые по Дунаю соленая рыба и икра, которые «выписывались из Одессы и Керчи и доставлялись в Радуевац, Доньи Милановац, в Смедерево и Белград»⁷. Между тем в том же 1884 г. из Австро-Венгрии в страну было ввезено продукции на 32 283 853 фр., а 1885 г. – на 29 949 377 фр. В свою очередь из Сербии в указанный период в двуединою монархию было вывезено сельскохозяйственной продукции, прежде всего животноводства, на суммы 32 858 431 фр. и 31 711 901 фр.⁸ Таким образом, в начале – середине 80-х г. XIX в. 87 % всех вывезенных из Сербии товаров было отправлено Австро-Венгрии либо через нее в другие страны. 14 % сербского экспорта приходилось на Османскую империю, а 2 % на Румынию. В свою очередь, к началу XX в., по наблюдениям секретаря российской миссии в Белграде Н.А. Обнорского, на Австро-Венгрию приходилось 61 % всей стоимости импорта и почти 2/3 привозимых в страну товаров⁹.

При этом собственная переработка сырья в Сербии практически отсутствовала, что еще более ставило сербский экспорт в практически полную зависимость от интересов соседней империи. М.А. Поджио писал:

В Австрии с рогатого скота взимается 4 флорина с головы, а с каждой свиньи по 1,5 флорина. Стада свиней сгоняются в Еденбург (Шопрон. – *Я.В.*) и Штейнбрюк (в Венгрии), где сосредотачивается главная торговля этими животными, доставляемыми туда не только из Сербии, но также из Болгарии и Румынии. Вообще эта торговля сопряжена с большим риском для сербского купца, так как он находится в зависимости от различных случайностей: так бывает, что Австрия совершенно неожиданно, без всякой видимой причины запрещает ввоз свиней в свои пределы или, что нередко случается, купец по доставлении своих свиней в Еденбург не находит покупателей и, истратившись на содержание своего стада, кончает тем, что уступает свой живой товар за бесценок, лишь бы от него отделаться¹⁰.

Таким образом Австро-Венгрия приобрела все возможности для полного контроля над всей сербской экономикой, что не только ставило страну в полную политическую зависимость от интересов Вены, но и затрудняло процесс ее модернизации¹¹. Под контролем Двуединой монархии находилась и финансовая сфера страны, несмотря на то что в 1884 г. в Сербии был открыт первый Народный банк с уставным капиталом 20 млн франков¹². Средством давления Вены на Белград стало запрещение ввоза на свою территорию сербской сельскохозяйственной продукции. Попытки же сербского правительства перенаправить экспорт свиней в Западную Европу через греческий порт Салоники не увенчались успехом, как из-за отсутствия подходящих вагонов, так и из-за предлагаемых Францией и Бельгией цен, которые не окупали тарифных ставок железнодорожной перевозки.

Развитию российско-сербских экономических отношений мешало отсутствие торгового договора. Тот же М.А. Поджио отмечал:

⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 18–19.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 18–19.

⁹ Там же. Д. 8912. Л. 17; *Поповић Н.* Трговина између Србије и Русије (19 век) // Руски добровољци у Србији. Тематски зборник радова. Београд, 2022. С. 131–167.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 5.

¹¹ *Боташева Б.З. Крючков И.В.* Торговые войны Австро-Венгрии и Сербии в конце XIX – начале XX века и проблема развития сербского экспорта // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 5. С. 83–88.

¹² *Gnjatović D.* Stari državni dugovi: prilog ekonomskoj i političkoj istoriji Srbije i Jugoslavije: 1862–1941. Београд, 1991.

Между Россией и Сербией не заключен специальный торговый трактат. В торговых сношениях с Сербией следует руководствоваться декларацией, заключенной императорским министром-резидентом в Сербии с сербским правительством 14 июня 1880 г. В этой декларации постановлено, что товары сербского происхождения или производства, которые будут ввозимы в Россию, а также товары русского происхождения или русского производства, которые будут ввозимы в Сербию, будут пользоваться относительно: ввозных и вывозных и транзитных пошлин, вторичного вывоза куртажа, складов, местных пошлин и таможенных формальностей – теми же правами, какими пользуются товары самой благоприятствуемой нации¹³.

Однако, несмотря на практически полную зависимость сербского потребительского рынка от австрийских интересов, европейские компании проявляли заинтересованность к перспективным рынкам молодых балканских стран, отправляя в Сербию своих коммерческих агентов для изучения потребностей населения и для собрания возможно более точных сведений о тех сербских торговых домах, «которые заслуживают полного доверия»¹⁴. Так, например, в начале XX в. в страну началось проникновение французского капитала, в том числе в животноводческую отрасль. Российские дипломаты с сожалением отмечали, что

наши торговцы очевидно пренебрегают сербским рынком, чему нельзя не пожалеть в виду деятельности, проявляемой иностранцами, помогающимися захватить в свои руки рынки балканского полуострова¹⁵.

Между тем организация российского судоходства на Дунае способствовала появлению в Сербии, хотя и незначительному, русских товаров. Среди сербского просвещенного общества в моду стал входить русский чай¹⁶, ввозимый как из России, так и из венского чайного магазина «Василий Перлов с сыновьями». В продаже также имелся чай московской фирмы «К. и С. Поповы». М.А. Поджио писал в этой связи:

Но кроме этого чая покупателям еще предлагается чай низшего качества по 8 и 12 фр. за фунт, с поддельной, если не ошибаюсь этикеткой московской фирмы «К. и С. Поповы. Насколько удалось узнать, чай последнего достоинства направляется в Сербию гамбургской фирмой «Братья Хирш». Сербские купцы охотно покупают этот чай, так как они пользуются значительной уступкой при покупке его¹⁷.

При этом российский дипломат подчеркивал, что ввоз русских товаров производится германскими, австрийскими и румынскими торговыми домами, вследствие чего в сербских таможенных отчетах русские товары нередко показываются как товары германского, австрийского и румынского происхождения. Так, например, самовары тульских фабрик доставляются в Сербию из Берлина, и поэтому в таможенных отчетах изделия этого рода вносятся в рубрику: «ввоз из Германии»¹⁸. В свою очередь, по данным на 1891 г. королевство вывозило в Россию продукции на более чем скромную сумму 1627 динар, в основном слив¹⁹.

¹³ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 21; Михайлова А.А. Роль иностранного и отечественного факторов в промышленной модернизации Сербии в XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 125–140.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Распространению чая в «кофейной» стране способствовала русская подданная, королева Наталья – жена короля Милана. Приглашение на чай стало частью светского этикета Белграда. В ее честь назван шоколадный торт, впервые приготовленный в семье известного сербского политика Еврема Груича.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 20–21.

¹⁹ Поповић Н. Трговина између Србије... С. 131–167.

Энергетический фактор российской политики

Вместе с тем деятельность товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» благодаря революционной для того времени наливной перевозке сырья привела к удешевлению керосина и превращению его в доступный продукт. К середине 80-х гг. XIX в. дорогой американский керосин был практически вытеснен с рынка страны. Если до 1884 г. его ввоз в Сербию из США превышал сумму 1 млн фр., то уже с 1885 г. на местном рынке получил монополию русский керосин. Если в 1884 г. из России было ввезено керосина всего на 30 тыс. фр., то в 1885 г. его экспорт увеличился до 557 390 фр., в то время как из Америки его поступило на сумму 288 358 фр., а из Австро-Венгрии – на 85 167 фр. Уже в 1887 г. в Сербию было ввезено 29 584 центнера керосина, из которых 22 259 центнера приходилось на Россию. М.А. Поджио отмечал:

Установление прямого сообщения по Дунаю без сомнения удешевит товар, усилив его потребление. Все 300 вагонов с нашим керосином доставлены были из Триеста. За весь год прибыли лишь 20 вагонов с американским осветительным маслом²⁰.

При этом русский дипломат замечал:

К сожалению, русский керосин дискредитируется крайней недобросовестностью местных торговцев, разбавляющих его водой и возбуждающих тем несправедливые нарекания на его недостатки²¹.

Таким образом, очевидная важность развития дунайского судоходства привела к расширению деятельности черноморско-дунайского пароходства. С 1888 г. помимо существующих линий Одесса – Измаил и Одесса – Систово были открыты регулярные рейсы еще по трем маршрутам – Систово – Кладово, который связал российские порты с портами Сербии и с конечным пунктом австрийских железных дорог у Оршовой, буксирный маршрут Рени – Систово, по которому осуществлялась перевозка русского керосина в придунайские страны, и Прутская линия – от Немцен до Рени, предназначенная для вывоза зерна из Бессарабии. Для этих целей в своем распоряжении общество имело 8 пароходов и 11 барж (из них 4 – наливные)²². Однако дело не заладилось. Общество терпело значительные убытки, а само оно, формально будучи частным, содержалось фактически на государственные деньги, получив в период с 1887–1902 гг. субсидий на 5 млн рублей. Причины такого плачевного финансового состояния Общества и невозможности составить достойную конкуренцию австрийским пароходным компаниям, имеющим в своем распоряжении значительное число удобных пароходов и барж, были разнообразны и в какой-то мере могут служить иллюстрацией общих системных противоречий модернизации Российской империи конца XIX – начала XX в. Отметим, что к началу XX в. общий уровень развития коммерческого флота России оставался довольно низким. Стране не хватало свободных средств, которые могли бы быть вложены в развитие судоходства. Не помогло и предпринятое ради поощрения отечественного судостроения повышение в 1881 г. пошлин на ввозимые из-за границы суда. К тому же сравнительно узкий рынок ограничивал спрос на строившиеся в России пароходы, что приводило к их удорожанию²³.

²⁰ АВП РИ. Ф.146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 59.

²¹ Там же.

²² *Вишняков Я.В.* «Дело пахнет керосином». Дунайское пароходство и русская политика на Балканах в конце XIX – начале XX в. // *Российская история.* 2023. № 3. С. 143–155; *Галкина Ю.М.* Русское Дунайское пароходство... С. 84–93.

²³ *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006.

Необходимость расширения торговых связей с Сербией была напрямую увязана с происходившими в Белграде бурлениями политической жизни. «Новый курс» Милана Обреновича вызвал в стране глубокий системный кризис, который завел сербского правителя в окончательный тупик. В январе 1889 г. он был вынужден отречься от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра и вскоре покинул страну. Эти события создали у петербургских кругов иллюзию возможности восстановления своего политического влияния в стране. Частью этих планов стало расширение экономического сотрудничества, тем более, что в 1891 г. было основано сербское пароходное общество, которое к началу 1902 г. имело в своем составе 42 баржи и 8 пароходов²⁴ (а его лучший пароход носил имя «Николай II»).

Помимо керосина достойную конкуренцию австрийским товарам на сербском рынке могла составить продукция российской текстильной промышленности, производители которой были остро заинтересованы в перспективных рынках сбыта. Министр финансов И.А. Вышнеградский писал главе МИД Н.К. Гирсу в январе 1892 г., что торговое соглашение с Сербией могло бы «содействовать сбыту русских произведений на рынки королевства», особенно текстильных изделий «более простой и грубой обработки, которыми наша промышленность могла бы с успехом снабжать рынки названного государства, в особенности в виду удобства их доставки через посредство русского пароходства по Дунаю». Далее министр финансов резюмировал:

Независимо от сих торговых соображений, нельзя не признать, что заключение трактата с Сербией имело бы немаловажное политическое значение²⁵.

С этой целью в мае 1892 г. в Белград прибыл спецпредставитель В.И. Тимирязев, способствовавший не только приезду в страну представителей крупных московских мануфактур (а именно поверенных товарищества Никольской мануфактуры и товарищества мануфактур Барановых Г.И. Былинкина и П.С. Зорина), но и считавшим

целесообразным устроить в Белграде небольшую выставку образцов наших мануфактурных произведений, а также и совещание в здешнем торговом обществе с сербскими купцами, которые изъявили полную готовность и желание вступить в торговые сношения с Россией²⁶.

В октябре 1893 г. договор о торговле и судоходстве, составленный на русском и сербском языках, был подписан. От России подписи под ним поставили посланник в Белграде А.И. Персиани и сам Тимирязев, а от Сербии – министр торговли Р. Милошевич и министр иностранных дел А. Николич. В дополнение к нему была подписана «Декларация относительно установления прямой связи между русским и сербским обществами пароходства по Дунаю», а в сербской столице появился агент дунайского пароходства²⁷.

В апреле 1893 г. Александр Обренович провозгласил себя совершеннолетним и взял власть в свои руки. В 1894 г. в Белград вернулся Милан Обренович, что означало для Петербурга крах надежд на восстановление своего влияния в стране. Таким образом, торговый договор, заключенный «без определения для него срока с представлением каждой из договаривающихся сторон заявить за 12 месяцев о же-

²⁴ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9031. Л. 55.

²⁵ Там же. Д. 8920. Л. 13–14.; Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Москва – Белград, 2012. Т. 3. С. 136.

²⁶ АВПРИ. Ф. Оп. 495. Д. 9018. Л. 113; Москва – Сербия, Белград – Россия... С. 139.

²⁷ Вишняков Я.В. Торговля как инструмент политики. Русско-сербский торговый договор 1893 года и его последствия // Славяноведение. 2023. № 5. С. 5–19.

лании прекратить действие договора», остался одним из немногих факторов сохранения российского политического влияния и разрушения австрофильской основы политики Обреновичей. В 1894 г. сроком на 5 лет был подписан и керосиновый контракт, в 1899 г. продленный еще на 10 лет. В 1901 г. между российским и сербским пароходными обществами было подписано прелиминарное соглашение о сотрудничестве, в апреле 1902 г. одобренное правительствами двух стран. Товарооборот между Россией и Сербией существенно вырос. Как в апреле 1902 г. доносил посланник в Белграде Н.В. Чарыков, валовый доход сербского пароходства за 1901 г. составил 1 031 786 франков,

благодаря покупке еще одного пассажирского парохода, общество получило возможность производить с начала нынешней навигации рейсы до Радуевца по два раза в неделю, соответственно таковы же нашего общества²⁸.

По его сведениям, на русских и сербских пароходах к окончанию навигации 1901 г. было перевезено: рыбы – 122 809 кг, минерального масла – 42 684 кг, чая – 560 кг, мануфактурных товаров – 407 кг, смазочных масел для ружей – 6321 кг, книг – 228 кг, «и сверх того, последним экстренным рейсом» – два вагона минерального масла и 14 ящиков чая. Вниз по Дунаю в Россию было отправлено 2800 кг сливы. На март 1902 г. заявлено вниз по Дунаю 50 тыс. кг сахарной патоки и крупные партии мясных продуктов²⁹. Таким образом, русско-сербский торговый договор в противовес Вене открывал Сербии двери на другие европейские рынки.

Русско-сербское военно-экономическое сотрудничество

29 мая 1903 г. в Белграде произошел свергнувший династию Обреновичей военный переворот, а пришедшая к власти в стране новая династия Карагеоргиевичей сделала, по словам историка А.Л. Шемякина, ставку на прочную привязку «маленького сербского плота к могучему русскому кораблю»³⁰. Эти события заставили российское правительство обратить более пристальное внимание на развитие дунайского судоходства, причем учитывалось лишь политическое значение сохранения русского присутствия на Дунае. В записке по учреждению казенного русско-дунайского пароходства говорилось:

Для достижения желаемых результатов Правительству необходимо приносить значительные материальные жертвы, так как по свидетельству компетентных ведомств и агентов министерства иностранных дел за границей, прибылей от операций русского пароходства на Дунае ожидать нельзя³¹.

Перемена сербского политического курса не могла не отразиться на отношениях с соседней империей. В 1904 г. Белградом был введен новый таможенный тариф, а в 1905 г. заключен невыгодный для Австро-Венгрии торговый договор с Болгарией и Черногорией, что, в свою очередь, усиливало перспективы их политической интеграции, весьма опасной для интересов Двуетидной монархии. Кроме того, сербское правительство отказалось заключать невыгодный контракт на поставку артиллерийских орудий с фирмой «Шкода». В ответ на эти действия Вена блокировала импорт на свою территорию продукции сербского животноводства. Между странами началась таможенная, или «свиная», война, что благоприятно отразилось

²⁸ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9029. Л. 145.

²⁹ Там же. Л. 140.

³⁰ Шемякин А.Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 156–157.

³¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8395. Л. 361.

на перспективах русского-сербского экономического, а вместе с тем и политического сотрудничества. В МИДе заявляли, что «Россия прилагает все усилия, чтобы облегчить эту зависимость». 2-й секретарь российской миссии Н.А. Обнорский доносил:

Картина экономической жизни Сербии в период разрыва в таможенных сношениях с Австро-Венгрией, указывает вместе с тем как на ущерб понесенный монархией в ее политике: принудить маленькое государство подчиниться требованиям несовместимым с достоинством страны, так и на то, какие именно из других государств, состоящих в договорных отношениях с королевством и в какой именно мере таковые успели воспользоваться помянутым выше обстоятельством и увеличить свой торговый оборот с Сербией за счет убыли, испытанной империей³².

Сербскому правительству удалось найти новые рынки для сбыта своей продукции, прежде всего в Италии и Египте. Кроме того, в 1906 г. Скупщина страны выделила 500 тыс. фр. на пособие сербским экспортерам для поощрения товарного вывоза. Это привело к тому, что вывоз сербского зерна увеличился с 17,8 млн фр. в 1905 г. до 22 млн фр. в 1906 г. и до 27,8 млн фр. в 1907 г. Н.А. Обнорский подчеркивал, что

скот отправляется для дальнейшей перевозки водным путем к Эгейскому моею, следуя через болгарскую территорию, причем правительством Болгарии оказывается в этом деле сербскому вывозу значительные содействия и облегчение³³.

Российский дипломат сделал вполне оптимистический вывод: «Сербы могут примириться даже с полной потерей австрийского рынка»³⁴. Но именно Российская империя имела монопольное право ввоза в Сербию керосина, которого только за 1906 г. было экспортировано на сумму 591 тыс. фр. Кроме того, в 1906 г. в страну из России было ввезено минеральных масел на 704 748 фр., пищевых продуктов – на 467 983 фр.

Помимо этого, в связи с обострением ситуации в регионе – событиями знаменитого аннексионного кризиса 1908–1909 гг. и начавшимися вскоре Балканскими войнами 1912–1913 гг. Белград был заинтересован в военных поставках из Российской империи. Суда дунайского пароходства доставляли в Сербию военные грузы, в том числе и транзитные, значение которых существенно выросло в период Балканских войн 1912–1913 гг. Так, например, в ноябре – декабре 1912 г. в Сербию из Великобритании через Дунай было доставлено 4 радиотелеграфных аппарата Маркони, а также купленных в Германии и Франции, причем под видом русской правительственной собственности, «четырёх вагонов автомобилей, фургонов и аэропланов»³⁵. В январе 1913 г. для нужд сербской артиллерии из России баржами дунайского пароходства было доставлено 2 тыс. лошадей и около 100 тыс. шинелей.

Еще одним важным сербско-русским проектом стало начало строительства в канун балканских войн железной дороги в юго-восточной Сербии, связавшей г. Ниш с дунайской пристанью Прахово. Ее инициатором и проектировщиком стал инженер и журналист И.П. Табурно³⁶. Причем строительство этой дороги можно рассматривать в контексте обсуждавшегося с 1909 г. европейского проекта строительства Дунайско-адриатической железнодорожной линии, что вызвало глубокие

³² АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8395. Л. 361; Там же. Д. 8912. Л. 24.

³³ Там же. Л. 25–27.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же; Там же. Д. 8935. Л. 11–22.

³⁶ Гусев Н.С. Сербь-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович // Столетие двух эмиграций. 1919–2019: сборник статей. М. – Белград, 2019. С. 27–46.

политические разногласия между Россией, Германией, Австро-Венгрией, Италией и Турцией, с одной стороны, Сербией и Черногорией, – с другой. Дорога вследствие глубоких разногласий так и не была построена.

Начавшаяся вскоре Первая мировая война показала важность русского экономического присутствия в Дунайском регионе. С целью снабжения союзной сербской армии оружием, боеприпасами и продовольствием была Особой дунайской экспедиции во главе с капитаном первого ранга М.М. Веселкиным, а доставляли эти грузы суда и баржи Дунайского пароходства³⁷. Эти поставки продолжались до осени 1915 г., когда Сербия, не выдержав натиска австро-германских войск и удара с тыла болгарской армии, потерпела военное поражение. После окончания Первой мировой войны фактический контроль над нижним течением Дуная достался третьей стороне. Румыния оккупировала российскую провинцию Бессарабия, что на долгие годы положило конец российскому дунайскому судоходству.

Выводы

В конце XIX – начале XX в. российская дипломатия не всегда правильно использовала свои возможности для укрепления своего влияния в стране. Товарам из Российской империи так и не удалось получить абсолютного преобладания на сербском рынке. Однако закрепившая русскую энергетическую монополию на сербском рынке победа в «керосиновой войне» обеспечила Петербургу важное стратегическое присутствие в балканском регионе, явившись серьезным аргументом в политическом противостоянии с Австро-Венгерской империей.

Исследование проблемы влияния экономического фактора на формирование внешнеполитической стратегии Петербурга в целях благоприятного для себя решения Восточного вопроса может стать предметом дальнейшего детального изучения как российских, так и зарубежных историков.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.04.2024

References

- Botasheva, B.Z. and Kryuchkov, I.V. “Torgovye voyny Avstro-Vengrii i Serbii v kontse XIX – nachale XX veka i problema razvitiia serbskogo eksporta [Trade wars between Austria-Hungary and Serbia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries and the problem of the development of Serbian exports].” *Bulletin of higher educational institutions. North Caucasus region*, no. 5 (2008): 83–88 (in Russian).
- Danchenko, S.I. *Razvitie serbskoi gosudarstvennosti i Rossiia. 1878–1903* [Development of Serbian statehood and Russia. 1878–1903]. Moscow: [N.s.], 1996 (in Russian).
- Galkina, Yu.M. “Russian Danube Steamship Company as a Tool of Foreign Policy of the Russian Empire in 1903–1913.” *Imagines mundi*, no. 9 (2016): 84–93 (in Russian).

³⁷ *Тюриков С.В.* Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в 1914–1915 гг. СПб., 2015; *Тимофеев А.Ю., Кремич Д.М.* Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг., М., 2014; *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны 1914–1917. М., 2018; *Вишняков Я.В.* Дунайский гамбит. Русско-сербское военно-экономическое сотрудничество накануне и в годы Первой мировой войны // *Славянский альманах*. 2018. № 3–4. С. 103–126; *Вишняков Я.* На таласима Дунава: руско-српска војноэкономика сарадња пре и у току првог светског рата // *Војно-историјски гласник*. 2019. № 2. С. 70–96; *Вишняков Я.В.* Дунайский транзит в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2020. № 3. С. 70–79.

- Gnjatović, D. *Stari državni dugovi: prilog ekonomskoj i političkoj istoriji Srbije i Jugoslavije: 1862–1941* [Old State Debts: A Contribution to the Economic and Political History of Serbia and Yugoslavia: 1862–1941]. Beograd: Ekonomski institut Publ., 1991 (in Serbian).
- Gusev, N.S. “Serby-emigranty v Rossii, zashchishchavshie interesy rodiny v gody Balkanskikh i Pervoi mirovoi voyn. Chetyre portreta: M.M. Bojovich, I.P. Taburno, D.I. Semiz, Ch.M. Ioksimovich [Serb emigrants in Russia who defended the interests of their homeland during the Balkan and First World Wars: four portraits: M.M. Bojovich, I.P. Taburno, D.I. Semiz, Ch.M. Ioksimovich].” In *Stoletie dvukh emigratsyi. 1919–2019* [Centenary of two emigrations. 1919–2019], 27–46. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Publ.; Belgrad: Informatika Publ., 2019 (in Russian).
- Jelavich, B. *A century of Russian foreign policy 1814–1914*. Philadelphia: Lippincott, 1964.
- Jelavich, B. *The Habsburgs empire in European affairs, 1814–1918*. Chicago: McNally, 1969.
- Kondratenko, R.V. *Morskaia politika Rossii 80-h godov XIX veka* [Maritime policy of Russia in the 80s of the XIX century]. St. Petersburg: LeKo Publ., 2006 (in Russian).
- Mikhaylova, A.A. “The Role of Foreign and National Factors in 19th Century Serbia’s Industrial Modernization.” *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 1 (2014): 125–140 (in Russian).
- Mitrović, A. *Srbija u prvom svetskom ratu* [Serbia in the First World War]. Belgrad: Stubovi kulture Publ., 2004 (in Serbian).
- Pisarev, Y.A. *Tainy Perovoi Mirovoi voiny. Rossiia i Serbiia v 1914–1915 gg.* [Secrets of the First World War. Russia and Serbia in 1914–1915]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Pisarev, Y.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Great powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Popović, N. “Trgovina između Srbije i Rusije (19 vek) [Trade between Serbia and Russia (XIX century)].” In *Ruski dobrovoljci u Srbiji. Tematski zbornik radova* [Russian volunteers in Serbia. Thematic collection of papers], 131–167. Belgrad: Ruski nauchni institut Publ., 2022 (in Serbian).
- Shemyakin, A.L. “Serbskaia natsionalnaia ideia v 1878–1903 gg. Vremia razocharovaniia i osmysleniia [Serbian national idea in 1878–1903 A time of disappointment and reflection].” In *Na putyakh k Jugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsionalnykh ideologii iugoslavijskikh narodov. Konets XVIII – nachalo XX vv.* [On the road to Yugoslavia: pros and cons. Essays on the history of national ideologies of the Yugoslav peoples. The end of the XVIII – beginning of the XX centuries], 156–157. Moscow: Indrik Publ., 1997 (in Russian).
- Shemyakin, A.L. *Ideologiya Nikoloy Pashicha. Formirovanie i evolyutsiya (1868–1891)* [The ideology of Nikola Pasic. Formation and evolution (1868–1891)]. Moscow: Indrik Publ., 1998 (in Russian).
- Tyurikov, S.V. *Ekspeditsiya osobogo naznacheniia na Dunae po okazaniiu pomoshchi Serbii v 1914–1915 gg.* [Special purpose expedition on the Danube to assist Serbia in 1914–1915]. St. Petersburg: Gallery Print Publ., 2015 (in Russian).
- Vinogradov, K.B. *Bosnijskii krizis 1908–1909 gg. Prolog Pervoi Mirovoi voiny* [Bosnian crisis 1908–1909. Prologue of the First World War]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1964 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V. “‘It smells of kerosene’. Danube shipping company and Russian policy in the Balkans at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries.” *Russiiskaia Istorii*, no. 3 (2023): 143–155 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V. “Danube Transit. Russian Military Smuggling during the First World War.” *Modern and Contemporary History*, no. 3 (2020): 70–79 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V. “Trade as a Policy Tool. Russian-Serbian Trade Agreement of 1893 and its Consequences.” *Slavic Studies*, no. 5 (2023): 5–19 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V., Timofeev, A.Yu., and Miloradovich, G. *Na dalnikh rubezhakh. Rossiia i Serbiia v gody Pervoi Mirovoi voiny 1914–1917* [On distant frontiers. Russia and Serbia during the First World War 1914–1917]. Moscow: MGIMO Publ., 2018 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V. “The Danubian gambit. Russian-Serbian military and economic cooperation before and during the First World War.” *Slavic Almanac*, no. 3–4 (2018): 103–126 (in Russian).
- Vishnyakov, Ya.V. *Voenny faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka* [Military factors and state development of Serbia at the beginning of the XX century]. Moscow: MGIMO Publ., 2016 (in Russian).

Vojvodih, M. *Srbija u međunarodnim odnosima krajem XIX i početkom XX veka* [Serbia in international relations at the end of the XIX and the beginning of the XX century]. Belgrad: Srpska akademija nauka i umetnosti Publ., 1988 (in Serbian).

Информация об авторе / Information about the author

Ярослав Валерианович Вишняков, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76; vishnyakov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2316-7116>; SPIN-код: 3698-0138

Yaroslav Valerianovich Vishnyakov, Dr. Habil. History, Professor of the Department of World and Russian History, MGIMO University; 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; vishnyakov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2316-7116>; SPIN-code: 3698-0138

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-191-202>
EDN: RHOOVR

Научная статья / Research article

Чехословацкая центральная экономическая комиссия в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока

Наталья Анатольевна Беляева ^a, Константин Елизарович Сигалов ^{b,c},
Петр Германович Александров ^d

^a Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

^b Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^c Всероссийский институт повышения квалификации МВД России, Домодедово, Россия

^d Государственный объединенный музей-заповедник истории Дальнего Востока
им. В.К. Арсеньева, Владивосток, Россия

 minava204@rambler.r

Аннотация: Рассматривается экономическая деятельность граждан Чехословацкой республики на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Главное внимание уделено Чехословацкой центральной экономической комиссии, созданной для решения экономических проблем значительного воинского контингента, сосредоточенного во Владивостоке в ожидании отправки в Европу. Деятельность комиссии до сих пор не нашла отражения в историографии, не введены в научный оборот документы, позволяющие достоверно представить структуру, кадровый состав, основную сферу деятельности, вклад в решение жизненно важных для находящихся на чужбине бывших военнопленных и членов их семей. Источниковая база представлена документами Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, прежде всего фондов правительственных учреждений, сосредоточенных во Владивостоке. Особое внимание обращено на договоры, заключенные Чехословацкой центральной экономической комиссией с Временным правительством Дальнего Востока – Приморской областной земской управой, Центральным всероссийским союзом потребительских обществ (Центросоюз). Показано, что статус Чехословацкой центральной экономической комиссии в годы Гражданской войны поменялся. Если изначально она действовала как правительственное учреждение, то в дальнейшем как частное коммерческое предприятие, деятельность которого завершилось уголовным преследованием.

Ключевые слова: Чешские легионы в Сибири, Приморская областная земская управа, Белый Восток России, К.Л. Лоренц, доктор Вацлав Гирса

Для цитирования: Беляева Н.А., Сигалов К.Е., Александров П.Г. Чехословацкая центральная экономическая комиссия в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 191–202. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-191-202>

Czechoslovak Central Economic Commission in the Documents of the Russian State Historical Archive of the Russian Far East

Natalya A. Belyaeva ^a , Konstantin E. Sigalov ^{b,c} , Petr G. Alexandrov ^d

^a Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

^b Moscow University of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

^c Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia

^d The Vladimir K. Arseniev Museum and Reserve of Far East History, Vladivostok, Russia

 minava204@rambler.ru

Abstract: The research is devoted to the reflection of the economic activity of citizens of the Czechoslovak Republic in the Russian Far East during the Civil War. The main focus is on the Czechoslovak Central Economic Commission created to solve the economic problems of the considerable military contingent concentrated in Vladivostok awaiting departure to Europe. The activities of the commission have not yet been reflected in historiography; there have not been introduced into scientific use the documents that allow reliably presenting the structure, personnel, main field of activity, and contribution to the solution to problems vital for former prisoners of war and members of their families who were in a foreign land. The research is based on documents of the Russian State Historical Archive of the Far East, primarily on the funds of government institutions located in Vladivostok. Particular attention is paid to the agreements concluded by the Czechoslovak Central Economic Commission with the Provisional Government of the Far East – the Primorsky Regional Zemstvo Administration, the Central All-Russian Union of Consumer Societies (Tsentrosoyuz). It is shown that the status of the Czechoslovak Central Economic Commission changed during the Civil War. If initially it acted as a government agency, then later as a private commercial enterprise, the activities of which ended in criminal prosecution.

Keywords: Czech Legions in Siberia, Primorsky Regional Zemstvo Government, White East of Russia, K.L. Lorenz, Dr. Vaclav Girsá

For citation: Belyaeva, N.A., Sigalov, K.E., and Alexandrov, P.G. “Czechoslovak Central Economic Commission in the Documents of the Russian State Historical Archive of the Russian Far East.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 191–202 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-191-202>

Введение

Актуальность. Серия юбилейных дат, начавшаяся для российских историков в год столетия Великой русской революции, ярко показала изменение отношения исследователей к этой странице не только российской, но и мировой истории. Одним из отягчающих противостояние «красных» и «белых» россиян в годы Гражданской войны стало присутствие, а подчас и активное вмешательство в события воинского контингента других государств. Наиболее остро это проявилось на территории, где огонь гражданской войны полыхал особенно долго – на Дальнем Востоке. Частью истории этого периода является и история Чехословацкого корпуса.

Степень изученности проблемы. В публичном и научном пространстве до сих пор остается незавершенной дискуссия, крайние точки которой были обозначены еще современниками¹. Кроме того, несмотря на многостороннюю проработанность истории пребывания чехословацкого войска в России², практически неизу-

¹ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж – Прага, 1928; Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). Берлин, 1930.

² Александров П.Г. «События происходят на территории русского города...»: подробности чехословацкого мятежа во Владивостоке // Клио. Журнал для ученых. 2018. № 1. С. 86–94; Гаврилов Д.В. Исследование роли Чехословацкого корпуса в развязывании гражданской войны 1918–1920 гг. в России. Факторный анализ // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 34–41; Копылов Н.А. Выступление Чехословацкого корпуса в 1918 г.: современный взгляд на проблему // Россия и совре-

ченной в отечественной историографии остается и деятельность «экономических агентов» Чехословацкой республики в период пребывания корпуса на Дальнем Востоке. Этим проблемам пока посвящены лишь отдельные публикации³.

Цель исследования – выяснить особенности функционирования Чехословацкой центральной экономической комиссии на заключительном этапе Гражданской войны, когда иностранные воинские формирования (за исключением японских) были выведены с Дальнего Востока.

Источниковая база. История пребывания чехословацкого войска в России имеет расширенную источниковую базу. Важную роль в этом играет продолжающийся процесс снятия грифа секретности с множества архивных документов. Результатом кропотливой работы историков и архивистов стало издание сборников документов по истории Гражданской войны, в том числе и на Востоке России, в которых отражено и участие Чехословацкого корпуса. В 2013 г. вышел в свет первый том сборника документов и материалов «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920», охватывающий события 1914–1917 гг.⁴ Второй том сборника увидел свет в 2018 г. и включает документы российских и чешских архивов, охватывающих пребывание чехословацкого войска в России в период иностранной интервенции (1918–1920 гг.). Представленные в нем 544 документа содержат сведения о разных сторонах жизни корпуса в России⁵. Не менее успешно вводятся в научный оборот документы региональных архивов, и прежде всего Самары и Казани⁶.

Настоящая статья подготовлена на основе документов, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Этот архив, ранее Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), был сформирован в годы Великой Отечественной войны из фондов эвакуированных архивных учреждений Дальнего Востока и располагался в г. Томск. В 1992 г. начался процесс возвращения архива во Владивосток, растянувшийся почти на полтора десятилетия. Его завершение означало, что архив географически приблизился к своему исследователю. Сегодня в РГИА ДВ исследователям доступны документы из фондов Временного правительства автономной Сибири, Российского правительства А.В. Колчака и его уполномоченного на Дальнем Востоке, Временного правительства – Приморской областной земской управы, Временного Приамурского правительства, а также более 100 фондов органов власти и управления Дальневосточной республики⁷. В 2013 г. (в год своего 70-летия) архив открыл все свои фонды для исследователей.

Изучая экономические аспекты иностранного присутствия на Дальнем Востоке в годы гражданской войны, авторы уделили особое внимание хранящимся в РГИА ДВ фондам правительственных учреждений с целью показать, как отражена

менный мир. 2019. № 3. С. 6–22; *Константинов С.И.* «За кровь, которая... льется на необозримом братоубийственном поле битвы в России, чехословаки несут наибольшую ответственность...». Чехословацкий корпус в гражданской войне в России // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 57–65.

³ *Дмитриев Н.И.* К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого востока России // История белой Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 155–158; *Захаров А.М.* «Теход»: хозяйственно-техническая деятельность Чехословацкого корпуса на территории России в 1918–1920 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. № 1. С. 266–270.

⁴ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: документы и материалы. М., 2013. Т. 1.

⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: документы и материалы. М., 2018. Т. 2.

⁶ *Демидова Е.И., Рыбков А.Г.* Чехословацкий военный корпус: документы и материалы // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 82–91.

⁷ *Троицкая Н.А.* Гражданская война на Дальнем Востоке России в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Новосибирск, 2019. С. 83.

в архивных документах деятельность Чехословацкой центральной экономической комиссии (далее – Комиссия), возникшей как представитель чехословацкого правительства на Дальнем Востоке. Большая часть документов была выявлена в фондах Приморской областной земской управы (Ф. Р-534), Владивостокской таможни (Ф. 25), а также Дальневосточного отделения Верховного суда РСФСР (Ф. Р-2562). Анализ записей в предваряющих архивные дела листах использования позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство выявленных документов пока не введено в научный оборот.

Возникновение и основные направления деятельности Чехословацкой центральной экономической комиссии

Чехословацкая центральная экономическая комиссия во Владивостоке (*Československá ústřední hospodářská komise*) была создана как «коммерческий исполнительный орган правительственных и общественных предприятий» Чехословакии, заведовавший финансовыми делами республики за ее пределами. В 1919 г. отделение Комиссии было организовано во Владивостоке – конечном пункте движения чехословацких легионеров на родину⁸. Здесь в задачи Комиссии входили аренда и оплата судов для перевозки войск, а также решение всех экономических вопросов, связанных с пребыванием чехословацкого войска в России. За период 1919–1920 гг. Комиссия выполнила поставленные перед ней задачи. При ее участии из Владивостока в Европу было направлено 36 судов, на которых эвакуировано 67 750 военнослужащих и членов их семей, а также людей, пожелавших стать гражданами Чехословацкой республики⁹.

Однако не менее важную роль в определении приоритетов деятельности Чехословацкой центральной экономической комиссии сыграла сложившаяся в первые годы после обретения Чехословакией национальной независимости тяжелая экономическая ситуация, характеризовавшаяся колоссальным упадком народного хозяйства. А потому важным направлением в деятельности Комиссии стала организация скупки и вывоза сырья из Сибири в Чехословакию, тем самым стабилизируя ее экономику. По данным исследователей, в конечном итоге из Владивостока в Чехословацкую республику было вывезено 4769 тонн хлопка, 286 тонн шерсти, 23 тонны верблюжьей шерсти, 8884 тонны чистой меди, 334 тонны каучука, 150 тонн коровьей кожи, 540 тонн льняного семени, 650 тонн лиственницы, 10 тонн перца¹⁰.

В период наибольшей активности общая численность сотрудников Комиссии превышала 300 чел.¹¹ Ее отделения действовали в Праге, Гамбурге, Братиславе, Ревеле, Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Дайрене, Кобе, Маниле, Сингапуре, Коломбо, Бомбее, Порт-Саиде, Батуме, Новороссийске¹². Центром ее экономической деятельности в Европе стал порт Триест.

Сотрудничество Чехословацкой центральной экономической комиссии и Приморской областной земской управы

Надзор за деятельностью Чехословацкой центральной экономической комиссии во Владивостоке находился в ведении политического уполномоченного Чехословацкой республики доктора В. Гирсы. Именно он осуществлял первые контакты

⁸ *Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920*. Praha, 1929. S. 776–777.

⁹ *Šteidler F. Návrat československých legií kolem světa do vlasti // Návrat československých legií kolem světa do vlasti*. Praha, 1921. S. 3.

¹⁰ *Мосякин А.Г. Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880–1922*. М., 2017. С. 559–560.

¹¹ *Cehovsky. K debate o Legionbance. Centrokomise // Československy dennik*. 1920. № 670.

¹² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 534. Оп. 1. Д. 586. Л. 19.

с Приморской областной земской управой и определял основные направления взаимовыгодного сотрудничества.

В фонде Р-534 сохранились проекты и тексты договоров, заключенных Комиссией с Временным правительством Дальнего Востока – Приморской областной земской управой, Центральным всероссийским союзом потребительских обществ (Центросоюзом) в лице его Дальневосточного отделения; дополнительные соглашения, конкретизировавшие отдельные направления сотрудничества; переписка о ходе выполнения договоров и соглашений; справки о движении средств, счета на оплату и др. Многие документы выполнены на фирменных бланках Комиссии, с угловым штампом на чешском, английском и русском языках. Значительная часть имеет автографы – собственноручные подписи руководящих работников и служащих Комиссии.

Выявленные документы дают основание для вывода об активной деятельности Чехословацкой центральной экономической комиссии во Владивостоке. Формы ее сотрудничества с Приморской областной земской управой, принявшей на себя после крушения режима Колчака в Приморье функции Временного правительства Дальнего Востока¹³, были обусловлены сложной экономической и политической ситуацией во Владивостоке. Первый договор о сотрудничестве можно рассматривать как следствие японского выступления во Владивостоке 4–5 апреля 1920 г.¹⁴ Непосредственно контактировавший с Чехословацкой центральной экономической комиссией член правления Центросоюза К.Л. Лоренц писал, что после «апрельских событий»

перед русским Дальним Востоком встала реальная опасность фактической аннексии края японскими военными силами и опасность захвата этими силами всех русских ценностей и превращения их в своего рода военный приз. Временное правительство Дальнего Востока вынуждено было принять ряд предупредительных мер по охране и спасению этих ценностей, чтобы сохранить их, если не для края, то хотя бы для Центральной России¹⁵.

Наиболее реальным вариантом такого спасения казалась запродажа грузов представителям «дружественных держав» с тем, чтобы после вывоза их в Европу, получить обратно, сохранив за советской Россией хотя бы какую-то их часть. Такой «дружественной державой» оказалась Чехословацкая республика. Договор с представлявшей ее экономические интересы Комиссией был подписан буквально на следующий день после выступления японцев, однако датирован он был «задним числом» – 27 марта 1920 г. Во избежание «возможных последствий в случае реакционного переворота», договор на следующий же день был «переписан на имя Центросоюза». Таким образом правительство Приморской земской управы передало свои полномочия Центросоюзу, действовавшему в его интересах. От имени Центросоюза договор подписали А.Г. Пригарин и В.Х. Вахмистров, со стороны Чехословацкой центральной экономической комиссии – И.В. Брож, Ф.П. Шип и В.И. Ондрушек. Подлинный текст договора с автографами сохранился в фонде Р-534 Приморской областной земской управы¹⁶.

Несмотря на сложности, а подчас и обстоятельства «непреодолимой силы», начало сотрудничества местных властей и Чехословацкой экономической комиссии

¹³ Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (февраль – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2006. № 1. С. 44–54.

¹⁴ Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооруженного конфликта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-2/15-26>

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 2. Д. 540. Л. 35.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 599. Л. 5–7.

можно признать успешным, хотя договор был выполнен лишь частично. Как следует из документов, Комиссия вывезла в Триест 420 тыс. пудов красной меди, из которых 250 тыс. пудов в соответствии с договором было возвращено российской стороне¹⁷. В архивном деле сохранилась переписка представителей Временного правительства Дальнего Востока В.И. Ландсберга и Центросоюза К.Л. Лоренца с руководителями русской торговой делегации в Лондоне, правлением Центросоюза, Приморской областной земской управой, по которым можно установить все обстоятельства выполнения договора, а также порядок и сроки окончательных расчетов.

Дальнейшее сотрудничество сторон осуществлялось в условиях, когда эвакуация Чехословацкого корпуса вступала в завершающую стадию. Как свидетельствуют архивные документы, теперь вопросы товарообмена в интересах молодого Чехословацкого государства выдвигались в деятельности Комиссии на первый план.

Среди документов фонда сохранилась датированная 20 июня 1920 г. копия письма полномочного министра правительства Чехословацкой республики доктора В. Гирсы председателю Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы А.С. Медведеву¹⁸. В письме Временное правительство информируется о данном Чехословацкой центральной экономической комиссии поручении развивать торговые отношения на основе прямого товарообмена. Комиссия немедленно приступила к реализации этой программы, однако несмотря на острую необходимость товары реализовывались плохо. В значительной части выявленных документов подтверждается факт доставки товаров и последующих расчетов. Однако установить подлинные объемы поставок и систему расчетов на основе выявленных документов сложно в силу особенностей делопроизводства. Большая часть документов, в том числе передаточные ведомости, платежные документы, переписка по поводу поставок и расчетов, не только рассредоточена по разным архивным делам, но и перемежается другими делопроизводственными документами в рамках одного архивного дела. Между тем именно комплект этих документов мог бы дать представление о номенклатуре товаров как поставляемых Комиссией для населения Дальнего Востока, так и предоставляемых Приморской областной земской управой для вывоза в Чехословакию.

Постоянно возникавшие недоразумения представляли серьезную проблему для чехословацкой стороны в связи, во-первых, с ростом расходов на хранение товаров, а во-вторых, с возможной утратой коммерческой выгоды для сезонных товаров – прежде всего сельскохозяйственной техники. Для их преодоления тем более важным было закрепления взаимных обязательств в двустороннем договоре. В. Гирса просил согласия Приморской областной земской управы на сотрудничество «с экономическим аппаратом нашей Республики» и предлагал создать комиссию для выработки деталей предстоящего договора. В его письме от 20 июня 1920 г. содержатся ключевые положения будущего товарообмена, суть которых сводится к следующему: Чехословацкая республика берет на себя обязательства по снабжению Временного правительства – Приморской областной земской управы всеми необходимыми ему «фабрикатами» «в пределах производительности нашей промышленности»; в ответ Временное правительство принимает на себя обязательство снабжать Чехословацкую республику имеющимся в его распоряжении «свободным от других потребностей» сырьем; Комиссия принимает на себя обязательство изготавливать «фабрикаты» по согласованным образцам; в интересах потребителя доставляемые Комиссией чехословацкие товары освобождаются от таможенной пошлины и иных налогов и сборов. «Техническую сторону», то есть организацию

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 599. Л. 37–38.

¹⁸ Там же. Л. 1–1 об.

товарообмена, предлагалось возложить на определенных лиц или организации, недоразумения между которыми подлежали

разбору представителей обеих сторон, специально для этого назначаемых, или же назначаемому по обоюдному соглашению третейскому суду, постановление которого является безапелляционным¹⁹.

В этом же архивном деле сохранился «Проект предварительного договора Дальневосточного временного правительства с правительством Чехословацкой республики»²⁰. Документ является черновиком, содержит множество исправлений, сделанных разными людьми. Однако сам текст говорит о том, что предложения В. Гирсы были приняты к исполнению, при этом договор был существенно расширен. В частности, предлагался свободный въезд и беспрепятственный проезд по территории договаривающихся сторон; предоставление права осмотра фабрик, заводов, рудников и иных пунктов производства и добычи, как частных, так и казенных, за исключением того случая, когда производство «является тайной государства»; признание в некоторых случаях за представляющими стороны агентами и комиссиями права экстерриториальности²¹.

Договор между Приморской областной земской управой и Чехословацкой центральной экономической комиссией был подписан 30 июля 1920 г. С российской стороны его подписал председатель правительства А.С. Медведев, с чехословацкой – члены Центрокомиссии Ф.Л. Чеговский и Ф.И. Цитер²². Договор носил ограниченный характер и касался лишь условий снабжения чешскими товарами населения Дальнего Востока. Ст. 12 договора объявляла его обязательным для всех представителей Комиссии, «действующих и могущих действовать в будущем на Дальнем Востоке». Ст. 13 гласила:

Настоящий договор не предрешает вопроса о заключении Чехословацкой республикой с Правительством Дальнего Востока торгового договора или договора о товарообмене в государственном масштабе²³.

Чехословацкая центральная экономическая комиссия как частное коммерческое предприятие

Завершение эвакуации легионеров из Владивостока существенным образом изменило условия работы Чехословацкой центральной экономической комиссии. Она больше не могла рассматриваться как учреждение, представляющее интересы Чехословацкого правительства на Дальнем Востоке России. Коренным образом изменилась и политическая ситуация в Приморье. После образования Дальневосточной республики (далее – ДВР) в декабре 1920 г. Приморская областная земская управа утратила функции правительства, с которым можно было заключать международные договоры, превратившись в орган областного земского самоуправления²⁴. А в мае 1921 г. в результате очередного переворота к власти во Владивостоке пришло Временное Приамурское правительство во главе с С.Д. Меркуловым.

Вскоре был оформлен и новый юридический статус Чехословацкой центральной экономической комиссии. Из правительственного учреждения она превратилась в частное коммерческое предприятие. В документах упоминаются учредители:

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 599. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Л. 4–5.

²¹ Там же. Л. 4–4 об.

²² Там же. Д. 600. Л. 52–52 об., 53.

²³ Там же. Л. 53.

²⁴ Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы... С. 54.

Р. Раще, И. Полак, В. Ондрушек, Ф. Цизнер, И. Гайный, Ф. Чеговский, Ф. Шин и Ф. Викоукал. Последний был избран директором нового предприятия²⁵.

Новое предприятие получило в свое распоряжение все товары, оставшиеся после эвакуации Чехословацкого корпуса. Однако выявленные на сегодняшний день в архиве материалы не позволяют в полной мере проследить все проводимые новым коммерческим предприятием торговые операции, поскольку документы «старой» Комиссии были вывезены вместе с архивом корпуса при эвакуации, а часть делопроизводства «новой» Комиссии, в том числе и документы бухгалтерской отчетности, были частично уничтожены, когда ее деятельность стала объектом расследования по обвинению в незаконном водворении товаров. На эту часть многогранной и не всегда законной деятельности коммерческого предприятия проливают свет материалы Владивостокской таможни²⁶.

Обвинение в контрабанде

В фонде Владивостокской таможни сохранились два архивных дела, датированные 1921–1923 гг. с материалами расследования по обвинению Чехословацкой центральной экономической комиссии в контрабанде в особо крупных размерах. Согласно инструкции по ведению делопроизводства и архива подобные дела подлежали постоянному хранению. Этим объясняется хорошая сохранность и полнота доступной исследователям информации. Именно это обстоятельство позволяет во всей полноте представить перипетии начавшегося в летом 1921 г. и завершившегося уже при советской власти расследования. О масштабах противоправной деятельности теперь уже коммерческого предприятия, говорят многочисленные документальные свидетельства: рапорты таможенных чиновников и объяснительные записки досмотрщиков; акты обследования складов; заключения экспертов; переписка с судебными следователями, с чехословацким и французским консулами, а также с чиновниками Временного Приамурского правительства, заинтересованными в «смягчении» решений по этому громкому делу. Важные свидетельства о характере деятельности Комиссии содержатся в протоколах допросов 54-х свидетелей по делу. Среди них «добросовестные приобретатели» – жители Владивостока, купившие товары в магазинах Комиссии. Большинство документов являются подлинниками с делопроизводственными отметками – всего около 600 листов. Косвенным подтверждением резонансного характера расследования таможни служит тот факт, что его материалы летом 1923 г. были затребованы Главным таможенным управлением. Именно благодаря этому наиболее важные документы доступны нам не только в рукописных подлинниках, но и в машинописных копиях, которые были изготовлены для вышестоящей инстанции и возвращены во Владивостокскую таможню в августе 1924 г. вместе с копией постановления Верховного суда и заключением Прокурора Республики по делу Чехословацкой центральной экономической комиссии²⁷.

Из документов следует, что основанием для начала расследования стал анонимный донос (на языке документов – негласная информация). Речь шла о приобретении жителями Владивостока партии спирта, запрещенного к ввозу на территорию страны по обстоятельствам военного времени еще в начале Первой мировой войны. Направленные для проверки информации таможенные чиновники обнаружили на складах Комиссии сахар и спирт, в том числе произведенный на русских

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 466. Л. 98–98 об.

²⁶ Беляева Н.А. Дело Чехословацкой центральной экономической комиссии (по материалам конфискационного производства Владивостокской таможни) // Россия и АТР. 2022. № 3. С. 59–67. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-3-59-67>

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 467.

заводах в полосе отчуждения КВЖД; канцелярские принадлежности; галантерейные товары (предметы женского туалета, пуговицы, нитки, духи); пианино, пробковые шлемы, презервативы и др. товары²⁸.

Расследование установило, что часть этих товаров была действительно ввезена «льготным порядком» для нужд легионеров. Причем в течение всего периода пребывания Чехословацкого корпуса во Владивостоке эти льготы существенно изменялись. В начальный период интервенции на все союзные воинские части распространялся существовавший со времен Первой мировой войны беспошлинный порядок ввоза необходимых для их обеспечения товаров. В течение 1919–1920 гг. беспошлинный ввоз товаров для иностранного контингента был заменен отсрочкой платежа таможенной пошлины на неопределенное время (до полной победы над большевиками). Однако этот порядок распространялся только на некоммерческие, то есть не предназначенные для реализации на внутреннем рынке, товары. Расследованием также было установлено, что после полной эвакуации Чехословацкого корпуса Комиссия не только продолжала ввозить товары беспошлинно с целью их продажи, но делала это «с сокрытием от таможенного надзора» – разгружала прибывшие в ее адрес грузы ночью в отсутствие таможенных чиновников и в самой удаленной части гавани.

Уже 21 сентября 1921 г. Общее присутствие таможи, подлинник протокола заседания которого также сохранился в архивном деле, высказалось на немедленное направление всех материалов во Владивостокский окружной суд для проведения предварительного следствия и принятия в интересах казны мер, под которыми подразумевался арест имущества Комиссии и хранящихся на складах еще не проданных товаров. Общая сумма ущерба казенным интересам с учетом штрафов и пени превышала 2,5 млн золотых руб.²⁹

Сохранившиеся в фонде Владивостокской таможи документы говорят о том, Комиссия всеми путями пыталась избежать уголовной ответственности. Вовлеченность чешских предпринимателей в коммерческую жизнь Владивостока была столь высока, что даже без опоры на авторитет Чехословацкой республики найти высоких покровителей не составило труда. Именно этим можно объяснить многократное возвращение дела на доследование; взаимоисключающие друг друга решения судебного следователя, некоторые из которых сразу же отменялись после решительных протестов таможи; привлечение к борьбе за снятие ареста с товаров не только чехословацкого, но и французского консула; наконец, освобождение находившихся под арестом обвиняемых по делу без внесения залога, как того требовало законодательство.

Приговор по делу Чехословацкой центральной экономической комиссии

Парадокс в деле Чехословацкой центральной экономической комиссии заключается в том, что начавшееся при буржуазном Временном Приамурском правительстве летом 1921 г., оно завершилось осенью 1923 г. в иной правовой среде. Эта часть истории Комиссии может быть изучена по документам фонда Дальневосточного отделения Верховного Суда РСФСР³⁰.

Открытое судебное заседание выездной сессии Дальневосточного отделения Верховного суда РСФСР проходило во Владивостоке с 12 по 17 сентября 1923 г. К этому времени территорию Советской республики покинули не только учредите-

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 466. Л. 33–33 об.

²⁹ Там же. Л. 132.

³⁰ Там же. Ф. 2562. Оп. 2. Д. 449.

ли, но все сотрудники Комиссии, в том числе давшие показания в качестве свидетелей. Перед судом предстали лишь двое из шести обвиняемых – директор Ф. Выкоукал и заведующий складом Ф. Черны. Таким образом дело, начавшееся на территории вне советской юрисдикции, завершилось приговором, вынесенным в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР. Поскольку контрабанда в условиях государственной монополии внешней торговли становилась преступлением против экономических основ советского государства, обвиняемые получили 10 и 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Однако эти сроки были сразу уменьшены на одну треть в связи с амнистией в честь пятой годовщины революции. Кроме того, на обвиняемых были возложены судебные расходы в размере 300 золотых руб.³¹ С Чехословацкой же центральной экономической комиссией сверх конфискованного имущества, общая стоимость которого оценивается в чехословацкой историографии в 68 млн крон³², взыскивалась в пользу государства пеня за ввезенные контрабандой и уже реализованный товар в сумме 2 599 959 руб. 68 коп. золотом³³.

Выводы

Хранящиеся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока документы дают представление о деятельности Чехословацкой центральной экономической комиссии во Владивостоке на заключительном этапе Гражданской войны, когда иностранные воинские формирования (за исключением японских) были выведены с Дальнего Востока. Первоначально она действовала как правительственное учреждение, на которое возлагалось решение экономических проблем находившихся во Владивостоке соотечественников. Одновременно Комиссия участвовала в мероприятиях, направленных на улучшение экономического положения самой Чехословацкой республики. Ею были заключены и частично реализованы договоры с Временным правительством Дальнего Востока – Приморской областной земской управой и Центральным всероссийским союзом потребительских обществ (Центросоюзом), отвечающие экономическим интересам обеих сторон.

Весьма непродолжительной и менее успешной была деятельность Чехословацкой центральной экономической комиссии как частного коммерческого предприятия, завершившаяся уголовным преследованием.

Дальнейшие перспективы изучения невоенных аспектов присутствия Чехословацкого корпуса во Владивостоке связаны с выявлением новых архивных документов, которые позволят пролить свет на деятельность Чехословацкой центральной экономической комиссии в момент перехода от политической нестабильности Гражданской войны к жесткой вертикали власти пролетарской диктатуры.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.03.2024

References

- Aleksandrov, P.G. “Events take place on the territory of a Russian city...»: details of the Czechoslovak uprising in Vladivostok.” *Klio*, no. 1 (2018): 86–94 (in Russian).
- Belyaeva, N.A. “The case of the Czechoslovak Central Economic Commission (based on the materials of the confiscation proceedings of the Vladivostok customs).” *Russia and ATR*, no. 3 (2022): 59–67. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-3-59-67> (in Russian).

³¹ РГИА ДВ. Ф. 2562. Оп. 2. Д. 449. Л. 6.

³² *Sládek Z. Evakuační akce československých vojsk v sovětském Rusku (1919–1920) // Československo – sovětské vztahy IV. Praha, 1975. S. 109.*

³³ РГИА ДВ. Ф. 2562. Оп. 2. Д. 449. Л. 14–14 об.

- Cehovsky. “K debate o Legionbance. Centrokomise [On to the Legionbank debate. Central Commission].” *Ceskoslovensky dennik*, no. 670 (1920): 103–114 (in Czech).
- Demidova, Ye.I., and Rybkov, A.G. “Chekhoslovatskiy voyennyi korpus: dokumenty i materialy [Czechoslovak military legion: documents and materials].” *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2014): 82–91 (in Russian).
- Dmitriyev, N.I. “K voprosu o roli chekhoslovatskogo korpusa v khozyaystvennoy zhizni belogo vostoka Rossii [To the question of the role of the Czechoslovak military legion in the economic life of the White East of Russia].” In *Istoriya beylo Sibiri* [History of White Siberia], 155–158. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001 (in Russian).
- Dragomiretskiy, V.S. *Chekhoslovaki v Rossii. 1914–1920* [Czechoslovaks in Russia. 1914–1920]. Paris; Prague: Prague University Publ., 1928 (in Russian).
- Konstantinov, S.I. “‘For the blood that ... is shed on the boundless fratricidal battlefield in Russia, the Czechoslovaks bear the greatest responsibility...’ Czechoslovak Military Legion in the Civil War in Russia.” *Military History Journal*, no. 5 (2021): 57–65 (in Russian).
- Kopylov, N.A. “Speech of the Czechoslovak Military Legion in 1918: a modern look at the problem.” *Russia and the Modern World*, no. 3 (2019): 6–22 (in Russian).
- Mosyakin, A.G. *Sud'ba zolota Rossiyskoi imperii v srezhe istorii. 1880–1922* [The fate of the gold of the Russian Empire in the context of history. 1880–1922]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2017 (in Russian).
- Poznyak, T.Z. “Vystuplenie iaponskikh interventov vo Vladivostoke 4–6 aprelya 1920 g.: nasilie i strategii povedeniia naseleniia v khode vooruzhonnogo konflikta [Speech of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4–6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during the armed conflict].” *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, no. 2 (2019): 15–26. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-2/15-26> (in Russian).
- Sakharov, K.V. *Cheshskie legiony v Sibiri. (Cheshskoye predateľstvo)* [Czech legions in Siberia. (Czech betrayal)]. Berlin: [N.s.], 1930 (in Russian).
- Sládek, Z. “Evakuační akce československých vojsk v sovětském Rusku (1919–1920) [Evacuation actions of Czechoslovak troops in Soviet Russia (1919–1920)].” In *Československo-sovětské vztahy IV* [Czechoslovak-Soviet relations IV], 97–119. Praha: Univerzita Karlova, 1975 (in Czech).
- Šteidler, F. “Návrat československých legií kolem světa do vlasti [The return of the Czechoslovak legions around the world to the homeland].” In *Návrat československých legií kolem světa do vlasti* [Return of Czechoslovak legions around the world to their homeland], 3–6. Praha: Památník odboje, 1921 (in Czech).
- Trigub, G.Ya. “Deyatel'nost' Primorskoy oblastnoy zemskoy upravy v kachestve vremennogo pravitel'stva (fevral'-dekabr' 1920 g.) [Activities of the Primorsky Regional Zemstvo Council as a provisional government (February-December 1920)].” *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, no. 1 (2006): 44–54 (in Russian).
- Troitskaya, N.A. “Grazhdanskaia voina na Dal'nem Vostoke Rossii v dokumentakh Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka [The Civil War in the Russian Far East in the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East].” In *Civil War in the East of Russia (November 1917–December 1922): Papers of All-Russian Scientific Conference*, 77–85. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2019 (in Russian).
- Zakharov, A.M. “‘Tekhod’: khoziaistvenno-tekhnicheskaya deiatel'nost' Chekhoslovatskogo korpusa na territorii Rossii v 1918–1920 gg. [‘Techod’: economic and technical activities of the Czechoslovak Military Legion on the territory of Russia in 1918–1920].” *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, no. 1 (2019): 266–270 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Анатольевна Беляева, доктор исторических наук, профессор департамента истории и археологии, Дальневосточный федеральный университет; 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; minava204@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7446-5519>; SPIN-код: 2729-4310

Natalya Anatolyevna Belyaeva, Dr. Habil. History, Professor, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University; 10, v. Ajax, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian; minava204@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7446-5519>; SPIN-code: 2729-4310

Константин Елизарович Сигалов, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя; 117997, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 12; профессор кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России; 142007, Московская область, г. Домодедово, мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, 3; sigalovconst@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6864-8570>; SPIN-код: 5671-1780

Konstantin Elizarovich Sigalov, Dr. Habil. Juridical, PhD in Philosophy, Professor of the Theory of State and Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12, Akademika Volgina St, Moscow, 117997, Russia; Professor of the Department of Staffing and Personnel Management in Internal Affairs Bodies, All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 3, Pikhtovaya St, Domodedovo, Moscow region, microdistrict Aviationnyi, 142007, Russia; sigalovconst@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6864-8570>; SPIN-code: 5671-1780

Петр Германович Александров, старший научный сотрудник, Государственный объединенный музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева; 690091, Россия, Владивосток, ул. Светланская, 20; pal1889@mail.ru; SPIN-код: 6502-3354

Pyotr Germanovich Alexandrov, Senior Researcher, The Vladimir K. Arseniev Museum and Reserve of Far East History; 20, Svetlanskaya St, Vladivostok, 690091, Russia; pal1889@mail.ru; SPIN-code: 6502-3354

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-203-215>

EDN: RSHBSY

Научная статья / Research article

Обеспечение законности и служебной дисциплины в органах НКВД Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны

Александр Владимирович Жадан , Наталья Алексеевна Шабельникова

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Владивосток, Россия

 awzhadan252@mail.ru

Аннотация: Исследуется состояние служебной дисциплины и законности в территориальных органах НКВД Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны, причины совершения сотрудниками правонарушений, специфика привлечения виновных к ответственности, а также формы и методы профилактической работы с личным составом. Источником для анализа послужила внутренняя документация управлений НКВД Хабаровского и Приморского краев, а также материалы первичных парторганизаций, отложившиеся в региональных архивах данных субъектов РФ. Также использовались документы центрального аппарата НКВД СССР, Прокуратуры СССР и Политбюро ЦК ВКП(б), хранящиеся в фондах Государственного архива РФ и Российском государственном архиве новейшей истории. Изучая заявленную проблематику, удалось не только констатировать наличие неблагоприятной ситуации в сфере соблюдения дисциплины и законности, но и установить детерминанты данных явлений. В ходе исследования во многом подтвердился неоднократно отмечаемый в историографии тезис о влиянии кадрового голода и проблем материального обеспечения на эффективность деятельности органов НКВД в военный и послевоенный периоды. Установлено, что комплекс профилактических мер, направленных на укрепление дисциплины и законности, включал в себя пресечение морального разложения сотрудников; использование методов групповой ответственности; коллективное обсуждение наиболее резонансных нарушений законности; контроль со стороны руководства органов НКВД; кадровые ротации; повышение правовой культуры и юридической грамотности персонала; внедрение армейских методов поддержания дисциплины.

Ключевые слова: Вторая мировая война, служебная дисциплина, обеспечение законности, воспитательная работа, советские спецслужбы

Для цитирования: Жадан А.В., Шабельникова Н.А. Обеспечение законности и служебной дисциплины в органах НКВД Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 203–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-203-215>

Ensuring Legality and Service Discipline in the NKVD Bodies of the Far East during the Great Patriotic War

Alexander V. Zhadan , Natalia A. Shabelnikova

Vladivostok branch of Far East legal institute Ministry of Internal Affairs of Russia,
Vladivostok, Russia

 awzhadan252@mail.ru

Abstract: The authors examine the service discipline and legality in the territorial bodies of the NKVD of the Far East during the Great Patriotic War, the reasons for the commission of offenses by the NKVD employees, the specificity of bringing perpetrators to justice, as well as forms and methods

© Жадан А.В., Шабельникова Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of preventive work with the personnel. The source base for the analysis was the internal documentation of the NKVD departments of the Khabarovsk and Primorsky Territories, as well as the materials of primary party organizations stored in the regional archives of the subjects of the Russian Federation. There were also used the documents of the central office of the NKVD of the USSR, the Procurator's office of the USSR and the CPSU Central Committee Politburo stored respectively in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Modern History. Studying the problem, it was possible not only to state the facts of the unfavorable situation in the field of discipline and legality, but also to establish the determinants of these phenomena. In the course of the study, there was largely confirmed the fact repeatedly noted in historiography concerning the influence of the staff shortage and problems of material security on the effectiveness of the NKVD bodies in the war and post-war periods. It was established that the set of preventive measures aimed at strengthening discipline and legality included as follows: prevention of the employees' moral decay; the use of methods of group responsibility; collective discussion of the most resonant violations of the rule of law; control by the NKVD leadership; personnel rotations; improvement of legal culture and literacy of the personnel; introduction of army methods of maintaining discipline.

Keywords: World War II, NKVD bodies, service discipline, law enforcement, educational work, Soviet intelligence services

For citation: Zhadan, A.V., and Shabelnikova, N.A. "Ensuring Legality and Service Discipline in the NKVD Bodies of the Far East during the Great Patriotic War." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 203–215 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-203-215>

Введение

Актуальность. Обеспечение должного уровня трудовой дисциплины является важным условием поддержания высокой производительности труда, работоспособности коллектива, успешной реализации стоящих перед ним задач. Особенно высокие требования к соблюдению законности и служебной дисциплины государство и общество предъявляет к органам, реализующим задачи по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и общественной безопасности. Военное время еще более усилило требования к организованности работы органов внутренних дел, поскольку возростающий и усложняющийся объем задач требовалось решать в ограниченное время. Одновременно, будучи периодом социально-экономического и психологического шока, военные годы стали серьезным испытанием моральной устойчивости каждого сотрудника НКВД в отдельности. В этой связи важное значение имеет изучение исторического опыта обеспечения дисциплины и законности в служебных коллективах органов внутренних дел, возникавших в этой сфере проблем и имевших место ошибок.

Степень изученности проблемы. Историческая наука в настоящее время обладает широким спектром исследований, посвященных отечественным органам правопорядка периода Великой Отечественной войны и криминологической ситуации в советском обществе¹. В последние десятилетия растет внимание исследователей и к деятельности органов НКВД в Дальневосточном регионе².

¹ *Емелин С.М.* Историография деятельности органов НКВД-МВД в конце 1930-х – середины 1950-х гг. // История государства и права. 2009. № 24. С. 41–45; *Зиборов В.К., Иванов В.А., Ходяков М.В.* «Кадры решают все!» Блокадные записки сотрудника НКВД, 1942 год // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 246–276; *Латышев А.В.* Работа фильтрационных лагерей НКВД в 1942 г.: влияние экономических факторов и ведомственных интересов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 36–48; *Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A.* Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504; *Shearer D.R.* Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven: Yale University Press, 2009 и др.

² *Жадан А.В.* Организация и деятельность трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних на территории Хабаровского края в 1943–1945 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 408–421; *Суверов Е.В., Фризен П.Д.* Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23).

Современными исследователями достаточно хорошо изучены различные аспекты кадровой политики в органах НКВД, в том числе описан комплекс причин и условий, детерминировавших нарушения служебной дисциплины и законности со стороны отдельных сотрудников. Однако, большинство исследований охватывают заявленную проблематику в целом по стране.

Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить особенности кадровой политики в территориальных органах НКВД Дальнего Востока. Отдельное внимание будет уделено таким аспектам, как причины и условия совершения правонарушений; особенности привлечения сотрудников к юридической ответственности; организационные основы, формы и методы поддержания дисциплины в трудовых коллективах.

Источниковую базу составили документы, хранящиеся в Государственном архиве РФ (Ф. Р-8131. – Прокуратура СССР; Ф. Р-9401. – Министерство внутренних дел СССР; Ф. Р-9415. – Главное управление милиции Министерства внутренних дел СССР); Российском государственном архиве новейшей истории (Ф. 3. – Политбюро ЦК КПСС); Государственном архиве Хабаровского края (Ф. П-26. – Первичная партийная организация Управления внутренних дел исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов, Центральный район, г. Хабаровск, 1943–1990 гг.; Ф. П-513. – Политическая часть управления милиции Министерства внутренних дел, г. Хабаровск, 1940–1956 гг.; Ф. П-555. – Первичная партийная организация управления внутренних дел горисполкома, Центральный район, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, 1936–1989 гг.); Государственном архиве Приморского края (Ф. П-347. – Первичная организация ВКП(б) Примкрай-управления милиции за 1937–1948 гг.); Информационном центре УМВД России по Хабаровскому краю (Ф. 40. – Приказы УНКВД-УМВД по Хабаровскому краю); Информационном центре УМВД России по Приморскому краю (Ф. 12. – Приказы УНКВД-УМВД по Приморскому краю).

Состояние, структура и динамика нарушений законности и служебной дисциплины

Тенденцией военных лет стал рост среди сотрудников НКВД таких проступков, как: допущение побегов арестованных, нарушение правил хранения вещественных доказательств (часто под этой формулировкой скрывалось их присвоение), связь с уголовно-преступными элементами, злоупотребление служебным положением. Достаточно остро стоял вопрос исполнительской дисциплины, когда следовавшие в чрезвычайных обстоятельствах военного времени одна за другой директивы и указания, зачастую оставались невыполненными³.

Существенное место среди дисциплинарных нарушений, как в целом по стране, так и на Дальнем Востоке занимало пьянство. В первом квартале 1944 г. на его долю приходилось 30 % всех дисциплинарных проступков в Комсомольском горотделе милиции, 31 % в органах милиции Амурской области и 41 % в Камчатской области⁴. Во многих случаях пьянство и сопровождавшая его деградация личности становились условиями совершения сотрудниками иных дисциплинарных правонарушений, преступлений, автоаварий, утраты оружия, иных действий, подрывающих

С. 29–32; Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27 и др.

³ Архив УМВД по Хабаровскому краю (далее – АУМВД по ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 115. Л. 82–83; Архив УМВД по Приморскому краю (далее – АУМВД по ПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 74.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГА ХК). Ф. П-513. Оп. 1. Д. 7. Л. 41 об.

авторитет органов правопорядка (самоубийства, половая распущенность и т. п.)⁵. В отдельных, правда, редких случаях на почве пьянства имели место серьезные эксцессы, сопровождавшиеся хулиганскими действиями в общественных местах, бандитскими нападениями на граждан, грубым превышением должностных полномочий, незаконным применением оружия⁶.

Обстановка военного времени, особенно напряженная ситуация на фронтах 1941–1943 гг., обусловила появление таких проступков, как распространение панических, «провокационно-клеветнических» слухов. Как дисциплинарные правонарушения рассматривались проявление трусости и «формально-бюрократическое отношение к рассмотрению заявлений»⁷.

Статистической практикой органов внутренних дел рассматриваемого периода был подсчет количества дисциплинарных проступков в процентном отношении к численности личного состава подразделения. Чаще всего в документах краевых управлений НКВД и парторганов фигурировали сведения за квартал или полугодие. В годы войны в среднем по Дальневосточному региону данный показатель колебался в пределах 5–6 % к личному составу поквартально, что составляло 20–24 % в годовом исчислении⁸.

В органах НКВД Хабаровского края служебная дисциплина по ряду критериев характеризовалась хуже общесоюзных показателей. Так, в 1943 г. в среднем по стране количество нарушителей составляло 19 % от штатной численности органов внутренних дел⁹. При этом в органах хабаровской милиции за этот год было учтено 744 дисциплинарных проступка (24,8 % к л/с)¹⁰. В 1944 г. число нарушений сократилось до 646 (23,2 % к л/с)¹¹. Количество проступков, совершенных начсоставом органов милиции Хабаровского края в 1944 г. среднеквартально составляло 5,1 %, а по СССР – 4 % (к численности начсостава). На долю коммунистов-милиционеров по стране в 1944 г. среднеквартально приходилось 3,5 % дисциплинарных нарушений, а по Хабаровскому краю – 5,7 % (к численности коммунистов)¹². В то же время в органах милиции Приморского края статистические показатели служебной дисциплины были одними из лучших по стране¹³.

Однако приведенные цифры лишь приблизительно отражают общую картину дисциплинарной практики в органах внутренних дел Дальнего Востока.

Во-первых, в одном и том же органе число проступков могло существенно отличаться в различных службах и подразделениях, а также меняться от квартала к кварталу. Например, в Управлении милиции (далее – УМ) Управления НКВД по Хабаровскому краю (далее – УНКВД по ХК) в 1 квартале 1944 г. количество дисциплинарных нарушений составляло 3,3 % к л/с, во 2 квартале – 6,1 %, в 3-м – 3,9 %, в 4-м – 6,1 % (19,4 % к л/с управления в годовом исчислении). При этом в разных отделах этого же управления рассматриваемый показатель колебался от 4 % до 60 % в годовом исчислении¹⁴.

⁵ Государственный архив Приморского края (далее – ГА ПК). Ф. П-347. Оп. 1. Д. 2. Л. 39; ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁶ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 62. Л. 98–100.

⁷ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 60. Л. 173

⁸ Расчеты автора.

⁹ *Емелин С.М.* Органы внутренних дел в 1939–1953 годы: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. Акад. эконом. безопасности МВД РФ, 2009. С. 151.

¹⁰ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

¹¹ Там же.

¹² ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 383. Л. 4 об.

¹⁴ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–42.

Во-вторых, делопроизводственной особенностью рассматриваемого периода было частое соединение дисциплинарных и аморальных (бытовое пьянство, беспорядочные половые связи и т. п.) проступков в общую статистику. Кроме того, под видом дисциплинарного проступка руководство органов НКВД нередко «маскировало» должностные преступления сотрудников.

Также необходимо учитывать фактор латентности, когда совершенные дисциплинарные проступки оказывались невыявленными или сознательно «покрывались» руководством служб и подразделений в силу причин разного рода. В частности, на совещании руководителей политчастей и секретарей партийных организаций органов милиции Хабаровского края (14–15 марта 1945 г.) заместитель начальника УМ УНКВД по ХК по политической части А.И. Солонец, приводя статистические данные о количестве дисциплинарных проступков, напрямую отмечал, что «этим цифрам верить нельзя, потому что не все нарушения учитываются и показываются в отчетах»¹⁵. Аналогичные высказывания обнаруживаются и в иных документах¹⁶. Таким образом, непосредственно статистические данные о количестве дисциплинарных нарушений, содержащиеся в отчетной документации органов НКВД, не могут рассматриваться как источник полностью корректной информации о состоянии служебной дисциплины в рассматриваемый нами период.

Изучение личностных характеристик нарушителей показало, что относительно высокий процент дисциплинарных проступков совершался сотрудниками, относящимися к начсоставу, коммунистами и комсомольцами. Например, в 4 квартале 1943 г. общее число служебных проступков в органах милиции Хабаровского края составляло 4,7 % к л/с, лицами начальствующего состава было совершено 6,7 % (к численности начсостава), а коммунистами – 5,8 % (к числу коммунистов). В 1 квартале 1944 г. данные показатели составили: в общем – 6,1 %, среди начсостава – 8 %, среди коммунистов – 6,3 %¹⁷. В 1 полугодии 1944 г. в органах милиции Нижне-Амурской области 75 % всех нарушений дисциплины было совершено сотрудниками, относящимися к начсоставу, а на долю коммунистов приходилось 27,5 % всех проступков¹⁸. В органах милиции Амурской области по состоянию на октябрь 1944 г. до 23,8 % всех дисциплинарных нарушений было совершено комсомольцами¹⁹.

Что касается динамики нарушений служебной дисциплины и законности, то в ряде территориальных органов в отдельные периоды ситуация могла серьезно ухудшаться или, наоборот, приобретать позитивную тенденцию. Так, положительных результатов в укреплении служебной дисциплины добились в 1942 г. в органах милиции Еврейской автономной и Сахалинской областей²⁰. В городском отделе милиции Комсомольска-на-Амуре удалось во 2 полугодии 1942 г. снизить число дисциплинарных проступков в сравнении с довоенным полугодием 1941 г. более чем в 2 раза и удерживать на примерно одинаковом уровне до 1945 г.²¹ В то же время в УМ УНКВД Нижне-Амурской области количество служебных проступков среди личного состава возросло с 13 % во 2 полугодии 1943 г. (что уже выше средних показателей по краю) до 19 % в 1 полугодии 1944 г.²²

¹⁵ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

¹⁶ Там же. Д. 21. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 41 об.

¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 113 об.

¹⁹ Там же. Д. 7. Л. 85.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 16.

²¹ ГА ХК. Ф. П-555. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

²² ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 10. Л. 113 об.

В целом, ситуация с соблюдением служебной дисциплины в органах внутренних дел Дальнего Востока оставалась сложной весь рассматриваемый нами период. Однако необходимо иметь в виду, что аналогичная негативная тенденция была характерна в военные годы для органов НКВД в целом по стране²³.

Детерминанты нарушений законности и служебной дисциплины

Неблагополучная ситуация в сфере обеспечения служебной дисциплины и законности была обусловлена рядом причин и условий.

1. Ситуация кадрового голода, имевшего место в органах внутренних дел по всей стране. Уже в 1943–1944 гг. в документах дальневосточных органов НКВД появляются указания на неудовлетворительное качество пополнения, пришедшего на службу в годы войны. Прежде всего отмечались его слабая политико-идеологическая мотивация, низкая образовательная и физическая подготовленность, отсутствие практического опыта правоохранительной деятельности, неорганизованность и недисциплинированность²⁴.

Преимущественно низким качеством кадров может быть объяснена большая часть нарушений, связанных с нарушением процессуальных сроков и иными фактами ненадлежащего, халатного исполнения служебных обязанностей²⁵.

В условиях снижения качественных характеристик личного состава многократно возрастала воспитательная и организационно-контролирующая роль работников политаппаратов и руководителей среднего звена (уровня начальника отдела, отделения). Однако, с комплектованием этих должностей компетентными кадрами также возникали объективные трудности: имел место постоянный переток сотрудников в органы госбезопасности, армейской контрразведки, на комплектование органов НКВД во вновь освобожденных от оккупации территориях, формирование новых структурных подразделений, убыль по естественным причинам и т. д., при ограниченности поступления свежих кадровых ресурсов. Текущая руководящего и политсостава в значительной степени отражалась на качестве проводимой партийно-политической работы, контроле за рядовыми сотрудниками.

Руководство дальневосточных органов НКВД и работники прокуратуры прямо называли основной причиной неудовлетворительного состояния служебной дисциплины недостаточную компетентность со стороны отдельных начальников отделов и отделений, недостаток контроля за подчиненными²⁶.

В территориальных органах, где удавалось наладить грамотное руководство и воспитательную работу с личным составом, нарушения дисциплины быстро сводились к минимуму одновременно с ростом оперативно-служебных показателей²⁷. И наоборот, непринятие своевременных мер в отношении нарушителей дисциплины со стороны непосредственного руководства и политработников, низкая компетентность последних (неопытность, непригодность по личным и деловым качествам) приводили к моральному разложению отдельных милицмейских коллективов²⁸.

2. Общим фактором ухудшения криминогенной обстановки во всем советском социуме стали тяжелые социально-экономические условия военных лет. Как и все дальневосточное общество, сотрудники органов внутренних дел столкнулись с острым дефицитом продовольствия и предметов первой необходимости. Так, в докладе о политико-моральном состоянии личного состава работников милиции Амурс-

²³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 78. Л. 10; Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 24. Л. 3.

²⁴ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 13. Л. 37 об.

²⁵ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 81 об.

²⁶ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 141. Л. 32–32 об.

²⁷ ГА ХК. Ф. П-555. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

²⁸ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 72. Л. 42–43.

ской области за 2 квартал 1944 г. отмечалось недостаточное снабжение сотрудников продуктами питания²⁹. Заместитель начальника УНКВД Амурской области Захаров и начальник политотдела областного УМ Красильников указывали, что продовольственное обеспечение не осуществлялось 2 месяца, что отразилось на физическом и моральном состоянии милиционеров³⁰. Лишения материально-бытового характера отражались на моральной устойчивости отдельных сотрудников, обуславливали факты взяточничества, хищений, «смыкания» со спекулянтами и др.³¹

3. Существенным фактором, оказывавшим отрицательное влияние на состояние дисциплины, был в среднем невысокий уровень общей культуры сотрудников, проявлениями чего в сфере служебных отношений становились факты грубого обращения с гражданами и коллегами, неопрятный внешний вид, грязь в рабочих кабинетах, нарушения субординации³².

Итак, анализ состояния и детерминант правонарушений, совершаемых сотрудниками НКВД, показал, что в военные годы резко актуализировалась задача укрепления служебной дисциплины и законности.

Специфика форм и методов укрепления законности и служебной дисциплины в условиях военного времени.

Практика привлечения сотрудников к юридической ответственности

Существенное влияние на дисциплинарную практику в органах НКВД оказывала кадровая ситуация. Возникший с началом войны дефицит кадров существенно сужал возможности увольнения сотрудников, даже тех, которые явно не соответствовали занимаемой должности по своим морально-деловым качествам³³.

Частью дисциплинарной практики, обусловленной спецификой советской политической системы, было привлечение сотрудников-коммунистов к ответственности по партийной линии. Дела такого рода разбирались в ходе партийных собраний, вынесенные решения оформлялись соответствующими протоколами³⁴. Такая практика имела двоякий эффект. С одной стороны, это был один из действенных механизмов обеспечения дисциплины среди сотрудников-коммунистов, поскольку сведения об аморальных и дисциплинарных проступках, попадая в личное дело и характеристики, могли существенно затруднять дальнейшее карьерное продвижение, а публичное рассмотрение данных дел имело профилактический эффект среди остальных членов партийной организации. С другой стороны, данный институт носил в целом закрытый характер, решения во многом обуславливались субъективным мнением членов ячейки, политическими тенденциями, обстановкой текущего момента, что в целом создавало условия для ухода причастных к нарушениям законности коммунистов от уголовной ответственности³⁵ (иногда с заменой трибунала отправкой на фронт³⁶).

Наиболее тяжким видом ответственности являлось предание суду военного трибунала. При этом данными судами рассматривались дела не только в отношении аттестованных сотрудников, но и лиц технического (обслуживающего) персонала,

²⁹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 113. Л. 76.

³⁰ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 383. Л. 6, 25.

³² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 100. Л. 140.

³³ ГА ПК. Ф. П-347. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

³⁴ ГА ХК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 57. Л. 22, 93.

³⁵ Там же. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–43.

³⁶ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. 85. Л. 139.

например, когда это касалось прогулов или несвоевременного выхода из отпуска³⁷, что в условиях военного времени приравнивалось к дезертирству.

В большинстве случаев судебные заседания носили закрытый характер, поскольку огласка рассматриваемых на них событий могла дискредитировать органы НКВД, вызвать негативный общественный резонанс. Однако имели место и открытые процессы, на которых рассматривались дела о пьянстве на службе, оставлении поста, прогулах, присвоении изъятых при обыске денег и др. Примечательно, что во всех установленных случаях, вынесенные на открытых процессах наказания в виде лишения свободы были заменены отправкой осужденных в действующую армию³⁸. Данные приговоры, по-видимому, должны были продемонстрировать населению региона справедливость, рациональность советского правосудия и одновременно подчеркнуть строгость требований трудовой дисциплины в условиях военного времени.

Вместе с тем исследование показало, что привлечение сотрудников к уголовной ответственности носило крайне редкий, исключительный характер. В большинстве случаев имела место практика вынесения дисциплинарных взысканий за деяния, явно содержащие признаки преступления³⁹, т. е. фактически замены уголовной ответственности дисциплинарной. Аналогичная ситуация имела место и в других регионах страны, что, по мнению историков, в немалой степени способствовало процветанию различного рода нарушений законности⁴⁰.

Причиной служил установленный порядок предварительной проверки, когда решение о наличии признаков состава преступления в действиях сотрудника принималось Особыми инспекциями при отделах кадров УНКВД краев и областей, т. е. внутри самих органов, под контролем их руководства. Начальник соответствующего управления сам принимал решение о назначении расследования и утверждал обвинительное заключение. Имела место практика, когда руководство отдельных подразделений и служб пыталось проводить расследование без привлечения Особых инспекций, что запутывало материалы дел и не позволяло дать им объективной оценки⁴¹.

Таким образом, существенное число дел в отношении сотрудников НКВД, содержащих признаки преступлений, просто не доводилось до суда. Обратные ситуации, когда изначально вынесенное дисциплинарное взыскание отменялось, а виновные отправлялись под трибунал, также имели место, но в очень редких случаях, обусловленных исключительной тяжестью, резонансностью деяния или обстановкой военного времени⁴².

Формально внешний контроль (надзор) за соблюдением законности в органах внутренних дел должна была осуществлять прокуратура. Однако фактически (особенно в первые годы войны) имела место крайняя слабость прокурорских органов, не имевших каких-либо реальных рычагов воздействия на НКВД, политическое могущество которого особенно усилилось при слиянии с органами госбезопасности и с учетом обстановки военного времени.

В рассматриваемый период широко распространились случаи несоблюдения установленного порядка согласования процессуальных действий, а также нетактичного поведения с прокурорскими работниками даже рядовых сотрудников НКВД, что не всегда пресекалось руководством соответствующих территориальных орга-

³⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 129. Л. 60; Д. 130. Л. 51.

³⁸ Там же. Д. 112. Л. 64; Д. 115. Л. 67–68.

³⁹ Там же. Д. 63. Л. 59–60; Д. 132. Л. 5.

⁴⁰ Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2000. С. 77.

⁴¹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 122. Л. 75.

⁴² Там же. Д. 78. Л. 122.

нов внутренних дел. Последние часто просто игнорировали предписания и жалобы прокуроров⁴³.

Данная ситуация получила распространение по всей стране, в связи с чем 22 марта 1942 г. за подписью замнаркома внутренних дел В.Н. Меркулова была издана директива № 122, требовавшая от начальников региональных управлений НКВД обеспечить должный деловой контакт и правильные взаимоотношения с органами прокурорского надзора и пресекать возможные факты нетактичного поведения сотрудников НКВД с прокурорами⁴⁴. Однако исследование правоприменительной практики дальневосточных органов НКВД показало, что роль органов прокуратуры в контроле за соблюдением законности хотя и постепенно усиливалась в течение рассматриваемого периода, но в целом оставалась недостаточной.

Итак, в организационном отношении работа по предупреждению нарушений служебной дисциплины и законности, а также привлечению виновных к ответственности осуществлялась преимущественно внутри самих территориальных органов НКВД их руководящим составом в тесной связке с политотделами. При этом происходило постоянное совершенствование организационно-правового механизма обеспечения служебной дисциплины и законности.

Был принят ряд мер по совершенствованию оперативного обслуживания собственных служб и подразделений в целях предупреждения преступной деятельности сотрудников и выявления уже совершенных ими преступлений. В рамках этой деятельности проводились спецпроверки личного состава на предмет выявления связей с криминальными и антисоветскими элементами, непосредственного участия в преступной деятельности, иной личной информации, ставящей под вопрос возможность дальнейшего продолжения службы такими работниками. В службах и подразделениях территориальных органов формировались сети осведомителей⁴⁵. Такие оперативные мероприятия позволяли вскрывать и привлекать к ответственности целые преступные группировки, состоящие из работников НКВД⁴⁶.

Регулярный характер приобрели внезапные проверки представителями руководства управлений и ответственными дежурными деятельности отдельных служб и подразделений. Такие мероприятия (в том числе ночные) были ориентированы на выявление нарушений режима секретности, правил хранения оружия, боеприпасов, ношения форменной одежды⁴⁷.

Существенное внимание руководства дальневосточных управлений НКВД было обращено на пресечение различных практик незаконного физического воздействия в отношении граждан, ложных доносов, фальсификации уголовных дел, незаконных арестов и иных нарушений уголовно-процессуальных норм, вымогательства продуктов и иных товаров у хозяйствующих субъектов⁴⁸.

Несколько сотрудников в период 1941 г. было показательно привлечено к дисциплинарной ответственности за нарушения законности, допущенные в период массовых репрессий⁴⁹ с формулировками по типу: «при ведении следствия в 1938 г. по делам арестованных допускал нарушение революционной законности»⁵⁰. По су-

⁴³ Там же. Д. 75. Л. 203.

⁴⁴ Там же. Л. 203.

⁴⁵ Там же. Д. 79. Л. 142–144.

⁴⁶ Там же. Д. 84. Л. 156.

⁴⁷ Там же. Д. 78. Л. 258.

⁴⁸ Там же. Д. 83. Л. 136, Д. 128. Л. 47; Д. 140. Л. 17.

⁴⁹ Там же. Д. 62. Л. 12.; Д. 63. Л. 9.

⁵⁰ Там же. Л. 39.

ти, это было продолжением предвоенной «чистки» органов НКВД от сотрудников, причастных к нарушениям законности в период 1937–1938 гг.⁵¹

Особенно нетерпимым было отношение к физическому насилию по отношению к несовершеннолетним, за что ряд сотрудников был предан суду военного трибунала⁵². Законность ведения следственных дел, а также применения органами милиции принудительных мер в отношении несовершеннолетних находились на особом контроле у органов прокуратуры⁵³.

Незаконно изъятое (похищенное) у граждан имущество взыскивалось с виновных сотрудников НКВД по среднерыночным ценам (что немаловажно, поскольку последние в годы войны могли быть многократно выше государственных цен)⁵⁴.

В конце 1945 г., в связи с прибытием в регион больших контингентов японских военнопленных, был предпринят ряд мер по пресечению злоупотреблений в их отношении; ряд сотрудников НКВД был предан суду военного трибунала⁵⁵.

Существенный вклад в дело укрепления дисциплины и законности внесла деятельность политотделов территориальных органов НКВД, которые посредством работы первичных партийных организаций и комсомольских ячеек, охватывали идеолого-политическим воздействием фактически весь личный состав; взаимодействовали с территориальными партийными органами.

Важным средством организации работы партийных и комсомольских организаций по укреплению дисциплины являлись директивы политотделов при управлениях НКВД. Как правило, данные документы в первой части содержали обзоры наиболее резонансных правонарушений, а также положительные примеры добросовестного несения службы. Вторая часть содержала краткий анализ причин и условий, способствующих моральному разложению отдельных сотрудников и совершению дисциплинарных проступков, а также предлагала комплекс мер по их предупреждению.

Среди внедряемых политотделами и реализуемых посредством работы первичных партийных и комсомольских организаций форм и методов обеспечения служебной дисциплины и законности следует выделить:

1. Пресечение морального разложения сотрудников (пьянства, половой распущенности и т. п.); взаимодействие в этом направлении с членами их семей. Активисты посещали сотрудников по месту жительства, проводили тематические доклады, индивидуальные и коллективные беседы. Использовались методы формирования коллективного отрицательного отношения к аморальным поступкам, психологического давления на нарушителей. Отдельные случаи бытовой распущенности становились предметом рассмотрения партийных и комсомольских собраний. Имели место и надуманные, ложные обвинения коллег в аморальном поведении⁵⁶.

2. Повышение правовой культуры сотрудников. В частности, регулярно проводилась работа по изучению ведомственных приказов с последующей проверкой знаний⁵⁷.

3. Использование методов групповой ответственности членов коллектива, когда наряду с нарушителем дисциплины к ответственности привлекались и те сотрудники, которые, зная о нарушениях, относились к ним беспечно, не пресекали их и не докладывали о них командованию⁵⁸.

⁵¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 58. Д. 410. Л. 1–2.

⁵² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 113. Л. 163; Д. 114. Л. 51, 57, 113.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 20. Д. 31. Л. 90–91.

⁵⁴ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 78. Л. 300; Д. 97. Л. 203.

⁵⁵ Там же. Д. 127. Л. 180.

⁵⁶ ГА ПК. Ф. П-347. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–17.

⁵⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 141. Л. 10–10 об.

⁵⁸ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. об., 63.

4. Мобилизация руководящего состава на усиление повседневного контроля за личным составом. Обычной практикой было привлечение к дисциплинарной ответственности наряду с нарушителем дисциплины его непосредственного начальника⁵⁹.

5. Обсуждение в трудовых коллективах информационных обзоров с примерами наиболее резонансных нарушений законности, допущенных сотрудниками НКВД по дальневосточному региону и стране в целом. Как правило, в приводимых примерах сотрудники привлекались к строгой уголовной ответственности, что должно было оказывать соответствующий профилактический эффект на слушателей. К проведению бесед об ответственности за нарушения законности также привлекались работники прокуратуры⁶⁰.

6. Популяризация положительных примеров ответственного, бдительного несения службы, героизма отдельных сотрудников посредством коллективных бесед, стенной печати и многотиражных ведомственных изданий. Активно поддерживался институт отличников оперативно-служебной работы⁶¹.

7. Кадровые ротации, когда лица, неспособные к несению определенного вида службы, переводились на другую работу. Также имела место практика временного перевода недисциплинированного сотрудника на «перевоспитание» в подразделение, выделяющееся высокими показателями оперативно-служебной деятельности⁶².

Особенностью военных лет стала практика внедрения армейских методов поддержания дисциплины (неукоснительное выполнение приказов, соблюдение правил ношения форменной одежды, отдачи воинских приветствий и т. п.) в органах НКВД⁶³. В правовом отношении это было связано с распространением на сотрудников действия армейского Дисциплинарного устава, а в социально-политическом – с милитаризацией общественных отношений, свойственной периодам масштабных военных потрясений. За нарушения правил ношения форменной одежды и отдачи воинских приветствий сотрудники НКВД привлекались к дисциплинарной ответственности вплоть до ареста⁶⁴.

Однако на практике добиться неукоснительного соблюдения правил ношения форменной одежды в рассматриваемый период так и не удалось. Исследование показало, что на протяжении всего периода 1941–1945 гг. отмечались многочисленные факты нарушения личным составом данных правил, происходившие как в силу недостаточного материального обеспечения, так и по причинам личной недисциплинированности отдельных сотрудников, слабого контроля со стороны непосредственных руководителей⁶⁵.

Усиление требований к соблюдению правил ношения форменной одежды, введение погон, общая милитаризация правоохранительной службы оказывали сложный психологический эффект на сотрудников, совмещая внешнее поведенческое воздействие (через развитие привычки каждодневного соблюдения формальных требований воинских уставов) и влияние на мотивационно-волевую сферу (посредством развития таких ценностей как офицерский долг, честь и т. п.). В условиях военного времени подобная практика являлась вполне целесообразной (особенно учитывая вовлеченность сотрудников территориальных органов НКВД в проведение войсковых операций по борьбе с бандгруппами в тылу; партизанское движение в оккупированных регионах; участие в прямых вооруженных столкновениях с ар-

⁵⁹ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

⁶⁰ Там же. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 54. Л. 39 об.

⁶¹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 111. Л. 31–32.

⁶² ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁶³ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 66. Л. 128.

⁶⁴ Там же. Д. 74. Л. 21.

⁶⁵ ГА ХК. Ф. Р-706. Оп. 3. Д. 10. Л. 19; АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.

мейскими частями противника и диверсионными группами) и стала одним из действенных способов поддержания дисциплины в трудовых коллективах.

Вместе с тем подход к поддержанию дисциплины, основанный на прямом перенесении армейских методик в милицейские коллективы был целесообразен лишь в отношении строевых подразделений. Специфика деятельности оперативных служб требовала высокого уровня личной инициативы и самостоятельности отдельного сотрудника, что явно шло в разрез с попытками введения детальной регламентации.

Выводы

Таким образом, работа по обеспечению дисциплины и законности в органах НКВД представляла собой комплекс мероприятий организационного, правового и профилактического характера, реализуемых руководящим составом, работниками политаппаратов, секретарями и активистами партийных и комсомольских организаций. Основными направлениями данной работы следует рассматривать: выявление фактов нарушения служебной дисциплины и законности, привлечение виновных к ответственности; профилактическое воздействие на сотрудников.

Оценивая результативность данной работы, следует иметь в виду, что в целом органам НКВД Дальнего Востока в чрезвычайных условиях военного времени удалось обеспечить общественную безопасность и создать условия для стабильной работы тыла в зоне своей ответственности, что позволяет характеризовать уровень дисциплины личного состава как в целом достаточный для эффективного решения задач по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. В пользу этого тезиса свидетельствуют и многочисленные примеры самоотверженного героизма, бдительности, добросовестного, дисциплинированного несения службы дальневосточными стражами правопорядка. Одновременно нельзя не отметить и достаточно большое число нарушений служебной дисциплины и законности, имевших место в органах НКВД Дальнего Востока все военные годы. Причинами такой ситуации стала целая совокупность факторов, среди которых следует выделить: проблемы комплектования органов внутренних дел качественными кадрами, неудовлетворительные материально-бытовые условия сотрудников, недостатки в организации воспитательной работы, системах профессиональной подготовки личного состава и обеспечения собственной безопасности, слабый контроль со стороны непосредственного руководства и др.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.03.2024

References

- Emelin, S.M. “Historiography of the NKVD-MVD activity in the late 1930s – mid-1950s.” *History of State and Law*, no. 24 (2009): 41–45 (in Russian).
- Emelin, S.M. *Organy vnutrennikh del v 1939–1953 gg.: evoliutsiia statusa, pravovye osnovy, organizatsia i deiatel'nost* [Internal affairs bodies in 1939–1953: evolution of status, legal foundations, organization and activities]. Dissertation of the Doctor of Law. Academy of Economic Security of the MIA, 2009 (in Russian).
- Latyshev, A.V. “The work of the NKVD filtration camps in 1942: the influence of economic factors and departmental interests.” *Voprosy Istorii*, no. 2 (2019): 36–48 (in Russian).
- Porfirev, Yu.B. *Organy vnutrennikh del Kirovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Internal affairs bodies of the Kirov region during the Great Patriotic War]. PhD diss., St. Petersburg MIA University, 2000 (in Russian).
- Shabelnikova, N.A. “On the Guard of Law and Order: the History of the Internal Affairs Bodies of Russia in Modern Far Eastern Historiography.” *Klio*, no. 5 (2020): 20–27 (in Russian).

- Suverov, E.V., Frizen, P.D. “Fighter battalions in the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945).” *Altai Law Journal*, no. 3 (2018): 29–32 (in Russian).
- Zhadan, A.V. “Organization and activity of labor educational colonies of the NKVD for minors on the territory of the Khabarovsk Territory in 1943–1945.” *Modern history of Russia*, no. 2 (2021): 408–421 (in Russian).
- Ziborov, V.K., Ivanov, V.A., and Khodyakov, M.V. “‘Cadres decide everything!’ Blockade notes of an NKVD officer. 1942.” *Modern history of Russia*, no. 2 (2015): 246–276 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Владимирович Жадан, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России; 690087, Россия, Владивосток, ул. Котельникова, 21; awzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>; SPIN-код: 1729-5430

Alexander Vladimirovich Zhadan, PhD in History, Senior Lecturer of the Department of General Legal Disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 21, Kotelnikova St, Vladivostok, 690087, Russia; wzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>, SPIN-code: 1729-5430

Наталья Алексеевна Шабельникова, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России; 690087, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21; nhistorik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6355-7012>; SPIN-код: 6636-5032

Natalia Alekseevna Shabelnikova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Humanities, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 21, Kotelnikova St, Vladivostok, 690087, Russia; nhistorik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6355-7012>; SPIN-code: 6636-5032

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231>
EDN: RVRDBY

Научная статья / Research article

Бытовой антисемитизм в СССР

Борис Николаевич Миронов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ mironov1942@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается феномен бытового антисемитизма в СССР на основе массовых статистических данных о выборах в местные Советы депутатов трудящихся. Этнический состав депутатов проливает свет на отношение населения не только к евреям, но к национальной политике властей. Автор показывает, что результаты выборов свидетельствуют о стойком негативизме населения к еврейским кандидатам и соответственно к еврейским гражданам в целом. Евреи в местных органах власти были всегда недопредставленными, так как их доля среди депутатов почти всегда была ниже, чем в составе населения. Однако репрезентативность евреев росла вместе с повышением статуса Советов, по мере усиления влияния власти на состав депутатов. В общесоюзных и республиканских Советах до войны евреи были даже сверхпредставленными. Благодаря государству антиеврейские настроения не исключали евреев из общественной жизни, из элиты и управления обществом. Только переход многих евреев в оппозицию к режиму и массовая эмиграция на Запад, начавшаяся в 1950-е гг., принципиально ухудшили отношение к ним со стороны советских властей и избирателей.

Ключевые слова: евреи в управлении, этническая дискриминация, ксенофобия, еврейский вопрос, этничность и власть

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-09-00353.

Для цитирования: *Миронов Б.Н.* Бытовой антисемитизм в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 216–231. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231>

Everyday Anti-Semitism in the USSR

Boris N. Mironov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

✉ mironov1942@yandex.ru

Abstract: The article considers the phenomenon of everyday anti-Semitism based on mass statistical data on the elections to local Soviets of Workers' Deputies. The ethnic composition of deputies sheds light on the attitude of the population towards not only Jews, but also the national policy of the authorities. The author shows that the election results indicate persistent negative attitude of the population towards Jewish candidates and, accordingly, towards Jews in general. In the local government Jews were always underrepresented, since their share among deputies was almost always lower than that in the population. However, the representativeness of Jews grew along with the enhancing of the status of the Soviets, as the influence of the authorities on the composition of deputies increased. In the All-Union and Republican Soviets before the war, Jews were even overrepresented. Thanks to the state, the anti-Jewish sentiments did not exclude Jews from the public life, elite and governance of

society. Only the moving of many Jews into the opposition to the regime and the mass emigration to the West which began in the 1950s fundamentally worsened the attitude towards them on the part of the Soviet authorities and voters.

Keywords: Jews in management, ethnic discrimination, xenophobia, Jewish question, ethnicity and power

Acknowledgements and Funding: this research was supported by Russian Science Foundation (RSF), project no. 20-09-00353.

For citation: Mironov, B.N. "Everyday Anti-Semitism in the USSR." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 216–231. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231>

Введение

Актуальность. Положение еврейских граждан в СССР до сих пор остается важной и дискуссионной проблемой в историографии, что определяется исключительной важностью межэтнических отношений для многонационального государства.

Актуальность проблемы обуславливается тем, что национальная толерантность во многом является залогом общественного порядка, социальной стабильности и благополучия граждан. В СССР, где проживала значительная доля мирового еврейства и где оно занимало видное место в управлении и элите, отношение к нему представляет особый интерес.

Степень проработанности проблемы. В научной литературе антисемитизм изучается под углом зрения ксенофобии. При этом главное внимание уделяется государственному и намного меньше бытовому антисемитизму – так в литературе принято называть предубеждение и недоверие, раздражение и недоброжелательство к еврейским гражданам со стороны нееврейского населения. Однако бытовой антисемитизм имеет важное значение, потому что он многолик, обыден, каждодневно окружает и травмирует евреев и, кроме того, на него опирается государственный антисемитизм. В обществе с развитым иммунитетом против ксенофобии любой антисемитизм распространен слабо. В историографии бытовому антисемитизму уделяется недостаточно внимания по двум причинам. Во-первых, многие исследователи считают его производным от государственного и потому менее заслуживающим внимания. Во-вторых, его трудно изучать из-за недостатка источников – негативные отношения к любому этносу люди предпочитают скрывать и уж во всяком случае без крайней необходимости не афишировать.

История антисемитизма в СССР изучается в трех парадигмах: 1) успешное решение еврейского вопроса при советской власти и полное устранение этнического неравенства; 2) перманентная, жесткая и тотальная дискриминация евреев в политической, социальной, культурной, экономической жизни; 3) циклическая дискриминация, чередование периодов ее ослабления и ужесточения. Апологетические исследования национальной политики в СССР вышли из практики. Однако современные авторы, изучающие дискриминацию, существенно различаются в оценках ее масштаба. В отечественной историографии преобладают исследования, написанные в третьей парадигме, в западной – во второй парадигме, хотя везде встречаются работы, выходящие за границы господствующих взглядов¹.

Мировая литература, посвященная антисемитизму, насчитывает десятки тысяч наименований. О масштабе изучения проблемы дает представление международная аннотированная текущая библиография «Антисемитизм», ежегодно публиковавшаяся в Мюнхене издательством «De Gruyter Saur» с 1994 по 2013 гг. Всего было издано 22 тома, каждый объемом от 367 до 559 страниц. Общее число аннотированных произведений за 20 лет превысило 50 тыс. – в среднем по 2500 назва-

¹ *Верхотуров Д.М.* Сталин и евреи. М., 2015.

ний в год². В этой огромной базе литература об антисемитизме в СССР и постсоветской России занимает скромное место, и это подтверждается тем, что в предметном и систематическом каталогах РНБ зафиксированы всего 124 книги, брошюры и диссертации, посвященные непосредственно антисемитизму. В значительной мере это стало следствием того, что в СССР в 1930–1950-е гг. еврейская тема в историографии была практически закрытой. В 1960–1989 гг., когда она вновь получила права гражданства, немногочисленные историки еврейства антисемитизм не изучали, их интересы были сосредоточены на исследовании политической ссылки и каторги, революционной и профессиональной деятельности евреев³. Лишь с начала 1990-х гг. история советских евреев стала обстоятельно изучаться, благодаря чему появились крупные работы об антисемитизме⁴, историографические обзоры⁵ и библиографии⁶. Несмотря на успехи российской иудаики в постсоветский период, следует признать, что *бытовой антисемитизм в СССР изучен недостаточно*.

Цель исследования – оценка динамики и распространенности бытового антисемитизма в советский период.

Источниковая база. При изучении любых сюжетов историки по давней традиции отдают предпочтение нарративным источникам, в особенности эго-документам, убедительно и ярко живописующим изучаемые события и их участников. Это всегда привлекает внимание читателей и вызывает больший интерес, чем сухая, скучная и часто сложная для понимания статистика. Кроме того, среди историков бытует афоризм – «существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика». Однако самые любопытные и будоражающие факты отражают частные случаи. Всегда остается открытым вопрос – какую часть реальности они отражают, насколько они типичны и представительны? На этот вопрос может ответить только массовая статистика, при всей ее приблизительности и зависимости от мнения тех, кто ее производит. На наш взгляд, получить более или менее адекватную картину о распространенности и уровне развития бытового антисемитизма в СССР позволяют результаты выборов в местные Советы. Источниковедческий анализ электоральной статистики показывает, что она заслуживает доверия⁷ (подробнее об этом ниже).

Ключевые понятия исследования. Этническая дискриминация существует в странах в разных видах, поэтому представляется полезным определить ключевые поня-

² Antisemitism: An annotated Bibliography / Edited by The Vidal Sassoon International Center. München, 1994–2013.

³ Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия. Иерусалим: Б. и., 1979; Евреи в Советской России (1917–1967). Иерусалим, 1975; Книга о русском еврействе: 1917–1967. Нью-Йорк, 1968; *Zaslavsky V., Brym R.J.* Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. London, 1983.

⁴ *Ахиезер А.* Антисемитизм в России: [взгляд культуролога] // Вестник еврейского университета. 1992. № 1. С. 98–128; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М., 2005; *Костырченко Г.В.* 1) Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001; 2) Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012; 3) Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. М., 2019; *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. М., 2009; *Шафаревич И.Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2012.

⁵ Евреи в России: Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век. М. – Иерусалим, 1994; История и коллективная память: Сборник статей по еврейской историографии. М. – Иерусалим, 2008; *Натанс В.* Об историографии российского еврейства // Вестник Еврейского университета. 2001. № 6. С. 163–206; *Ульянова О.С.* Отечественная историография евреев в России в XIX–XXI столетии // Молодой ученый. 2010. № 6. С. 273–279.

⁶ *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой 1917–1991. СПб., 1996; Евреи: Библиографический указатель. Екатеринбург, 2006; Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: книги, брошюры, отски статьи, органы периодической печати: библиографический указатель. СПб., 1995; *Pinkus B.* Russian publications on Jews and Judaism in the Soviet Union, 1917–1967: A bibliography. Jerusalem, 1970.

⁷ *Миронов Б.Н.* О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 8–38.

тия, используемые в исследовании. Социальные психологи полагают, что антисемитизм – это форма ксенофобии, а ксенофобия – это механизм психологической защиты, который основывается на идее «мы» (свои) лучше, чем «они» (чужие), и функционирует на уровне инстинкта самосохранения. Различают инстинктивную и политическую ксенофобию. Первая – эмоционально-иррациональное по своей природе негативное отношение одной этнической группы к другой – в той или иной мере присуща любому обществу. Вторая – идейная ксенофобия, обоснованная различными логическими аргументами или псевдорациональными соображениями, охватывает массы в периоды кризисов и социальных потрясений и неразрывно связана с властью. В основе ксенофобии – коллективная потребность (бессознательная или сознательная) повысить престиж и самоуважение одной этнической группы путем создания негативного образа другой. Она проявляется в форме дискриминации и конструирования негативных стереотипов об одних и позитивных образов о других этносах. Вследствие этого ксенофобия способствует сплоченности и стабильности этнической группы – и в этом ее функциональное назначение и причина живучести⁸.

Антисемитизм – это форма ксенофобии. Но здесь есть два важных нюанса. Во-первых, антисемитизм – это ущемление в правах, стигматизация, враждебность, предубеждение в отношении исключительно *евреев*, а этническая ксенофобия – то же самое в отношении *любого этноса*. Проявления ксенофобии многообразны: дискриминация при приеме на работу и поступлении в высшие учебные заведения, в доступе к престижной профессии, невозможность на равных с другими этносами избираться в органы власти, исповедовать свою религию и т. п. Если такая политика проводится в отношении не только евреев, но и других этносов, то это не антисемитизм, а ксенофобия. Если аналогичным образом и практически в одинаковой степени нарушаются права всех народов страны, включая титульный или господствующий этнос, то это – проявления не антисемитизма или ксенофобии, а недемократичности режима. Во-вторых, ксенофобия ведет к тому, что определенные этносы ущемляются в правах, становятся неполноценными гражданами, занимают низшие ниши в образовательной и профессиональной структуре населения, недопредставлены в органах власти, имеют низкий жизненный уровень и негативные жизненные перспективы. Следовательно, признаками и показателями ксенофобии относительно какого-нибудь этноса следует считать его тяжелое социально-экономическое и политическое положение.

Термин «антисемитизм» появился в Европе лишь в конце 70-х гг. XIX в., хотя недоброжелательное отношение к евреям и иудаизму – древнее явление, зафиксированное еще в эллинистическо-римский период. Антисемитизм принимал самые разнообразные формы – от предубеждения и недоброжелательности до ненависти и погромов. В некоторых случаях он открыто и формально, на законодательном уровне, поддерживался государством и являлся частью национальной политики (например, в фашистской Германии или Италии), в других случаях правительство поощряло его неофициально и скрытно. Наконец, часто государство и на словах, и на деле выступало принципиальным противником антисемитизма, но последний, вопреки этому, существовал на бытовом уровне, как это наблюдается в настоящее время во всем мире, включая все европейские страны. Ввиду этого целесообразно отделять государственный антисемитизм от бытового или народного.

⁸ Кон И.С. Ксенофобия // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. 2008. URL: <https://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 30.10.2023); Хакимова С.В. Теоретические подходы к изучению явления ксенофобии // Грамота. 2015. № 11. С. 189–191.

Бытовой антисемитизм есть предубеждение и недоверие, раздражение и недоброжелательство, а в отдельных случаях даже открытая враждебность к еврейским гражданам. Нередко подобное отношение закрепляется в коллективных представлениях, в обычном праве и практиках и передается от родителей к детям, от одного поколения к другому.

Государственный антисемитизм существует в явной и скрытой форме. В первом случае – это легитимное, то есть на основе официального законодательства, преследование государством и по его указанию обществом евреев, потому что они евреи. Во втором случае большинство ограничительных мер не имеет формального законодательного или административного оформления, осуществляется по устным указаниям властей, маскируется под борьбу за межнациональную справедливость или против злоупотреблений евреями богатством и властью – это острая и тщательно скрываемая дискриминация евреев.

Необходимо различать действительные основания антисемитизма: а) расовые, этнические или религиозные и б) политические, социальные или экономические. В первом случае можно говорить о *традиционном антисемитизме* – бессознательном страхе и трансцендентном предубеждении по отношению к евреям, о своего рода архаическом или традиционном христианском юдофобстве, во втором – о *модернизированном антисемитизме* – проявлении недружелюбия, недоверия, враждебности, обусловленных реально действующими факторами, даже если они не вполне или неправильно осознаются и рефлексированы. Полезно также дифференцировать риторический или декларативный и фактический антисемитизм. В истории есть примеры, когда государство, потакая антиеврейским настроениям в обществе, на словах поддерживает антисемитизм, но не оказывает ему никакой фактической поддержки и при возможности отказывается и от риторики. Как верно заметил политолог Э. Паин:

Многие считают антисемитизм разновидностью ксенофобии (юдофобией), я же полагаю, что такая оценка не во всем верна. Вне зависимости от того была или не была присуща лично Сталину юдофобия, его национальную политику, в том числе и по отношению к евреям нельзя свести к проявлениям ксенофобии. Сталинский антисемитизм был совсем иным – осмысленным, контролируемым и прагматично-циничным. Диктатор использовал этот инструмент политики в определенные исторические моменты и мог, по своему усмотрению, возбуждать и останавливать антисемитские кампании, как и любые другие⁹.

Наконец, существует такая дискриминация еврейского этноса, которая имеет целью формальное ограничение его образовательных, карьерных и других возможностей ради того, чтобы создать преимущества и расчистить дорогу отстающим в развитии этносам, – это так называемая *позитивная дискриминация*¹⁰. Например, в США и Германии существовали ограничительные квоты на прием евреев в университеты или поддерживающие квоты для поступления чернокожих американцев в университеты, а в западноевропейских странах в настоящее время действуют обязательные квоты на долю женщин в законодательной и исполнительной власти. Позитивная дискриминация, конечно, нарушает принципы меритократии и демократии, согласно которым конкуренция должна быть честной, ее должны выигры-

⁹ Паин Э. Антисемитизм – фанатический и исторический. Об особенностях государственного антисемитизма в СССР. URL: <https://liberal.ru/foundation-council-materials/7570> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁰ Под позитивной дискриминацией, как правило, понимают политику, направленную на предоставление приоритета меньшинствам в той или иной сфере жизни (социальной, политической) путем установления для них привилегий или квот. Дискриминацию успешных ради отстающих принято называть позитивной дискриминацией. Этот буквальный перевод с английского нельзя считать удачным.

вать самые достойные и власть должна находиться в их руках. Однако в некоторых случаях равенство конкурентов было в прошлом несправедливо нарушено, и, чтобы его восстановить, необходимо использовать позитивную дискриминацию.

Евреи в местном управлении

Этнический состав депутатов местных Советов отражает отношение населения к еврейским гражданам, а потому и степень развития бытового антисемитизма. Объясню почему. Статус депутата местного Совета был ниже, чем республиканского и тем более всесоюзного. Иногда даже существовал дефицит кандидатов в депутаты сельских и поселковых Советов. Поэтому уровень конкуренции на местных выборах был ниже, избирательные кампании не сопровождались ни высоким напряжением политических страстей, ни высоким уровнем соревновательности. Результаты местных выборов определялись не столько воздействием со стороны властей и средств массовой информации, сколько внутренними обстоятельствами: общим состоянием данной местности, ситуацией в сфере межэтнических отношений, установками избирателей и их непосредственным знакомством с кандидатами. Корпус депутатов местных Советов в 1927–1989 гг. насчитывал от 1,3 до 2,4 млн чел. (табл. 1), и в доцифровую эпоху тщательно отфильтровать их состав у властей не было возможности. Кроме того, избиратели, как правило, знали кандидатов в местные Советы лично, провести в депутаты одиозных, с точки зрения населения, людей было затруднительно, а главное – такой руководитель не пользовался бы уважением, что дискредитировало бы не только местную власть, но власть в принципе.

Руководство страны всегда стремилось сформировать корпус депутатов любого уровня из лояльных и пользующихся доверием и авторитетом у населения людей. Это в равной степени относилось и к Советам первичного уровня (сельским, поселковым, районным, городским). Власти прекрасно сознавали, что именно местные органы власти, имеющие ежедневные контакты с населением, могли как способствовать воплощению в жизнь, так и саботировать исполнение их решений, разжигать и гасить социальные и межнациональные конфликты. В силу указанных причин при подборе кандидатов в первичные Советы руководство считалось с настроениями, потребностями, желаниями и предрассудками (в том числе этническими) рядовых избирателей, состоявших главным образом из рабочих и крестьян, не обладавших высокой культурой, особенно в довоенное время, и разделявших многие традиционные предубеждения и ложные представления. В 1939 г. 89,2 % мужчин и женщин в возрасте 20 лет и старше имели лишь начальное образование и ниже, 9,6 % – среднее и 1,2 % – высшее. В среднем типичный советский человек в 1939 г. учился в школе лишь 3,6 года, в 1959 г. – 5,1 года, в 1979 г. – 7,8 года и в 1989 г. – 9,2 года, а значит, в 1939–1959 гг. имел начальное образование, в 1979–1989 гг. – неполное среднее¹¹. Отсюда следует, что на местных выборах у избирателя было больше возможностей для выражения своих предпочтений, благодаря чему состав местных Советов адекватнее всесоюзных и республиканских Советов отражал массовые настроения и межэтнические установки населения, его отношение к еврейским кандидатам и депутатам, к еврейскому этносу в целом и к национальной политике¹².

Источником исследования является официальная электоральная статистика. Данные о выборах в местные Советы в 1918–1921 гг. собирались, но не обобщались

¹¹ Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке: (социально-демографический анализ). Иерусалим, 2007. С. 98.

¹² Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. 1991. № 3. С. 3–17.

по причине их недостатка. Есть сведения за 1922–1989 гг., но до 1926 г. они имеют лакуны: в 1922 г. их прислали 318 уездов, или 69 %; в 1923 г. – 341 уезд, или 74 %; в 1924 г. – 388 уездов, или 84 %; в 1925 г. – 334 уезда, или 80 %¹³. В последующие годы данные стали охватывать всю территорию страны. В постсоветской историографии электоральная статистика, как и вся советская статистика, подвергалась критике, однако голословно или основываясь на слухах и предположениях – прямых свидетельств массовой фальсификации электоральной статистики не приведено. Но очевидно, что цифры официальной статистики в 1920–1930-е гг. не отличались совершенством. Власти утверждали, что с 1925 г. статистика стала улучшаться, а с 1937 г. стала удовлетворительной¹⁴. К сожалению, проверить ее надежность в масштабе больших регионов нет возможности. Тем не менее в политической жизни страны состоялся эксперимент, который верифицировал электоральную статистику. Выборы в Верховный Совет 1–11-го созывов проходили под жестким контролем и, как некоторые думают, по принуждению, а выборы на Съезд народных депутатов в 1989 г. – в условиях свободы (наличия альтернативных кандидатов и публичного обсуждения различных предвыборных программ). Сравнение результатов выборов позволяет, на наш взгляд, ответить на вопрос о степени реальной поддержки коммунистов и, значит, установить предельные масштабы возможной фальсификации результатов голосования. В марте – мае 1989 г. 87,02 % избирателей, или, учитывая явку (89,75 %), 78,1 % взрослого населения страны, поддержали коммунистов, то есть по-прежнему им доверяли. И это на протестной волне, захлестнувшей страну после всех трудностей, несчастий и катастроф, пережитых в годы перестройки. Представляется маловероятным, что в докризисные годы коммунисты имели меньшую поддержку, чем в 1989 г. Следовательно, можно предположить, что фальсификация результатов выборов в Советы до 1989 г., если она и была, составляла менее 13 %. Другими словами, блок коммунистов и беспартийных постоянно имел огромную поддержку населения. То же получается при сравнении результатов выборов в Советы всех уровней в годы перестройки¹⁵.

Для оценки дискриминации еврейских граждан в местных Советах будем использовать следующие показатели: 1) доля (в процентах) еврейских граждан в общей численности депутатов и 2) соотношение доли еврейских депутатов и доли еврейских граждан во всем занятом населении. Первый показатель измеряет степень участия и влияния еврейского этноса в Советах, второй – его представительность (назовем его индексом этнополитической репрезентативности – ИЭПР). Оба показателя широко применяются на практике, хотя второй точно не рассчитывается. Индекс репрезентативности евреев позволяет оценить неравенство точнее: если он больше единицы, то евреи сверхпредставлены в Советах и пользуются доверием у властей и избирателей, если меньше единицы, то они недопредставлены, не признаются властями достаточно лояльными, а у населения не пользуются большим доверием. Если же индекс примерно равен единице, то еврейские граждане представлены в Советах пропорционально и демократически. Поскольку индекс принимает любые величины, по нему можно судить о степени распространения позитивного и негативного отношения к еврейскому этносу со стороны власти и населения.

Статистика участия еврейских граждан в местных органах власти в СССР за 1926–1987 гг. показана в табл. 1.

¹³ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 году (Предварительные итоги) / РСФСР. М., 1926. С. 1–2.

¹⁴ Белоновский В.Н., Белоновский А.В. Представительство и выборы в России с древнейших времен до XVII века: (Теория, история, практика). М., 1999. С. 7.

¹⁵ Мironov B.N. О нелегитимности советской власти... С. 8–38.

Таблица 1

Представленность еврейских граждан в местных Советах разного уровня в СССР в 1926–1987 гг.

Год	Доля еврейских депутатов в Советах, %						Всего еврейских депутатов		
	Област-ных	Районных	Город-ских	Районных в городах	Поселко-вых	Сельских	Кол-во чел.	Доля, %	Репрезента-тивность
1927	1,51	2,54	5,31		0,74	0,35	17466	0,78	0,43
1939	2,75	1,57	6,07		3,04	0,43	16282	1,27	0,71
1959	0,37	0,54	1,30	1,53	0,85	0,17	7624	0,42	0,40
1961	0,46	0,52	1,25	1,62	0,78	0,15	7593	0,42	0,40
1965	0,58	0,47	1,24	1,64	0,70	0,12	8124	0,40	0,41
1967	0,63	0,38	1,21	1,70	0,59	0,11	7881	0,39	0,42
1969	0,55	0,29	1,00	1,38	0,47	0,09	6619	0,32	0,36
1971	0,47	0,25	0,85	1,18	0,43	0,09	6030	0,28	0,31
1973	0,34	0,21	0,68	0,95	0,35	0,08	5173	0,24	0,30
1975	0,30	0,19	0,59	0,78	0,32	0,06	4519	0,20	0,29
1977	0,30	0,16	0,55	0,69	0,28	0,05	4104	0,18	0,27
1980	0,39	0,14	0,50	0,66	0,24	0,04	3828	0,17	0,27
1982	0,35	0,12	0,46	0,69	0,20	0,04	3685	0,16	0,26
1985	0,33	0,11	0,43	0,67	0,20	0,04	3530	0,15	0,26
1987	0,28	0,08	0,37	0,58	0,17	0,03	3063	0,13	0,25

Подсчитано по: Национальный состав выборных органов власти РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 70–71; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 90–91; С. 8–9; Евреи // Большая советская энциклопедия: в 65 т. 1-е изд. М., 1932. Т. 24. С. 85–101; Итоги выборов в местные советы депутатов трудящихся РСФСР 24 дек. 1939 г. М., 1940; Состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1959 г.: (Стат. сборник) / Отд. по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1959. С. 7–85; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся. 1961 г.; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1963 г.: (стат. сборник) / Отд. по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1963; 1969; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1971 г... М., 1971; 1973; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов... 1975 г... М., 1975; 1977; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов... 1980 г... М., 1980; 1982; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов... 1985 г... М., 1985; Состав депутатов, исполнительных комитетов и резервных депутатов местных советов (стат. сборник). М., 1987; *Болтенкова Л. Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988. С. 93, 96; *Константинов В.* Еврейское население бывшего СССР в XX веке. Иерусалим, 2007. С. 251–252.

В 1917–1987 гг. еврейский этнос имел своих представителей во всех местных Советах, но постоянно в 2–4 раза ниже своей доли в составе населения, а удельный вес евреев среди депутатов с 1927 по 1987 гг. упал с 0,78 до 0,13 %. В местных Советах РСФСР, УССР и БССР, где в 1926–1939 гг. проживало 95–96 % всех советских евреев, а в послевоенное время – 80–82 % от их общей численности в СССР, наблюдалась та же картина (табл. 2).

В местных Советах других отдельно взятых республик проявились те же тенденции – низкий процент еврейских депутатов и растущая недопредставленность еврейского этноса в послевоенные годы (табл. 3).

Еврейский народ являлся самым урбанизированным. В 1897 г. в Российской империи в городах проживало около 82 %¹⁶ евреев, в СССР в 1926 г. – 83 % и в 1989 г. – 99 % советских евреев, что способствовало их большому вовлечению в городские дела. В городских Советах доля евреев среди депутатов была действительно выше, чем в сельских (табл. 4).

¹⁶ Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). Иерусалим, 1994. С. 382–390.

Таблица 2

Представленность еврейских граждан в местных Советах РСФСР, УССР и БССР в 1926–1987 гг.

Республика	Год	Доля еврейских депутатов в Советах, %					Всего еврейских депутатов		
		Областных	Районных	Городских	Поселковых	Сельских	Кол-во чел.	Доля, %	Репрезентативность
РСФСР	1927	1,61	0,34	2,00	0,09	0,04	2708	0,17	0,29
	1939	2,04	0,51	4,35	0,89	0,11	4072	0,50	0,57
	1961	-	-	-	-	-	3522	0,36	0,46
	1979	-	-	-	-	-	2071	0,18	0,34
	1985	-	-	-	-	-	3530	0,15	0,37
	1987	-	-	-	-	-	-	0,12	0,28
УССР	1924	-	2,80	21,50	-	1,60	-	-	-
	1925	-	7,20	20,60	19,10	1,50	-	-	-
	1926	-	7,10	19,60	21,70	1,40	-	-	-
	1927	1,09	9,39	19,34	-	1,53	13160	3,23	0,59
	1928	-	8,10	18,60	23,30	1,60	-	-	-
	1929	1,20	9,00	20,13	-	1,61	15616	3,59	0,66
	1959	-	-	-	-	-	1966	0,52	0,26
	1990	-	-	-	-	-	588	0,19	0,20
БССР	1927	-	16,79	30,66	5,81	2,29	3130	6,32	0,77
	1929	-	18,02	30,47	8,76	2,53	3925	5,83	0,71
	1959	-	-	-	-	-	853	1,09	0,59
	1987	0,51	0,23	1,42	0,29	0,08	285	0,33	0,30
	1990	-	-	-	-	-	128	0,27	0,25

Источники: см. примеч. к табл. 1; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР: (Стат. сб.) / Отд. по вопросам работы Советов Президиума Верхов. Совета РСФСР. М., 1969; 1971; 1973; 1975; 1977; 1980; 1982; 1987; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР 1961 г.: (Стат. сб.) / Отд. по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. Минск, 1961; Итоги выборов и состав депутатов... Белорусской ССР 1963 г. ... Минск, 1963; Итоги выборов и состав депутатов... Белорусской ССР 1965 г. ... Минск, 1965; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР: (Стат. сб.) / Отд. по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. Минск, 1975; 1977; 1982; 1985; 1987.

Таблица 3

Представленность еврейских граждан в местных Советах союзных республик в 1959 и 1990 гг.

Республика	Еврейские депутаты				Репрезентативность	
	Кол-во чел.		Доля, %		1959	1990
	1959	1990	1959	1990		
Россия	3471	-	0,36	-	0,49	-
Украина	1966	588	0,52	0,19	0,26	0,20
Белоруссия	853	128	1,09	0,27	0,59	0,25
Молдавия	210	51	0,79	0,19	0,24	0,13
Литва	74	-	0,22	-	0,24	-
Латвия	88	20	0,42	0,14	0,24	0,16
Эстония	27	-	0,23	-	0,51	-
Грузия	62	-	0,15	-	0,12	-
Армения	4	-	0,02	-	0,33	-
Азербайджан	100	-	0,30	-	0,28	-
Казахстан	337	67	0,42	0,08	1,40	0,67
Узбекистан	261	82	0,44	0,11	0,38	0,23
Киргизия	83	14	0,48	0,11	1,14	0,79
Таджикистан	50	8	0,34	0,05	0,54	0,17
Туркмения	38	8	0,27	0,06	1,00	0,86
Всего	7624	966	0,42	0,16	0,39	0,11

Подсчитано по: Состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1959 г. С. 70–85; Константинов В. Еврейское население. С. 253.

Таблица 4

Доля еврейского этноса в городских местных Советах СССР в 1927–1987 гг.

Год	Доля евреев среди депутатов городских Советов	Доля евреев в городском населении	Индекс репрезентативности
1927	5,31	8,16	0,65
1929	6,23	7,58	0,82
1939	6,07	4,69	1,29
1959	2,83	2,16	1,31
1961	2,87	2,05	1,40
1965	2,88	1,83	1,58
1967	2,91	1,72	1,70
1969	2,38	1,49	1,59
1971	2,03	1,50	1,35
1973	1,63	1,40	1,16
1975	1,37	1,30	1,05
1977	1,24	1,20	1,03
1980	1,16	1,07	1,09
1982	1,15	1,00	1,15
1985	1,10	0,90	1,23
1987	0,95	0,83	1,15

Источники: см. примеч. к табл. 1.

Несмотря на это, в 1927–1939 гг. представительность евреев в городских Советах все равно находилась ниже их доли в населении, притом что в 1926–1934 гг. в СССР проводилась активная кампания против антисемитизма. Напротив, во все-союзных и республиканских Советах евреи были сверхпредставлены. Получается, что те же самые избиратели в одно и то же время (поскольку выборы в Советы всех уровней проводились одновременно) проявляли разное отношение к еврейским кандидатам: при выборах в местные Советы им не доверяли, а при выборах в республиканские и всесоюзные – доверяли. Представительность евреев росла от сельских к районным, республиканским и всесоюзным Советам. В поселковых Советах, т. е. в поселениях городского типа, до революции 1917 г. в черте еврейской оседлости часто бывших еврейскими местечками, репрезентативность была выше, чем в сельских и районных Советах. Эта закономерность наблюдалась и в 1970–1980-е гг. (табл. 5).

Рост репрезентативности евреев от сельских к районным, республиканским и всесоюзным Советам в довоенное время можно объяснить тремя факторами. Во-первых, евреи как горожане по преимуществу жили не в селах и деревнях, а в городских поселениях, поэтому управление малозначимыми сельскими поселениями было вне их интересов и компетенции, и они не претендовали на представительство в сельских Советах. Но интерес возрастал по мере повышения статуса Совета, наличия на его территории еврейского населения и распространенности торгово-промышленных занятий. Во-вторых, власти не имели больших возможностей влиять на состав первичных Советов, но могли регулировать представительство евреев в Советах более высокого уровня. В-третьих, существовал бытовой, или народный, антисемитизм, всплеск которого как раз и наблюдался в 1920-е гг. вследствие обострения социально-экономической и политической ситуации в обществе. Конечно, городское местожительство не служило непреодолимым препятствием для участия евреев в сельских Советах. Мы знаем, как посылали рабочих создавать колхозы в 1929–1933 г.

Тем не менее возможность влиять на выборы и бытовой антисемитизм, несомненно, могли сказываться на результатах выборов. Что дает основание так думать?

Таблица 5

Индекс репрезентативности еврейских граждан в Советах разного уровня в 1926–1987 гг.

Год	Индекс репрезентативности в Советах					
	СССР	Союзных республик	Районных	Поселковых	Сельских	Всех местных
1926	2,91	4,02	1,40	0,41	0,19	0,43
1939	2,32	2,09	0,88	1,71	0,24	0,71
1975	0,44	–	0,23	0,39	0,07	0,29
1980	0,45	–	0,20	0,34	0,06	0,27
1987	0,92	0,81*	0,18	0,32	0,06	0,26

Источники: см. примеч. к табл. 1. * – 1990 г.

В СССР до выборов депутатов на Съезд народных депутатов 1989 г. избирательный процесс находился под полным контролем правящей партии, включая выдвижение депутатов, делегирование населением представителей в избирательные комиссии, голосование, подсчет голосов и объявление результатов, причем контроль со временем возрастал. Однако избирательная процедура, в особенности в 1918–1936 гг., давала избирателям возможность повлиять на депутатский корпус низовых первичных Советов и совсем лишала их возможности проконтролировать результаты голосования на выборах в республиканские и всесоюзные Советы по двум причинам.

1. В избирательной процедуре 1918–1935 гг. имелись элементы традиционной народной демократии, прежде всего открытое коллективное голосование, нивелировавшее мнения отдельных избирателей и позволявшее проявлять только коллективное массовое типичное отношение к кандидатам, особенно при прямых выборах в сельские и городские Советы. До Конституции 1936 г. выборы во все Советы, кроме городских и сельских, были многостепенными и косвенными. Волостные и уездные Советы выбирались сельскими Советами, а губернские и областные – городскими и волостными и т. д., благодаря чему власти имели возможность провести нужного кандидата в Советы любого уровня. Действовал *производственно-территориальный принцип выборов*. В городах и поселках городского типа избирательные собрания устраивались по предприятиям, учреждениям и профессиональным союзам. Не охваченные ими кустари, домашние хозяйки, извозчики и т. п. участвовали в выборах по территориальным единицам (районам, участкам и т. п.). Сельские жители избирали депутатов *по месту жительства*. По закону вопрос о закрытом или открытом голосовании определялся губернскими (областными) избирательными комиссиями. По факту выборы проводились на собраниях, на которые допускались лишь лица, пользующиеся избирательным правом, путем открытого голосования (поднятием руки). Как правило, избирателям предлагался одобрить или отклонить весь список кандидатов, хотя не запрещалось выдвигать альтернативных кандидатов.

2. Властям было трудно провести в низовые Советы депутата, к которому избиратели относились отрицательно, а подтасовка и искажение результатов голосования представлялись почти невыполнимой задачей – избиратели отлично знали, за кого они голосовали. При выборах в республиканские и всесоюзные Советы, как хорошо известно, проверить итоги голосования было невозможно. Поэтому в списки кандидатов депутатов местных Советов включались кандидаты, которые удо-

влетворяли не только интересы власти, но и запросы населения, а при составлении списков кандидатов депутатов в республиканские и всесоюзные Советы власти считались прежде всего с государственными интересами, тем более что в высших эшелонах управления находилось немало еврейских граждан. Кроме того, результаты выборов в республиканские и всесоюзные Советы становились достоянием советской и зарубежной общественности, и руководство страны старалось антиеврейские настроения населения скрыть. В силу этого индексы репрезентативности оценивают доверие избирателей и политический статус этносов, участвовавших в местных выборах, и есть резон посмотреть на репрезентативность евреев сравнительно с другими этносами.

Мы располагаем сведениями о репрезентативности 29 этносов в местных Советах РСФСР в 1927 г. и 36 этносов в 1939 г., а также о репрезентативности 39 этносов в местных Советах СССР в 1963 г. и 97 этносов в 1985 г. В табл. 6 приведены извлечения из этих сведений – данные о четырех самых недопредставленных и четырех самых сверхпредставленных этносов (табл. 6).

Таблица 6

Этнический состав местных Советов РСФСР в 1927 и 1939 гг. и СССР в 1939, 1963 и 1985 гг.

Местные Советы РСФСР				Местные Советы СССР			
1927		1939		1963		1985	
Этнос	ИЭПР	Этнос	ИЭПР	Этнос	ИЭПР	Этнос	ИЭПР
<i>Самые недопредставленные</i>							
Евреи	0,14	Евреи	0,57	Евреи	0,35	Цыгане	0,26
Узбеки	0,19	Грузины	0,60	Хакасы	0,61	Евреи	0,46
Поляки	0,23	Карелы	0,61	Русские	0,90	Корейцы	0,50
Белорусы	0,25	Армяне	0,67	Татары	0,90	Словаки	0,51
<i>Самые сверхпредставленные</i>							
Коми	2,02	Якуты	2,28	Дагестанцы	1,88	Коряки	4,06
Чуваши	2,24	Народы Крайнего Севера	22,78	Алтайцы	2,03	Чукчи	5,18
Корейцы	2,36	Удмурты	25,20	Карачаевцы	2,19	Эскимосы	5,75
Якуты	2,50	Дагестанцы	46,12	Якуты	2,75	Ительмены	5,88

Источники: см. примеч. к табл. 1, 2.

В трех списках евреи были первыми по недопредставленности, в одном (1985 г.) – вторыми после цыган (в 1927, 1939 и 1963 гг. цыган в местном управлении не зафиксировано). Индекс репрезентативности равнялся в 1927 г. 0,14, в 1939 г. – 0,57, в 1963 г. – 0,35, в 1985 г. – 0,46. Это означает, что еврейский этнос был представлен ниже доли в населении: в 1927 г. – в 7,1 раза, в 1939 г. – в 1,8 раза, в 1963 г. – в 2,9 раза и в 1985 г. – 2,2 раза. С учетом большой активности еврейских граждан в общественно-политических делах и низкой вероятности отказа по собственному желанию от предложения стать депутатами местных Советов эти данные можно интерпретировать как наличие предубеждения и недоверия к этносу со стороны широких слоев населения, особенно в регионах массового проживания евреев.

Лидеры страны знали об антиеврейских настроениях в обществе и использовали их в политических целях. Видные руководители еврейского происхождения старались быть менее заметными для общественности или скрывали свое еврейское происхождение и имя под псевдонимом. Л.Д. Троцкий в 1918 г. отказался принять пост комиссара внутренних дел из-за опасения дать врагам советской власти антисемитское оружие. По той же причине в 1924 г., после смерти В.И. Ленина, новым главой Совнаркома был назначен русский А.И. Рыков, а не еврей Л.Б. Каменев. В 1926 г. в анкете члена ЦИК третьего созыва Троцкий и Каменев не указали свою

национальность. В 1924 г. сестра В.И. Ленина А.И. Ульянова выяснила, что их дед с материнской стороны, Александр Дмитриевич Бланк, был евреем, зарегистрированным при рождении как Сруль Мойшевич Бланк. Институт Ленина признал данное открытие «неудобным для разглашения» и рекомендовал «держаться этот факт в секрете». Ульянова дважды, в 1932 г. и 1934 г., обращалась лично к И. Сталину с просьбой пересмотреть принятое решение и уведомить об этом партию, полагая, что ее находка является важным научным подтверждением «данных об исключительных способностях семитического племени» и о «чрезвычайно благотворном влиянии» еврейской крови «при смешанных браках на потомство», а также мощным оружием в борьбе с антисемитизмом, «вследствие того авторитета и той любви, которой Ильич пользуется в массах». Сталин распорядился «молчать... абсолютно»¹⁷. В 1920–1930-е гг. ни один из видных коммунистов еврейского происхождения не желал быть евреем. Троцкий заявил: «Я – не еврей. Я – социал-демократ! Я – интернационалист»¹⁸. По той же причине широкое распространение получило использование псевдонимов людьми свободных профессий, подвизавшихся в литературе, искусстве, театре и журналистике. По свидетельству известного журналиста и писателя Д.И. Ортенберга (1904–1998), редакторы ведущих советских газет не позднее 1936 г. получили негласное указание И. Сталина взять русские псевдонимы журналистам-евреям якобы под предлогом «Не надо дразнить Гитлера»¹⁹. Однако в 1936 г. советско-германские отношения были на таком низком уровне, что ссылка на Гитлера выглядела смешной. Истинная причина состояла в другом – не раздражать публику. Причем когда было нужно бросить тень на еврея, указывали, смотря по обстоятельствам, ненароком или намеренно его национальность посредством прозрачных намеков или раскрытия псевдонима. Вероятно, эта практика восходит к Ленину. В 1911 г. он написал неизвестно кому отправленное письмо «О краске стыда у Иудушки Троцкого», где назвал Л.Д. Троцкого Иудушкой²⁰. В данном случае имелся в виду не евангельский апостол Иуда Искариот, а Иудушка Головлев – персонаж романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Автор дал герою это имя намеренно, чтобы оно ассоциировалось с библейским апостолом. Неслучайно в интеллигентских кругах имя Иудушка после романа стало персонифицироваться со всякого рода предательством, лицемерием, замаскированным злодейством²¹. По распоряжению Сталина вышеназванное письмо было опубликовано в газете «Правда» 21 января 1932 г., и с тех пор данное Лениным прозвище прочно прилипло к Троцкому и часто использовалось в пропаганде. Такая практика получила широкое распространение в 1920-е гг. во время борьбы Сталина с оппозицией. У всех евреев, попадавших в немилость к власти, имевшиеся псевдонимы непременно раскрывались.

Когда евреи привлекались к управлению в исполнительных органах, национальность можно было скрыть за псевдонимом. При выборах в Советы национальность депутата всегда становилась достоянием избирателей, и принадлежность к еврейскому этносу могла вызвать и действительно вызывала кривотолки среди населения о засилье евреев. При назначении же на должность в госпартаппарате, судебных и правоохранительных органах национальность была известна только узкому кругу

¹⁷ *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной: (Об истории спекуляции вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С. 51–67.

¹⁸ *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: евреи в современном мире. М., 2005. С. 224.

¹⁹ *Ортенберг Д.И.* Сорок третий: рассказ-хроника. М., 1991. С. 399.

²⁰ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1993. С. 96.

²¹ *Бушмин А.С., Макашин С.А.* Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1984. С. 160.

лиц. Этим объяснялась высокая представленность еврейского этноса в исполнительной власти сравнительно с законодательной. Исследователи, изучавшие этнический состав властных структур, на данное обстоятельство постоянно жаловались, так, например, А.И. Солженицын писал:

Посты внутригосударственного аппарата могут оставаться подолгу скрытыми (при сохраняемой конспиративности ВКПб, уже и пришедшей к власти) <...> Многие партийные посты не оглашались даже и в «Правде»²².

Выводы

Подозрительное, недоверчивое или настороженное отношение к евреям со стороны неевреев было распространено на протяжении всего советского периода (как, впрочем, и евреев к русским и вообще к неевреям²³). Но, как правило, это не являлось антисемитизмом или какой-либо этнофобией в чистом виде. Антиеврейские настроения среди населения и даже правящего класса не привели к исключению евреев из общественной жизни СССР, управления государством и бизнесом²⁴. Только переход многих евреев в оппозицию к режиму и массовая эмиграция на Запад, начавшаяся в 1950-е гг., принципиально ухудшили отношение к ним со стороны и властей и «простых советских людей». Однако ни в одном государстве мира при негативном отношении к власти еврейские граждане не могли бы пользоваться ее любовью и покровительством. Жалобы на дискриминацию можно считать несколько преувеличенными: евреи не были угнетены и принижены в большей мере, чем граждане других национальностей; когда страдали евреи, страдали все народы Советского Союза, и, наоборот.

Бытовой антисемитизм – международное явление. От Средних веков до настоящего времени он распространен в мире повсеместно, включая Европу и США, лишь меняя свои формы²⁵. Россия отнюдь не была здесь лидером в прошлом, не является и в настоящем. М. Брунштейн – советский еврей, с 1991 г. живущий в Израиле, спортсмен и дипломированный каббалист, называет антисемитизм законом природы:

Антисемитизм – это не изобретение немцев или русских, это такое же явление природы, как дождь или снег. Он может проявиться в любой момент и может в любой момент затихнуть. Он предсказуем своим постоянством и не предсказуем местом и временем. С уверенностью можно сказать лишь одно – в покое евреев не оставят. Мы утверждаем, что антисемитизм – это закон природы²⁶.

Согласиться с этим трудно. Ксенофобия в разных ее формах, включая антисемитизм, является механизмом психологической защиты. В ее основе – коллективное стремление повысить авторитет и самоуважение этноса посредством конструи-

²² Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2009. С. 218, 290.

²³ Там же. С. 435–436.

²⁴ Миронов Б.Н. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24; Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. С. 149–173.

²⁵ Гудков Л.Д. Антисемитизм и ксенофобия в современной России (по материалам исследования 2020 года). Ежегодник 5781. Институт Евро-Азиатских Еврейских Исследований. М., 2021. URL: <https://institute.eajc.org/антисемитизм-и-ксенофобия-в-современ/> (дата обращения: 30.10.2023); ADL Survey: The ‘most antisemitic’ countries in Europe are also the whitest, most Christian, and safest // Christians for Truth Team. 2019. 22 November. URL: <https://christiansfortruth.com/adl-survey-most-antisemitic-countries-in-europe-are-also-whitest-most-christian-and-safest/> (дата обращения: 09.10.2023).

²⁶ Брунштейн М. Антисемитизм как закон природы. На основе лекций Михаэля Лайтмана. М., 2014. С. 92.

рования позитивных стереотипов о себе и негативных о других. Вследствие этого ксенофобия способствует сплоченности и стабильности этноса, в этом ее функциональное назначение и причина живучести.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.04.2024

References

- Abramova, O., Borodulina, G., and Koloskova, T. *Mezhdru pravdoi i istinnoi: (Ob istorii spekulatsii vokrug rodosloviia V.I. Lenina)* [Between truth and truth: (On the history of speculation around the genealogy of V.I. Lenin)]. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 1998 (in Russian).
- Akhiezer, A. "Antisemitizm v Rossii: vzglyad kul'turologa [Anti-Semitism in Russia: the view of a culturologist]." *Vestnik evreiskogo universiteta*, no. 1 (1992): 98–128 (in Russian).
- Belonovskii, V.N., and Belonovskii, A.V. *Predstavitel'stvo i vybory v Rossii s drevneishikh vremen do XVII veka: (Teoriia, istoriia, praktika)* [Representation and elections in Russia from ancient times to the 17th century: (Theory, history, practice)]. Moscow: Prior Publ., 1999 (in Russian).
- Blyum, A.V. *Evreiskii vopros pod sovetskoi tsenzuroi 1917–1991* [The Jewish Question under Soviet Censorship 1917–1991]. St. Petersburg: St. Petersburg European University Publ., 1996 (in Russian).
- Boltenkova, L.F. *Internatsionalizm v deistvii* [Internationalism in action]. Moscow: Mysl' Publ., 1988 (in Russian).
- Brushtein, M. *Antisemitizm kak zakon prirody. Na osnove lektzii Mikhaelii Laitmana* [Anti-Semitism as a law of nature. Based on lectures by Michael Laitman]. Moscow: AST Publ., 2014 (in Russian).
- Budnitskii, O.V. *Rossiiskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between Reds and Whites (1917–1920)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005 (in Russian).
- Bushmin, A.S., and Makashin, S.A. *Evolutsiia satiry Saltykova-Shchedrina* [The evolution of Saltykov-Shchedrin's satire]. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Gudkov, L.D. *Antisemitizm i ksenofobiia v sovremennoi Rossii (po materialam issledovaniia 2020 goda)* [Antisemitism and xenophobia in modern Russia (based on a 2020 study)]. Moscow: IEAEI Publ., 2021 (in Russian).
- Khakimova, S.V. "Teoreticheskie podkhody k izucheniiu yavleniia ksenofobii [Theoretical approaches to studying the phenomenon of xenophobia]." *Gramota*, no. 11 (2015): 189–191 (in Russian).
- Konstantinov, V. *Evreiskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke: (sotsial'no-demograficheskii analiz)* [Jewish population of the former USSR in the twentieth century: (socio-demographic analysis)]. Jerusalem: Lira Publ., 2007 (in Russian).
- Kostyrchenko, G.V. *Tainaia politika Khrushcheva: vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros* [Khrushchev's secret politics: power, intelligentsia, the Jewish question]. Moscow: International relationships Publ., 2012 (in Russian).
- Kostyrchenko, G.V. *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Politics: Power and Anti-Semitism]. Moscow: International relationships Publ., 2001 (in Russian).
- Kostyrchenko, G.V. *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva* [Secret politics: from Brezhnev to Gorbachev]. Moscow: International relationships Publ., 2019 (in Russian).
- Mironov, B. N. "From korenizatsiia to sovereignty: How the disintegration of the USSR has been preparing." *Russiiskaia Istoriiia*, no. 6 (2021): 3–24 (in Russian).
- Mironov, B.N. "Ethnic Discrimination in the Formation of State Bodies of the USSR." *Modern History of Russia* 11, no. 1 (2021): 149–173 (in Russian).
- Mironov, B.N. "On the Illegitimacy of the Soviet Power." *Modern History of Russia* 12, no. 1 (2022): 8–38 (in Russian).
- Natans, V. "Ob istoriografii rossiiskogo evreistva [On the historiography of Russian Jewry]." *Vestnik Evreiskogo universiteta*, no. 6 (2001): 163–206 (in Russian).
- Ortenberg, D.I. *Sorok tretii: rasskaz-khronika* [Forty-third: chronicle story]. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Pain, E. *Antisemitizm – fanaticheskii i istoricheskii. Ob osobennostiakh gosudarstvennogo antisemitizma v SSSR* [Anti-Semitism is fanatical and historical. On the peculiarities of state anti-Semitism in the USSR].

- in the USSR], accessed October 30, 2023, <https://liberal.ru/foundation-council-materials/7570/> (in Russian).
- Shafarevich, I.R. *Russkii narod v bitve tsivilizatsii* [Russian people in the battle of civilizations]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2012 (in Russian).
- Slezkin, Iu. *Era Merkurii: evrei v sovremennom mire* [The Age of Mercury: Jews in the Modern World]. Moscow: New Literary Review Publ., 2005 (in Russian).
- Solzhenitsyn, A.I. *Dvesti let vmeste* [Two hundred years together]. Moscow: PROZAIK Publ., 2009 (in Russian).
- Tishkov, V.A. “Etnichnost’ i vlast’ v SSSR (etnopoliticheskii analiz respublikanskikh organov vlasti) [Ethnicity’ and power’ in the USSR (ethnopolitical analysis of republican authorities)].” *Sovetskaia etnografiia*, no. 3 (1991): 3–17 (in Russian).
- Ulyanova, O.S. “Otechestvennaia istoriografiia evreev v Rossii v XIX–XXI stoletii [Domestic historiography of Jews in Russia in the XIX – XXI centuries].” *Molodoi uchenyi*, no. 1 (2010): 273–279 (in Russian).
- Verkhoturov, D.M. *Stalin i evrei* [Stalin and the Jews]. Moscow: Yauza-press Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борис Николаевич Миронов, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN-код: 7919-3929

Boris Nikolaevich Mironov, Dr. Habil. History, Professor of the Department of Source Studies of Russian History, St Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia; mironov1942@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8559-0019>; SPIN-code: 7919-3929

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>
EDN: SIHFSK

Научная статья / Research article

**Россия и Центральный Кавказ
в советском и современном научном дискурсе:
от «колониализма» до российской государственности**

Залина Владимировна Канукова ^a, Берта Владимировна Туаева ^a,
Залина Тимуровна Плиева ^b

^a Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

^b Государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

 z.kanukova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена проблема присоединения народов Центрального Кавказа к России в советской и современной историографии. Цель заключается в определении основных тенденций регионального сегмента советской историографии, которые остаются актуальными в современном дискурсе, и в представлении современного вектора исследования обозначенной проблемы. Дана периодизация историографии советского периода. Выявлено, что в 1930-е гг. произошла замена формулы «абсолютного зла» на формулу «наименьшего зла» с точки зрения присоединения нерусских народов к России. В 1950-е гг. был взят курс на обоснование прогрессивной роли присоединения нерусских народов, и появилась идея добровольного характера их присоединения. Показана судьба тех историков, которые не смогли безоговорочно принять смену исследовательской парадигмы. Отдельное внимание получил анализ современной историографии; показано ее принципиальное отличие от советской – исследование вопроса без каких-либо идеологических установок и перевод его исключительно в научную плоскость. Мотивом обращения к проблеме является исследовательский интерес к модернизационным процессам пореформенного времени. В результате многоаспектных исследований пересмотрена оценка роли социально-культурных институций, которые служили целям мирного покорения народов Центрального Кавказа, выявлена их позитивная роль.

Ключевые слова: русско-северокавказские отношения, колониальная политика, формирование российской государственности и идентичности

Благодарности и финансирование: исследование выполнено в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) – ГЗ СОИГСИ ВНИЦ РАН – № – 123090800006-3.

Для цитирования: Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т. Россия и Центральный Кавказ в советском и современном научном дискурсе: от «колониализма» до российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 232–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>

Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from “Colonialism” to Russian Statehood

Zalina V. Kanukova ^a, Berta V. Tuaeва ^a, Zalina T. Plieva ^b

^a North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia

^b State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

 z.kanukova@mail.ru

Abstract: The authors consider the problem of the Central Caucasus peoples' joining Russia in Soviet and modern historiography. The purpose is to determine the main trends of the regional segment of Soviet historiography which remain relevant in the modern discourse, and to present the modern vector of research of the problem under consideration. There is given the periodization of the Soviet historiography. It is revealed that in the 1930s the formula of “absolute evil” was replaced by that of “the lesser evil” from the point of view of non-Russian peoples' joining Russia. In the 1950s, there was taken a course to substantiate the progressive role of non-Russian peoples' joining Russia and there appeared the idea of the voluntary nature of their joining. The article shows the fate of those historians who could not unconditionally accept the change in the research paradigm. Particular attention is paid to the analysis of modern historiography; its fundamental difference from the Soviet one is shown – the study of the issue without any ideological guidelines and its transfer exclusively into a scientific plane. The motive for addressing the problem is the research interest in the modernization processes of the post-reform period. As a result of the multifaceted research, there has been revised the assessment of the role of the socio-cultural institutions that served the goals of the peaceful conquest of the Central Caucasus peoples, and their positive role has been identified.

Keywords: Russian-North Caucasian relations, colonial policy, formation of Russian statehood and identity

Acknowledgements and Funding: the study was carried out within the framework of the Program of Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening Russian Identity, 2023–2025 (supervisor Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov) – GZ SOIGSI VSC RAS – No – 123090800006-3.

For citation: Kanukova, Z.V., Tuaeва, B.V., and Plieva, Z.T. “Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from ‘Colonialism’ to Russian Statehood.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 232–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>

Введение

Актуальность. Актуальность темы обусловлена ее высокой общественной значимостью в условиях обострения геополитического противостояния США и «коллективного» Запада России. Основная идея политической элиты недружественных стран, связанная с мечтами о разрушении России «изнутри», об «освобождении» народов страны от «империи зла», воплощается активацией темы «деколонизации», запущенной противниками РФ в широкое медиапространство. Центральный Кавказ (Северная Осетия, Кабарда, Чеченя, Ингушетия) традиционно является объектом особого внимания, поэтому к вещанию на регион подключено множество ресурсов, призывающих «свободолюбивых горцев» к борьбе за свободу, к отказу от участия в СВО, к поддержке киевского режима. Открытый вызов национальной безопасности, общероссийской государственности и идентичности, сплоченности россиян требует реакции научного сообщества, прежде всего потому, что продвижение идей «деколонизации» строится на историческом нарративе. В современном общественном дискурсе избирательно используются исследования советской историографии,

посвященные длительному и сложному процессу российско-кавказского взаимодействия, традиционно подвергаются сомнению характер и время присоединения народов региона к России.

Разрушение вредоносных практик, негативно влияющих на общество, требует актуализации научного дискурса, возвращения проблемы из политической повестки в научную. Дискурс «деколонизации», научный и общественный, имеет свою историю и не первый раз появляется в политической повестке.

Степень изученности проблемы. Ранний советский период исследования проблемы присоединения народов Центрального Кавказа к России формировался в идеологии тотальной критики самодержавия, в которую хорошо вписывалась концепция «абсолютного зла», причиненного Российской империей всем «завоеванным» народам. Эта ведущая позиция развивалась школой М.Н. Покровского, сыгравшей большую роль в становлении региональной исторической науки. На Центральном Кавказе «колониальную» политику России исследовали Г.А. Кокиев, Б.В. Скитский, Б.А. Гарданов, М.С. Тотоев и другие историки. Не все они сумели переосмыслить свои взгляды на проблему, когда того потребовала резкая смена идеологических установок в 1936 г. и появление новой директивы, заменившей концепцию «абсолютного зла» на «наименьшее зло».

С середины XX в. меняется методология изучения русско-кавказских отношений, что отчетливо прослеживается в терминологии. «Колонизация» и «завоевание» уступают место «вхождению», «присоединению». Следующий этап исследования проблемы российско-кавказских отношений отмечен дискуссиями о времени присоединения народов региона к России, которую историк М.М. Блиев считал концептуально важной, ключевой позицией, определяющей характер всего процесса.

Цель исследования – определение основных тенденций в исследовании проблемы присоединения народов Центрального Кавказа к России и ее последствий, актуальных в современном дискурсе. Обозначенная цель диктует ряд задач, связанных с этапами развития отечественной обществоведческой, а затем исторической науки в целом и кавказоведческой, в частности.

Научная новизна. В статье впервые представлен историографический обзор современных исследований различных аспектов российско-северокавказского взаимодействия, сосредоточенных на вопросах социально-культурных последствий присоединения народов региона к России.

Влияние концепции «абсолютного зла» М.Н. Покровского на региональную историю

В контексте тотальной критики российского самодержавия, свергнутого революцией, в ранней советской историографии проблемы присоединения нерусских народов к России, ведущие позиции занимала школа М.Н. Покровского, который одним из первых выдвинул концепцию «абсолютного зла», причиненного всем нерусским народам, которые были насильно присоединены к России и превращены в ее колонии¹. Эта концепция была достаточно популярной и собрала вокруг себя немало сторонников, которые развивали идеи М.Н. Покровского на региональном материале.

Одним из видных представителей школы М.Н. Покровского можно считать Георгия Александровича Кокиева – доктора исторических наук, который с 1929 г. читал курс истории Кавказа в Московском государственном университете, руководил сектором истории XX в. в Институте истории АН СССР. Детально исследовав

¹ *Покровский М.Н.* Завоевание Кавказа. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

процесс становления русско-северокавказских отношений, Г.А. Кокиев выявил «колониальные мероприятия», которые, как он считал, составили «внутренний механизм русской колониальной политики». К числу таковых он относил: привнесение в горские общества классовой дифференциации, облегчавшей России задачу упрочения своего влияния на крестьянские массы; вовлечение горцев в сферу торгово-капиталистических отношений России; аманатство, обеспечивавшее России вынужденную покорность со стороны горцев; расселение горцев с целью их русификации на русской территории, в русском окружении; разжигание национального антагонизма среди горских народностей в целях физического и экономического их ослабления; подкупы горских феодалов, узденей и старшин и превращение их в активных проводников среди горцев «колониальных мероприятий метрополии»; миссионерство, сыгравшее весьма важную роль в общей системе русской колониальной политики в смысле идеологического и политического закрепощения горцев; организация Кавказской военной линии с целью экономического и физического ослабления горцев².

В процессах русско-северокавказского взаимодействия Г.А. Кокиев выделяет период с конца XVIII в. и до середины XIX в. как оборонческо-колониационный, когда происходила оборона границ и одновременное выдвигание военной линии по неприятельской территории, заселение вновь занимаемых у горцев земель казачьим населением. Севастопольскую кампанию он считал началом нового периода, направленного на полную колонизацию региона³. Г.А. Кокиев усматривал серьезные отличия в старой оборонческой системе «русской колонизации» и новой системе Барятинского, которую рассматривал как активное наступление русской армии по всему фронту «с широким и ярко очерченным планом колонизации всего края уроженцами центральной России»⁴.

Оборонительный характер русско-кавказского взаимодействия до начала XIX в. отмечал и М.Н. Покровский, но при этом акцентировал внимание на экономическом завоевании Кавказа путем его колонизации.

Среди обозначенных Г.А. Кокиевым «колониальных мероприятий» указано установление тесных контактов с местными политическими элитами, с применением подкупов в виде даров и офицерских званий, которое он считал одним из краеугольных камней екатерининской политики⁵.

Еще одним «методом» колониальной политики ученый считал стремление к уничтожению языка, обычаев и традиций народов Кавказа. Г.А. Кокиев цитировал письмо П. Кречетникова Екатерине II:

К опровержению их языка и обычаев нужным почитаю гарнизоны сделать поселенными между сими выходцами из гор и дать волю как на солдатских дочерях, так и солдатам у них жениться и тем нечувствительно язык и обычай их выводить⁶.

Далее Г.А. Кокиев делал вывод о конечной цели России: «полное растворение горцев Северного Кавказа в массе русского населения...»⁷. Обращение в христианство населения Осетии также рассматривалось как инструмент полного под-

² Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в 18 веке // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 115.

³ Кокиев Г.А. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 24.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Там же. С. 91.

чинения и «овладения горными и минеральными богатствами страны», открытие первой школы в Моздоке – как преследовавшее колониальные цели.

Ни в одном из перечисленных «мероприятий» ученый не усматривает позитивного последствия присоединения народов Северного Кавказа к России. Г.А. Кокиев в своих оценках был самым радикальным из исследователей российско-кавказских отношений, но авторитет единственного профессионального историка в Осетии способствовал развитию его идей.

Смена идеологической и исследовательской парадигмы: концепция «наименьшего зла»

В середине 1930-х гг. наметился переход к интегрирующему курсу внутригосударственной политики, к конструированию новой общегосударственной идентичности и к сплочению вокруг русского народа. Смена внутренней политики сопровождалась широкой кампанией по пересмотру дореволюционной истории России, в частности, по переоценке взаимоотношений с национальными окраинами. В 1936 г. постановлением жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР был обозначен новый подход к изучению проблемы присоединения народов страны к России, в частности, появилась «рекомендация» заменить «абсолютное зло» М.Н. Покровского на «наименьшее зло». Национальная политика царизма признавалась «злом», но процесс присоединения нерусских народов к России, – «меньшим злом» или благом, которое вносил русский народ в жизнь других народов страны. Для Центрального Кавказа концепция «наименьшего зла» означала также, что по сравнению с гнетом персов или турок присоединение к России было «наименьшим злом». Со временем формула «наименьшего зла» получила универсальное применение при суждении о присоединении к России разных стран и народов.

Результатом организованных дискуссий, сопровождавшихся разоблачительными акциями, стала не только резкая переоценка многих исторических событий, адаптация к новым идеологическим установкам, но и гонения на историков, не готовых к внезапному переосмыслению устоявшихся концепций, а значит, совершавших «грубую политическую ошибку». В 1949 г. по ложному доносу был арестован и осужден «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» Г.А. Кокиев, скончавшийся в тюрьме от инфаркта. Известный историк Борис Васильевич Скитский, исследовавший отдельные аспекты «колониальной политики» царизма в Осетии, был обвинен в «буржуазном национализме», тираж его книги «Хрестоматия по истории Осетии» был изъят, якобы из-за идеализации патриархально-феодальных отношений и тенденциозного подбора источников. В 1953 г., не выдержав несправедливых гонений, Б.В. Скитский тяжело заболел и уехал из республики⁸.

Жесткому прессингу был подвергнут крупный осетинский историк Михаил Сосланбекович Тотоев. Он пытался отстоять свое видение характера и периодизации процесса присоединения Осетии к России, свою оценку массовых народных выступлений в Осетии в 1830 г. Появившаяся в 1950-х гг. директива оценивать их «как реакционно-националистические антирусские выступления части осетинских феодалов, ставивших целью отторжение Осетии от России», представлялась М.С. Тотоеву несправедливой. Будучи уверенным в своих оценках, он решил обратиться в Северо-Осетинский обком КПСС с обоснованием своей научной позиции и просьбой пересмотреть идеологические установки. От печальной участи коллег М.С. Тотоева спасло вынужденное решение признать свои ошибки, иначе Поста-

⁸ Цориева И.Т. «Разжигал страсть к познанию истории...»: Борис Васильевич Скитский. Человеч. Ученый. Педагог // Известия СОИГСИ. 2015. № 18. С. 103–109.

новление обкома КПСС «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.» могло иметь другие последствия⁹. В последующие годы М.С. Тотоев продолжил заниматься проблемой русско-осетинских отношений, присоединения Осетии к России, сосредоточив свои усилия на вопросах влияния русской культуры на осетин, развития культурных связей между русскими и осетинами, в выявлении роли русской культуры в формировании осетинской научной и творческой интеллигенции.

Такая тематика хорошо вписывалась в идеологические установки в начале 1950-х гг., когда наметилась тенденция к более детальному изучению последствий присоединения нерусских народов к России, обозначилась прогрессивная роль этого процесса и появилась идея добровольного характера присоединения. В основе новой методологии некоторое время держался тезис о том, что «несмотря на колониальный характер политики царизма», присоединение к России имело и положительные последствия.

Периодизация русско-кавказских отношений

В контексте национальной политики, направленной на дальнейшее сближение наций и достижение их полного единства, в исторической науке начала 1950-х гг. получила широкий резонанс концепция о «добровольном вхождении». Появилось более расширительное толкование прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России. Из региональной истории уходят термины «колонизация», «завоевание», «покорение», на смену которым пришли определения, отражавшие новый взгляд на проблему.

Внесший большой вклад в исследование проблемы российско-кавказских отношений М.М. Блиев считал самым точным и продуктивным для науки термин «присоединение», который позволяет «рассмотреть исторические события комплексно, во всей их сложности и противоречивости»¹⁰. Он также считал, что понятие «добровольное присоединение» не соответствует всей сложности исторического процесса всех нерусских народов, но при этом отмечал неправомерность игнорирования усилий тех общественных сил, которые осознанно стремились включить свои народы в российское экономическое, политическое, культурное пространство¹¹.

Такие инициативы нерусских народов не вписывались в концепции ни абсолютного, ни наименьшего зла. А карательные экспедиции, в частности в 1830 г. в Осетии, мешали продвижению идей добровольного характера присоединения. М.М. Блиев обосновал эти противоречия периодизацией русско-кавказских отношений, выделив в их истории два периода: установление отношений и присоединение народов Кавказа к России, и утверждение российского военно-административного аппарата, превращавшего регион в территорию Российской империи, с вовлечением народов региона в освободительную борьбу. «Подобная периодизация, разделяя единый процесс на составные части, удерживает исследователя от смешения двух далеко не тождественных исторических явлений: присоединение Кавказа к России с учреждением военно-административного аппарата»¹². Отметим, что такое «смешение» занимает довольно прочные позиции в кавказоведении.

⁹ Цориева И.Т. Человек. Ученый. Педагог (К 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Михаила Сосланбековича Тотоева) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2010. № 3. С. 136–141.

¹⁰ Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. 1991. № 6. С. 69.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика... С. 83.

М.Н. Покровский и Г.А. Кокиев тоже указывали на существенную разницу между начальным, оборонительным периодом и агрессивной колонизацией «силой оружия», но М.М. Блиев особое внимание уделяет времени присоединения народов Северного Кавказа к России, считая его концептуально важным для дальнейшего исследования проблемы в целом. В 1970 г. ученый посвятил специальную статью хронологии рассматриваемой проблемы «К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России»¹³. Не соглашаясь с мнением Б.В. Скитского, считавшего что районы Осетии в разное время принимали подданство России, с 1815 по 1830 гг., с датировкой М.С. Тотоева завоевания Осетии в 1830 г., а также других авторов, считавших карательные экспедиции Ренненкампа и Абхазова датой окончательного установления российской власти, М.М. Блиев предложил свое видение проблемы.

На основании обнаруженных им документов, а также опубликованных исследований он пришел к выводу, что вопрос о присоединении Осетии к России был решен после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, а также русско-осетинских переговоров, состоявшихся в Моздоке в 1774 г. Именно эта дата и считается сегодня датой официального присоединения Осетии к России.

Отвечая своим оппонентам, М.М. Блиев опирался на следующий исторический нарратив. В 1749 г. из Осетии в Петербург отправилось посольство с целью обсуждения вопроса присоединения Осетии к России, которая в то время была обязана соблюдать Белградский договор, в частности нейтральность территории Центрального Кавказа. В октябре 1774 г. после победного завершения войны и заключения Кучук-Кайнарджийского договора в Моздоке прошли русско-осетинские переговоры и было достигнуто Соглашение, по которому осетины получили право на переселение на предгорные равнины, гарантии внешней безопасности, право «свободного проезда» и свободной торговли на русской границе, а посольство передавало России «горы в вольное употребление» и «позволяло из Осетии вывозить полиметаллические руды»¹⁴.

М.М. Блиев считал, что для определения времени присоединения народов Северо-Западного Кавказа к России не имеет значения время утверждения российской администрации, частные инициативы, в том числе письма отдельных горских князей, которых было немало, а следует исходить из главных факторов взаимодействия народов Северного Кавказа с Россией. Стремление избежать внешней опасности и установить торгово-экономические связи явилось основанием для присоединения к России народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа (Осетии, Ингушетии и Чечни) в 70–80-х гг. XVIII в. Присоединением в 1813 г. Дагестана, по существу, закончился первый этап в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией¹⁵. Особенность же второго этапа М.М. Блиев видел в установлении военно-административного аппарата на Северном Кавказе, активном включении в процессы общероссийского развития жесткими методами, что и вызвало протестные акции местного населения.

Выделенные этапы М.М. Блиев считал разными историческими событиями, а неприятие или непонимание этого тезиса – причиной неразрешимых противоречий и серьезных ошибок в освещении истории народов Северного Кавказа.

Оценивая историографию проблемы присоединения нерусских народов к России в 1990-е гг., М.М. Блиев отмечал, что она стала рассматриваться в контексте поли-

¹³ Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 54–55.

тического сепаратизма, охватившего советские республики с игнорированием всех позитивных последствий присоединения. Ученый призывал переместить обсуждение проблемы из общественно-политического дискурса в академический, напоминая как о сложности исторических явлений, связанных с процессом присоединения, так и о значимости социально-экономических и политических последствий этого процесса¹⁶.

От колониальной политики к российской государственности

Новый этап в истории изучения российско-северокавказских отношений проходит в парадигме российской государственности и общероссийской идентичности. Его отличительной особенностью является детальное исследование политики России, направленной на распространение и укрепление основ общероссийской идентичности на Центральном Кавказе, выявление последствий интеграции региона в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство. Эти последствия со всей очевидностью проявились в пореформенное время и в начале XX в., что можно рассматривать как один из мотивов активного обращения исследователей к этому периоду.

В «Истории Осетии» рассмотрены социально-экономические, политические, конфессиональные и культурные аспекты развития Осетии в составе Российской империи. Предложено новое видение процессов включения региона в административно-государственную систему России, пореформенного периода и начала XX в. как этапа хозяйственной, общественной и культурной модернизации осетинского общества¹⁷.

Проведено комплексное исследование взаимодействия традиционной и государственно-административной систем управления в Осетии в ходе ее включения в территориально-административную и политико-правовую системы Российской империи. Впервые в отечественной историографии сложившаяся традиционная система общественного самоуправления становится самостоятельным объектом изучения, который рассматривается как сложно организованная, многоуровневая, многокомпонентная, иерархически выстроенная система, характеризующаяся внутренним динамизмом. В результате определены универсальные принципы самоорганизации социума, показана социальная символика патриархальных институтов самоуправления, обозначены основные качественные свойства общественной власти, ее функциональная амбивалентность и обусловленность конкретным социальным контекстом¹⁸.

В качестве социальных и культурных факторов укрепления российской государственности и идентичности рассматриваются конфессиональная и культурная политика, формирование национальной интеллигенции как проводника российской культуры.

Правительство считало православную миссионерскую деятельность основным инструментом политического воздействия на горцев Северного Кавказа и возлагало большие надежды на созданные в этих целях православные миссии, что и стало основанием для советских историков расценивать церковь как метод колонизации. Вместе с тем деятельность православных миссий аргументированно признается современными исследователями действенным механизмом формирования российской государственности и общероссийской идентичности, в частности в Осетии. Кон-

¹⁶ Блиев М.М. О некоторых проблемах... С. 68.

¹⁷ История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012; История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2012.

¹⁸ Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX вв.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

кретными факторами влияния православной церкви на общественно-политические и культурные процессы стали строительство храмов и развитие приходской жизни, основание школ и распространение грамотности, формирование осетинской церковной интеллигенции и осуществление ее просветительских проектов. Православие для осетин – это не только «слово божье», это – первая школа, первая печатная книга, первый журнал, русский язык, достаточно высокий образовательный уровень. Впервые объективная оценка роли православия была изложена в ряде диссертаций¹⁹ и статей²⁰. Большая роль в процессе утверждения государственности принадлежала русской школе, которая реализовывала в осетинском социуме не только образовательную, но и воспитательную, идеологическую и консолидирующую функции. В Осетии стремление к образованию стало массовым общественным движением²¹.

В монографии Е.И. Кобахидзе и Б.В. Тууевой выявлено, что позитивная мотивация к усвоению русского языка местными сообществами, для которых и русский язык, и образование в целом становились важными инструментами освоения нового социального контекста, была обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, русский язык являлся для горцев мощным ресурсом социализации в общемперском пространстве, во-вторых, овладение русским языком открывало возможности повышения собственного социального статуса, и, наконец, сформировавшаяся в местной среде потребность в овладении государственным языком, по сути, была адаптивной реакцией на новые социальные вызовы, сглаживающей издержки имперской унификации²².

Степень усвоения социальных и культурных инноваций во многом определялась уровнем урбанизации общества. Основание Владикавказа было следствием установления русско-северокавказских отношений, поэтому его история и культура изучаются в широком контексте этой проблемы²³. Изучению общественно-культурной среды городов Северного Кавказа как важного фактора российско-кавказского взаимодействия, посвящен ряд монографий и статей Б.В. Тууевой. В монографии «Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков» анализируется роль урбанизации в истории Северного Кавказа, исследуется провинциальный город как фактор формирования экономической и культурной политики российского государства в XIX – начале XX в.²⁴

Немалое число трудов посвящено формированию интеллигенции и ее роли проводника российской политики посредством экономической, социальной, административно-правовой, художественной культуры и образования. В эпоху пореформенной модернизации в регионе сложился социальный страт, представленный профессиональными группами, активно включенными в различные виды профессиональной, общественной и культурно-просветительской деятельности. Выявлены условия формирования этого социального страта, предложена классификация интеллигенции по профессиональным группам, определены основные виды деятельности, способствующие осуществлению российской политики на Северном Кавказе. Особое

¹⁹ *Бирагова Ф.Р.* Церковная интеллигенция в Осетии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... к.и.н. Владикавказ, 2003.

²⁰ *Канукова З.В.* Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 20. С. 40–50.

²¹ *Дзалаева К.Р.* Русская школа как основной механизм утверждения общероссийской идентичности в Осетии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2016. № 21. С. 47–54.

²² *Кобахидзе Е.И., Тууева Б.В.* Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ, 2023.

²³ *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.

²⁴ *Тууева Б.В.* Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010.

внимание уделено роли интеллигенции в процессах межэтнической коммуникации, которая является самостоятельным условием укрепления российской государственности и идентичности²⁵. Появление интеллигенции считается результатом вовлечения региона в систему всероссийского рынка, урбанизации, повышения социальной мобильности и интеграции в российское социально-культурное пространство²⁶.

На основании широкого круга разноплановых источников проведено исследование политических и социально-культурных аспектов трансформации горского социума в конце XVIII – начала XX в. с точки зрения возможностей его адаптации к внешним модернизирующим изменениям, выявляемых, в том числе, сквозь призму общественного сознания и социально-политической мысли. Проанализированы различные аспекты административной практики правительства в русле «объединительной» политики, показана сложность и противоречивость процессов имперской унификации в сфере управления. Выявлены основные проблемы и творческие доминанты в наследии северокавказской интеллигенции исследуемого периода, обусловленные поиском национально ориентированного развития края, обеспечивающего экономическое и культурное процветание региона при опоре на жизненные интересы горского крестьянства²⁷.

Выводы

Время присоединения Центрального Кавказа к России, характер этого процесса и методы колониальной политики Российской империи, исследованные в советский период в рамках концепций «абсолютного»/«наименьшего» зла, актуализированные в современном общественном дискурсе, переосмыслены во второй половине XX в. в рамках новой методологии и периодизации российско-кавказских отношений, а также современной историографией, в которой складывается новое направление.

В результате многоаспектных исследований пореформенной модернизации региона пересмотрена оценка социально-культурных институций, считавшихся способами невоенного покорения народов Северного Кавказа, выявлена их позитивная роль. Православные миссии, город и такие формы городской культуры как театр, библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества, а также образовательные учреждения, расширившие социальные функции русского языка, формирование интеллигенции рассмотрены как эффективные факторы формирования и укрепления российской государственности. Отметим, что это направление формировалось без каких-либо идеологических установок, мотивом обращения к проблеме является исследовательский интерес к модернизационным процессам пореформенного времени. Однако в современных условиях беспрецедентного давления на Россию, в том числе идеологического, обозначенные исследования актуализированы общественным запросом на укрепление общероссийской идентичности, суверенного развития как одной из ведущих стран мира.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2024

²⁵ Гутиева Э.Ш. Социокультурное развитие пореформенной Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ, 2013.

²⁶ Дзалаева К.Р. Формирование российской государственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2017.

²⁷ Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. «Будущие дети России...» Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ, 2011.

References

- Aylarova, S.A., and Kobahidze, E.I. *'Budushchie deti Rossii...'* Problema integratsii v administrativnoi praktike i obshchestvennom soznanii (*Tsentralnyi Kavkaz kontsa XVIII – nachala XX vv.*) [‘The Future Children of Russia...’ The Problem of Integration in Administrative Practice and in Public Consciousness (Central Caucasus of the Late XVIII – Early XX Centuries)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2011 (in Russian).
- Biragova, F.R. “Church Intelligentsia in Ossetia in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences.” PhD diss., North Ossetian State University, 2003 (in Russian).
- Bliev, M.M. “K voprosu o prisoedinenii narodov Severnogo Kavkaza k Rossii [On the Question of the Accession of the Peoples of the North Caucasus to Russia].” *Voprosy istorii*, no. 7 (1970): 43–56 (in Russian).
- Bliev, M.M. “O nekotorykh problemakh prisoedineniia narodov Kavkaza k Rossii [On Some Problems of the Accession of the Peoples of the Caucasus to Russia].” *Istoriia SSSR*, no. 6 (1991): 67–84 (in Russian).
- Dzalaeva, K.R. “Russkaia shkola kak osnovnoi mekhanizm utverzheniia obshcherossiiskoi identichnosti v Osetii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Russian School as the Main Mechanism of Assertion of All-Russian Identity in Ossetia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 21 (2016): 47–54 (in Russian).
- Dzalaeva, K.R. *Formirovanie rossiiskoi gosudarstvennosti i obshcherossiiskoi identichnosti na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Formation of Russian Statehood and All-Russian Identity in the North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries]. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Gutieva, Ye.Sh. *Sotsiokul'turnoe razvitie poreformennoi Osetii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Socio-cultural development of post-reform Ossetia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Vladikavkaz: IPC SOIGSI Publ., 2013 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Pravoslavie v formirovanii rossiiskoi gosudarstvennosti i obshcherossiiskoi identichnosti v Osetii (konets XVIII – nachalo XX v.) [Orthodoxy in the Formation of Russian Statehood and All-Russian Identity in Ossetia (the End of the XVIII – the Beginning of the XX Century)].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 20 (2016): 40–50 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. *Stary Vladikavkaz. Istoriko-etnologicheskoe issledovanie* [Old Vladikavkaz. Historical and Ethnological Research]. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2002 (in Russian).
- Kobahidze, E.I., and Tuaeua, B.V. *Russkii iazyk v sotsiokul'turnykh transformatsiakh na Severnom Kavkaze (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Russian Language in Socio-Cultural Transformations in the North Caucasus (the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2023 (in Russian).
- Kobakhidze, E.I., and Aylarova, S.A. *'Ne edinoiu siloiu oruzhiia...» Osetiia kontsa XVIII – nachala XX vv.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviia traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniia* [‘Not by force of arms alone...’ Ossetia at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries: the experience of historical interaction of traditional and state-administrative management]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).
- Kokiev, G.A. *Metody kolonialnoi politiki tsarskoi Rossii na Severnom Kavkaze v 18 veke. Istoriia Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov* [Methods of Tsarist Russia's Colonial Policy in the North Caucasus in the 18th Century. Collection of Articles and Documents]. Nalchik: Yel-Fa Publ., 2005 (in Russian).
- Kokiev, G.A. *Voенно-kolonizatsionnaia politika tsarizma na Kavkaze. Istoriia Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov* [The Military-Colonization Policy of Tsarism in the Caucasus]. Nalchik: Yel-Fa Publ., 2005 (in Russian).
- Nechkina, M. “K voprosu o formule ‘naimenshee zlo’ [On the Question of the Formula ‘the Lesser Evil’].” *Voprosy istorii*, no. 4 (1951): 44–48 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Zavoevanie Kavkaza. Diplomatiia i voiny tsarskoy Rossii v XIX stoletii* [Conquest of the Caucasus. Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the XIX Century]. Moscow: Krasnaia nov' Publ., 1923 (in Russian).

- Tsorieva, I.T. “‘Razzhigal strast k poznaniiu istorii...’: Boris Vasilevich Skitskii. Chelovek. Uchenyi. Pedagog [‘Kindled a passion for the knowledge of history...’: Boris Vasilyevich Skitsky. Person. Scientist. Pedagogue].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 18 (2015): 103–109 (in Russian).
- Tsorieva, I.T. “Person. Scientist. Pedagogue (To the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Mikhail Soslanbekovich Totoev).” *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 3 (2010): 136–141 (in Russian).
- Tuaeva, B.V. *Lokalnaia istoriia: osobennosti kulturnoi i obshchestvennoi zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vekov* [Local History: Features of Cultural and Social Life of the Cities of the North Caucasus in the Second Half of the XIX – the First Third of the XX Centuries]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Залина Владимировна Канукова, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева, Владикавказский научный центр РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>; SPIN-код: 6979-5516

Zalina Vladimirovna Kanukova, Dr. Habil. Hist., Professor, North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>; SPIN-code: 6979-5516

Берта Владимировна Туаева, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева, Владикавказский научный центр РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>; SPIN-код: 2482-1015

Berta Vladimirovna Tuaeva, Dr. Habil. Hist., Professor, North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>; SPIN-code: 2482-1015

Залина Тимуровна Плиева, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>; SPIN-код: 3139-1027

Zalina Timurovna Plieva, PhD in History, Ass. Professor of the Department of the Russian History, State University named after K.L. Khetagurov; 46, Vatutina St, Vladikavkaz, 362025, Russia; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>; SPIN-code: 3139-1027

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-244-252>
EDN: UQWDYF

Научная статья / Research article

Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской

Ирина Вячеславовна Сабенникова

Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения
и архивного дела, Москва, Россия

✉ sabennikova@mail.ru

Аннотация: Анализируется место генеалогии как своеобразного индикатора гуманитарной культуры как в исторической ретроспективе, так и современного общества, поскольку предметом ее изучения традиционно являются общечеловеческие ценности – семья, родственные связи и отношения между разными поколениями. Цель исследования – показать роль известного историка О.М. Медушевской и значение разработанной ею теории и методологии когнитивной истории для определения места генеалогии в системе современного знания. В статье в рамках данной теории определяется место генеалогии в системе современного знания, дается четкое определение предметной области генеалогии как научного направления, возможности междисциплинарного синтеза с рядом фундаментальных наук и сформулирована программа развития данной области знаний в России. Автор приходит к выводу, что подход, разработанный О.М. Медушевской, превращает генеалогию из вспомогательной и прикладной дисциплины в одно из центральных направлений гуманитарно-исторического познания, делая ее информационным ресурсом для изучения истории семьи и рода, экономической истории (перемещения собственности и имущества), социально-политической структуры общества (или истории сословий), культуры и отдельных ее представителей.

Ключевые слова: вспомогательные исторические дисциплины, методологические проблемы биографических исследований, источниковедение, информационный ресурс, изучение истории семьи и рода

Для цитирования: Сабенникова И.В. Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 244–252. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-244-252>

Genealogy in the System of Modern Knowledge: Theory and Methodology of Cognitive History of O.M. Medushevskaya

Irina V. Sabennikova

All-Russian Research Institute of Documentation and Archiving, Moscow, Russia

✉ sabennikova@mail.ru

Abstract: The author analyzes the place of genealogy as a unique indicator of humanitarian culture both in historical retrospect and modern society, since the subject of its study has traditionally been universal human values – family, kinship and relationships between different generations. The purpose of the article is to show the role of famous historian O.M. Medushevskaya and the significance of the theory and methodology of cognitive history developed by her for determining the place of genealogy in the system of modern knowledge. In the article, within the framework of this theory the place of genealogy in the system of modern knowledge is determined; the author gives a clear definition of the subject area of genealogy as a sphere of research, the possibility of interdisciplinary synthesis with a number of fundamental sciences, and formulates

© Сабенникова И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

a program for the development of this field of knowledge in Russia. The author comes to the conclusion that the approach developed by O.M. Medushevskaya transforms genealogy from an auxiliary and applied discipline into one of the central areas of humanitarian-historical knowledge, making it an information resource for studying the history of family and clan, economic history (movement of property), the socio-political structure of society (or the history of classes), culture and its individual representatives.

Keywords: auxiliary historical disciplines, methodological problems of biographical research, source study, information resource, study of family history

For citation: Sabennikova, I.V. “Genealogy in the System of Modern Knowledge: Theory and Methodology of Cognitive History of O.M. Medushevskaya.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 244–252. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-244-252>

Введение

Актуальность. В современном мире с развитием информационных технологий возрастает значение данных об идентичности и связанных с ее изучением областей знания. Одной из таких областей, несомненно, является генеалогия.

Степень изученности проблемы. Об актуальности генеалогических исследований в современной науке свидетельствует появление сводных трудов по вопросам истории генеалогии, ее методов и источников, отдельным отраслям генеалогических исследований¹. В центре внимания исследователей разных стран оказываются вопросы формирования национальной идентичности² и таких ее параметров, как исторические корни наций³, географическое перемещение отдельных семей, миграционные процессы, история сословий и социальных слоев⁴, краеведения и даже краеведческой генеалогии занимающейся изучением социально-культурной роли отдельных фамилий на региональном уровне, социально-психологических вопросов, в плане формирования общественного мнения и сознания, биографики и просографии⁵. Особый интерес приобрели генетико-генеалогические исследования⁶. Однако теоретическим и методологическим вопросам генеалогии, в отличие от конкретных исследований, уделяется крайне мало внимания.

Цель исследования – показать значение для российской и мировой науки теории и методологии когнитивной истории, созданной известным российским ученым-историком Ольгой Михайловной Медушевской⁷. Данная научная теория стала новой парадигмой в гуманитарном познании, открыв перспективы междисциплинарного синтеза для целого ряда научных направлений и дисциплин – от теории информации и науки о мозге до истории, антропологии, источниковедения, архивоведения и всего комплекса вспомогательных исторических дисциплин, включая генеалогию.

Источниковой базой послужило четырехтомное издание «Собрания сочинений» О.М. Медушевской и введение в научный оборот всего корпуса трудов учено-

¹ Weil F. *Family Trees: A History of Genealogy in America*. Cambridge, 2013.

² Durie B. *Scottish Genealogy*. Stroud, 2009.

³ Yan May. *Research Guide to Chinese Genealogy*. New Westminster, 2010.

⁴ Наумов О.Н. Стрешневы: материалы к родословию. Калуга, 2013.

⁵ Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований / Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.). СПб., 2002.

⁶ Тетушкин Е.Я. Генетическая генеалогия: история и методология // *Генетика*. 2011. Т. 47. № 5. С. 581–596.

⁷ Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011; *Круглый стол по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история*. 2010. № 1. С. 131–166; Медушевский А.Н. Концепция когнитивной истории: интеллектуальные источники, место в структуре современного гуманитарного знания, перспективы развития // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2013. № 44. С. 6–16; Медушевская О.М. *Историки России. Иконография*. М., 2015. С. 264–279; Беззаветное служение науке и образованию. К 100-летию со дня рождения профессора Ольги Михайловны Медушевской. Международная научная конференция 6 октября 2022. М., 2023.

го, методических материалов, программ лекционных курсов, а также большой историографии о ее творчестве, позволяющих раскрыть процесс формирования данной концепции и направления ее развития в историографии⁸.

Цели и задачи гуманитарного познания

Процесс гуманитарного познания в трудах О.М. Медушевской предстает как реконструкция исследователем системы информационного обмена – непосредственного и опосредованного, которая функционировала в прошлом и отражена во всей совокупности продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Основной задачей данного познания становится установление смысла этой деятельности путем раскодирования фиксированной информации всей совокупности исторических источников⁹. С этим связано специальное внимание к формам фиксации информации в прошлом – вопросам ее кодирования, передачи и интерпретации, методам, позволяющим исследователю обеспечить точную и доказательную реконструкцию смысла понятий исторического источника и стоящей за ним когнитивной реальности – понимания пространства, времени и смысла существования человека определенной эпохи, в том числе значительно удаленной от нас во времени¹⁰.

Значение вспомогательных исторических дисциплин для процесса гуманитарного познания

В рамках данной исследовательской логики, ориентированной на понимание смысла представлений прошлого и их доказательную реконструкцию, особое место отводится теоретическому и прикладному источниковедению и всему комплексу так называемых вспомогательных исторических дисциплин, в которых применяются специальные точные методы для анализа определенных областей конструирования реальности – языка (палеография), времени (хронология), пространства (историческая география и топонимика), торгового обмена (нумизматика), фиксации правовых отношений (дипломатика и сфрагистика), сословного статуса (геральдика) и отношений родства (генеалогия), выбора имен собственных (ономастика)¹¹. При этом подчеркивается особое значение системы этих дисциплин и их методов в современной гуманитарной культуре¹². В рамках деятельности кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ, позднее РГГУ) О.М. Медушевская, являвшаяся бесспорным научным лидером данного центра, сыграла ключевую роль в создании общей концепции гуманитарного историко-архивного образования, развитии источниковедения и вспомогательных научных дисциплин¹³, их преподавании, создании специализированных курсов и программ, в частности по генеало-

⁸ Медушевская О.М. Собрание сочинений: в 4 томах. М. – Берлин, 2017.

⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории // Собрание сочинений. М. – Берлин, 2017. С. 65–418.

¹⁰ Медушевская О.М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Медушевская О.М. Собрание сочинений... С. 775–814.

¹¹ Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти О.М. Медушевской. М., 2008; Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: материалы XXVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015.

¹² Медушевская О.М. Вспомогательные исторические дисциплины: особая система методов гуманитарного познания // Собрание сочинений. С. 368–370.

¹³ Медушевская О.М. Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001.

гии¹⁴, научном руководстве первыми кандидатскими диссертациями в этой области¹⁵. Она стала инициатором первых конференций МГИАИ по вопросам генеалогии¹⁶, обобщив российские и зарубежные исследования в этой области¹⁷.

Генеалогия как сфера исследовательской деятельности

Вклад О.М. Медушевской в развитие генеалогии значителен и представлен по ряду направлений. Во-первых, она сыграла ключевую роль в сохранении и продвижении классических традиций генеалогических исследований русской академической науки в советский период, когда они были полностью отброшены как наследие «буржуазной науки прошлого» и могли существовать исключительно в рамках общего курса источниковедения русской истории как узкая, «вспомогательная» сфера исследовательской деятельности. В этом качестве генеалогия постоянно присутствовала в трудах О.М. Медушевской по теории, истории и практике источниковедческих исследований начиная с 1950-х гг.¹⁸ Во-вторых, существенное значение имела постановка О.М. Медушевской вопроса о роли и методах генеалогических исследований в изучении социально-экономической и политической истории русской государственности. С этой целью, в кооперации с отечественными и зарубежными исследователями российского и западного феодализма, проводилось целенаправленное выявление источников, содержащих генеалогическую информацию¹⁹. Источники такого рода были представлены прежде всего корпусом документов делопроизводственного и учетного характера, активно вводившимися в научный оборот в 70–80-е гг. XX в.: Родословные книги, Боярские книги, Боярские списки, переписи чиновников, служилых людей и казаков. С целью расширения применения генеалогических исследований на другие социальные слои, такие, как купечество, городское население или крестьянство, изучался и широкий круг документов различного происхождения, содержащих данные о родстве – письменных, изобразительных, записанных с устных свидетельств. В-третьих, отметим постановку вопроса о границах применения генеалогических методов, разработанных для феодального периода к периодам новой и новейшей истории, связанных с учетом специфики документации и решением задач получения верифицируемой и доказательной информации, требующих особых профессиональных навыков в источниковедческих исследованиях. Особое внимание обращалось на генеалогию наиболее динамичных социальных групп, менявших когнитивные представления эпохи, включая, например, ведущих представителей научных школ²⁰, землепроходцев, мореходов²¹ и участников русских географических открытий²².

¹⁴ Генеалогия: программа курса для специальностей № 020700 – История, № 020800 – Историко-архивоведение. М., 1999.

¹⁵ Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. Источники, проблемы, интерпретации: автореф. дис. ... к. и. н. 07. 00. 09. М., 1997.

¹⁶ Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования: тезисы докладов и сообщений: Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г. М., 1989.

¹⁷ Медушевская О.М. Генеалогия в зарубежных исследованиях // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 50–58.

¹⁸ Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М., 2013.

¹⁹ Медушевская О.М. Генеалогические исследования польских историков // С.Б. Веселовский и проблемы генеалогических исследований. М., 1977. С. 266–273.

²⁰ Медушевская О.М. История науки как динамический процесс // Собрание сочинений. С. 263–261.

²¹ Медушевская О.М. Социальный состав мореходов XVIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990. С. 22–32.

²² Медушевская О.М. Источники о плаваниях русских мореходов на Алеутские острова во второй половине XVIII в. // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 3–14.

Оценивая место генеалогических исследований в отечественном источниковедении, О.М. Медушевская отмечала в то же время, что они выходят за эти пределы, поскольку открытие новых источников генеалогической информации затрагивает проблемы архивоведения и социологии. Она подчеркивает:

Генеалогические факты приобретают научную значимость тогда, когда возникает возможность связать их с дополнительными сведениями о сословной принадлежности личности, имущественном положении, образовании, служебном статусе, политической или другой общественной деятельности тех лиц, родственные связи которых исследуются²³.

Генеалогия в этом смысле обращена к общечеловеческим ценностям семьи, родства и отношениям поколений, ее предмет исполнен интереса не только для специалистов, но и общества, независимо от социальных, национальных и профессиональных разделений в нем, а потому выступает важным индикатором гуманитарной культуры²⁴. При этом достигается одна из ключевых проблем познания – «преодолеть раздельное изучение биологического, психологического, социального аспектов природы человека»²⁵.

Генеалогия и общечеловеческие ценности

Констатируя появление в западной науке 1960–1970-х гг. такого явления, как «ренессанс эрудиции», О.М. Медушевская объясняла его, с одной стороны, трансформацией сознания в направлении гуманизации, историзма и интереса к человеческой личности и, с другой – изменением структуры общества, семьи и появлением нового типа отношений «отцов и детей» с переходом к новому восприятию родства и связанных с ним социальных стереотипов. Выражением этих тенденций стало возрождение генеалогических исследований в историографии европейских стран, представленное ростом научной литературы, изданием обзоров архивных фондов и путеводителей, энциклопедий, каталогов, справочников, отдельных документов во многих странах – от Франции, Германии, Великобритании и Польши (где эти исследования опираются на длительную историческую традицию) до США и Австралии, где они стали ответом на растущий социальный запрос общества выявить собственные исторические корни, начиная с эпохи колонизации. О.М. Медушевская констатировала:

«Генеалогические проблемы сегодня выступают как одна из тех сфер деятельности, где наиболее активно проявляет себя связь профессионализма и массовой инициативы, движения любителей истории»²⁶. В этой перспективе возрастает актуальность исследовательских, координационных и организационных вопросов, прежде всего «соединения интереса к генеалогии, с одной стороны, и необходимого источниковедческого профессионализма, – с другой»²⁷.

Генеалогия в системе современного знания

О.М. Медушевской принадлежит центральная роль в восстановлении престижа генеалогии и генеалогических исследований в постсоветский период, представленная в серии чрезвычайно резонансных статей и выступлений ученого по этим темам конца 1970-х – начала 1990-х гг., обобщившим достижения западной и российской науки. Играя ключевую роль в формировании научно-педагогической концепции

²³ Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // Собрание сочинений. С. 760.

²⁴ Медушевская О.М. Источниковедение и гуманитарная культура // Собрание сочинений. С. 868.

²⁵ Медушевская О.М. Единство человека в свете источниковедческой парадигмы методологии гуманитарного познания // Собрание сочинений. С. 452–453.

²⁶ Медушевская О.М. Генеалогия в зарубежных исследованиях // Собрание сочинений. С. 377–378.

²⁷ Там же.

РГГУ, О.М. Медушевская в своих трудах подчеркивала самостоятельную роль генеалогических исследований²⁸, усматривая их значение не только для укрепления академического профессионализма, но и повышения престижа гуманитарного исторического образования в обществе, неожиданно открывшем для себя эту сферу деятельности, а также переориентации деятельности архивов в соответствии с этим социальным запросом. Результатом стало наряду с академическими исследованиями появление значительного числа генеалогических обществ и генеалогов-любителей в разных странах, включая Россию²⁹.

Существенное значение в этот период сыграл доклад О.М. Медушевской на тему «Генеалогия в системе современного знания», прочитанный на специальной конференции Общества историков и архивистов в 1993 г.³⁰ В нем четко было представлено определение предмета данного научного направления, возможности междисциплинарного синтеза и сформулирована программа развития данной области знаний в России. Предметом генеалогии (одной из древних исторических дисциплин), как отмечалось в докладе, в традиционном понимании является установление и закрепление в памяти поколений систем родства. Ее развитие в сословном обществе связано с практическими потребностями привилегированных сословий по закреплению статуса, определявшегося происхождением, фиксируемым родословием (генеалогическим деревом). Из этого понимания не следует, однако, что предмет генеалогии как современной научной дисциплины ограничивается данным кругом задач, – он определяется, скорее, теми широкими информационными возможностями, которые данная дисциплина демонстрирует при выявлении и изучении всего корпуса исторических источников, содержащих генеалогическую информацию.

Корпус документов, содержащих подобную информацию, реконструируется О.М. Медушевской с позиций теоретического источниковедения на основе их видовой классификации. Это, во-первых, собственно генеалогическая документация, специально созданная или подобранная для доказательства происхождения и родства (как, например, родословные книги российского дворянства); во-вторых, это документы, содержащие информацию массового характера, которые создавались для других целей, но включают данные генеалогического характера (например, некоторые разновидности учетно-контрольных документов); в-третьих, это всякая документация, содержащая данные о конкретных лицах, позволяющие при соответствующем сопоставлении и исследовании дополнить генеалогические сведения. Систематическое выявление в архивах и комбинированное изучение этих документов с позиций генеалогии позволяет создать резервуар генеалогической информации с возможностями ее фиксации, классификации по разным признакам и практического применения – предоставления для использования.

Этим определяется место генеалогии в системе современного знания, а также его адресат – круг реципиентов генеалогической информации. Специфика предмета генеалогии (установление родственных отношений) с позиций информационного обмена представлена по трем направлениям: по вертикали (хронологическая ось передачи данных о родстве из прошлого в будущее); по горизонтали (сети родственных отношений определенного периода времени); и по линии функционирования социальных институтов – от семьи и рода до социальных групп, слоев, определения их статуса и социально-психологических установок в социуме (включая символику, мифы и легенды, легитимирующие их происхождение и право на место в социальной иерархии).

²⁸ Концепция развития Историко-архивного института РГГУ М., 2002.

²⁹ Медушевская О.М. О проблемах генеалогии // Советские архивы. 1989. № 6. С. 25–34.

³⁰ Медушевская О.М. Генеалогия в системе современного знания // Собрание сочинений. С. 371–376.

Генеалогия с позиции теории и методологии когнитивной истории

Данный подход к определению предмета и проблемной области генеалогических исследований с позиций теории и методологии когнитивной истории превращает эту дисциплину из вспомогательной и прикладной в одно из центральных направлений гуманитарно-исторического познания, открывая новые возможности междисциплинарного синтеза. Генеалогические исследования прекрасно сочетаются с рядом фундаментальных наук: *социологией* – изучением социальной стратификации и мобильности, позволяя понять процессы формирования сословий и каст, профессиональных групп, перемещения из одних социальных групп в другие и исторические тенденции этих изменений; *правом* – раскрытием системы писаных или неписаных норм (обычное право), определяющих статус и привилегии индивида и группы в зависимости от системы родства; *социальной психологией* – раскрытием социальных стереотипов, связанных с конфессиональными, национальными, сословными, имущественными и возрастными особенностями заключения брачных союзов и шкалы их предпочтительности в обществах разного типа.

Круг областей взаимодействия генеалогии с исторической наукой включает междисциплинарные контакты с *исторической демографией* – изучением закономерностей наследственности, здоровья, влияния естественных и социальных факторов на рост или сокращение населения; *исторической географией* – анализом переселения населения из одних регионов в другие с изменением их семейных отношений; *изучением институтов с позиций просопографии (метода коллективной биографии)*, позволяющего реконструировать состав и родственные связи членов устойчивых социальных корпораций, организаций и институтов, что позволяет понять их социальный профиль, интересы и факторы устойчивости существования. В целом, генеалогические данные становятся информационным резервуаром для раскрытия *истории семьи и рода*, экономической истории (перемещения собственности и имущества) и социально-политической структуры (или истории сословий), культуры, в том числе – отдельных ее выдающихся представителей с позиций их происхождения, семейных и социальных связей.

Общественное значение генеалогии

Говоря об общественном значении генеалогии и генеалогических исследований, О.М. Медушевская подчеркивала три стороны этого явления. Первое – это очевидный рост запроса населения на генеалогическую информацию, начавшийся в постсоветский период и связанный, преимущественно, с поиском разными социальными слоями культурной, исторической и наследственной преемственности (восстановление семейной памяти), разорванной русской революцией, эмиграцией и последующими радикальными изменениями в общественном сознании. Второе – степень готовности Государственной архивной службы России ответить на этот запрос предоставлением необходимой генеалогической информации архивов и созданием поисковых систем, делающих реализацию этого запроса технически осуществимым. Третье – уровень образования и профессионализм исследователей, необходимый для качественного научного сопровождения этой деятельности и развенчания различных псевдонаучных конструкций и мифов, полноценной источниковедческой экспертизы вводимых документальных ресурсов и доказательного анализа их информационной ценности.

Выводы

Теория и методология когнитивной истории, предложенная О.М. Медушевской, рассматривает генеалогия не только как вспомогательную и прикладную дисциплину, а как одно из важнейших направлений гуманитарно-исторического познания,

информационный ресурс для изучения истории семьи и рода, а через это экономической и социально-политической истории общества и его культуры.

В современном глобализирующемся мире генеалогия, традиционно изучающая семью, родственные связи, отношения между поколениями, способствует сохранению общечеловеческих ценностей, независимо от социальной, национальной или профессиональной принадлежности. Этим объясняется тот факт, что интерес к генеалогии вышел за пределы академической исторической науки все больше привлекая внимание самых различных слоев современного общества, о чем свидетельствует статистика посещений архивов и анализ тематических запросов граждан. Обращающиеся в архив за генеалогической информацией, часто имеют смутное представление о проведении исторического исследования и работе с документами. В сложившейся ситуации объединение усилий общества, архивистов и исследователей может рассматриваться как важная составляющая успеха в такой области знаний, как генеалогия. Именно поэтому сохраняет значение идея О.М. Медушевской о создании единого национального Центра генеалогических исследований, способного интегрировать, координировать и направлять деятельность по формированию современных генеалогических исследований и генеалогическому образованию на разных уровнях.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.03.2024

References

- Durie, B. *Scottish Genealogy*. Stroud: History Press, 2009.
- Medushevskaya, O.M. "Edinstvo cheloveka v svete istochnikovedcheskoi paradigmy metodologii gumanitarnogo poznaniia [The unity of man in the light of the source study paradigm of the methodology of humanitarian knowledge]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 452–453. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Genealogicheskie issledovaniia polskikh istorikov [Genealogical research of Polish historians]." In *S.B. Veselovskii i problemy genealogicheskikh issledovani* [S.B. Veselovsky and problems of genealogical research], 266–273. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Genealogiia v sisteme sovremennogo znaniia [Genealogy in the system of modern knowledge]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 371–376. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Genealogiia v zarubezhnykh issledovaniakh [Genealogy in foreign research]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 377–378. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Genealogiia v zarubezhnykh issledovaniyakh [Genealogy in foreign research]." In *Genealogicheskie issledovaniia* [Genealogical research], 50–58. Moscow: RGGU Publ., 1994 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Istochniki o plavaniyakh russkikh morekhodov na Aleutskie ostrova vo vtoroi polovine XVIII v. [Sources about the voyages of Russian sailors to the Aleutian Islands in the second half of the XVIII century]." In *Realizm istoricheskogo myshleniia: problemy otechestvennoi istorii perioda feodalizma* [Realism of historical thinking: problems of national history of the period of feudalism], 3–14. Moscow: RGGU Publ., 1990 [(in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Istochnikovedenie i gumanitarnaia kultura [Source studies and humanitarian culture]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 868–875. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Istoriia nauki kak dinamicheskii protsess [History of science as a dynamic process]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 263–261. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. "Kognitivno-informatsionnaia teoriia v sotsiologii istorii i antropologii [Cognitive-information theory in the sociology of history and anthropology]." In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 168–175. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).

- Medushevskaya, O.M. “O problemah genealogii [About problems of genealogy].” *Sovetskie arkhivy*, no. 6 (1989): 25–34 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. “Prostranstvo i vremia v naukakh o cheloveke [Space and time in the human sciences].” In *Izbrannye trudy* [Selected works], 125–134. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2013 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. “Socialnyi sostav morekhodov XVIII v. [Social composition of sailors of the XVIII century].” In *Spornye voprosy otechestvennoi istorii XI–XVIII vekov* [Controversial issues of Russian history of the XI–XVIII centuries], 22–32. Moscow: RGGU Publ., 1990 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. “Teoriia, istoriia i metod istochnikovedeniia [Source studies and humanitarian culture].” In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 760–768. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. “Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii [Theory and methodology of cognitive history].” In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 248–250. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. “Vspomogatelnye istoricheskie disstipliny: osobaa sistema metodov gumanitarnogo poznaniia [Auxiliary historical disciplines: a special system of methods of humanitarian knowledge].” In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 368–370. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. *Istochnikovedenie v sisteme gumanitarnogo obrazovaniia. Nauchno-pedagogicheskaia shkola istochnikovedeniia Istoriko-arhivnogo instituta* [Source study in the system of humanitarian education. Scientific and pedagogical school of source study of the Historical and Archival Institute]. Moscow: RGGU Publ., 2001 (in Russian).
- Medushevskaya, O.M. *Rossiiskie istoriki. Ikonografiia* [Russian Historians. Iconography]. Moscow: Sobranie Publ., 2015 (in Russian).
- Medushevsky, A.N. “The concept of cognitive history: intellectual sources, place in the structure of modern humanitarian knowledge, development prospects.” *Dialogue with Time. Intellectual History Review*, no. 44 (2013): 6–16 (in Russian).
- Naumov, O.N. *Streshnev: materialy k rodosloviyu* [Streshnev: materials for genealogy]. Kaluga: [N.s.], 2013 (in Russian).
- Pchelov, E.V. *Genealogiya drevnerusskikh knyazey IX – nachala XI vekov. Istochniki, problemy, interpretatsii* [Genealogy of ancient Russian princes of the IX – early XI centuries. Sources, problems, interpretations], PhD thesis, RGGU, 1997 (in Russian).
- Tetushkin, E.Ya. “Geneticheskaiia genealogiia: istoriia i metodologiia [Genetic genealogy: history and methodology].” *Genetika* 47, no. 5 (2011): 581–596 (in Russian).
- Weil, F. *Family Trees: A History of Genealogy in America*. Cambridge: Harvard University Press, 2013.
- Yan, M. *Research Guide to Chinese Genealogy*. New Westminster: Global Research and Archival Management Inc., 2010.

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Вячеславовна Сабенникова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 82; sabennikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>; SPIN-код: 3436-4639

Irina Vyacheslavovna Sabennikova, Dr. Habil. History, Leading Researcher of the Department of Archival Studies, All-Russian Research Institute of Documentation and Archiving; 82, Profsoyuznaya St, Moscow, 117393, Russia; sabennikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>; SPIN-code: 3436-4639